

ММ

ISSN 0131-7377

СЕМЬЯ И ШКОЛА

ЖУРНАЛ ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ

3 1990

Фото Валерия ЩЕКОЛДИНА

Ежемесячный журнал
для родителей
Издается с мая 1946 года

Главный редактор
В. Ф. СМЕРНОВ

Редакционная коллегия:

М. В. АНТРОПОВА,
Т. М. АФАНАСЬЕВА,
И. В. ДУБРОВИНА,
Ю. И. ЕРМОЛАЕВ,
И. Д. ЗВЕРЕВ,
В. А. КАРАКОВСКИЙ,
Г. А. КОВАЛЕВ,
Р. А. КУРБАТОВА,
В. Л. ЛЕВИ,
О. Н. МАМОНТОВА,
(зам. главного редактора),
Ф. М. МОРОЗОВ,
В. А. ПОЛЯКОВ,
В. А. РЫБАКОВ
(редактор отдела психологии),
Г. Н. СЕРДЮКОВСКАЯ,
Л. Н. ТИМОФЕЕВА,
В. И. ЧЕРЕДНИЧЕНКО,
Б. Т. ШУМИЛИН.

Редакторы отделов:

Н. АВТАМОНОВА
(семейного воспитания),
С. ВОЛЬШОНКО (писем),
Л. ОСИПОВА
(эстетического воспитания),
С. ПАРСАДАНЯН
(семейного быта и досуга),
С. СИВОКОНЬ
(литературы и критики),
Е. СМОЛКО (школ).

Редакторы:

Г. БЕЛИКОВА,
Т. БУКАШКИНА,
Ж. БЫКОВА.

Зав. редакцией
Т. ПЕТРОВСКАЯ

Художественный редактор
В. МУСИЕНКО

Технический редактор
Л. РОЗАНОВА

Макет и оформление
художника Ю. АФОНИНА

Адрес редакции:
129278, Москва,
улица Павла Корчагина, 7
Телефоны редакции: 283-86-14,
283-80-09

В НОМЕРЕ:

СЕМЕЙНАЯ ЭКОНОМИКА	1	В. Дмитриев. Что нам стоит дом построить...
ЗЕМЛЯ — НАШ ДОМ	4	Время невозможно взять взаймы
СТОП-СИГНАЛ	7	В. Москаленко. Замуж за пьющего?! Нет!
ПОЧТА		
«СЕМЬИ И ШКОЛЫ»	10	
	16	А. Букин. На пороге родного дома
ПОДРОСТОК И ОБЩЕСТВО	18	В. Чередниченко. За закатом — рассвет
КТО ОНИ, НАШИ ДЕТИ?	22	Б. Волчек, Л. Коваленко. Это страшные, страшные хиппи...
МИР ДЕТСТВА	27	Ж. Быкова. Дитя человеческое
НАУКА И ВОСПИТАНИЕ	30	А. Захаров. «Правые» и «левые»: кто они такие:
	38	«Правые» и «левые» — в детстве и отрочестве
МИР СПОСОБНОСТЕЙ	33	Н. Лейтес. Бывают выдающиеся дети...
АЗБУКА ОБЩЕНИЯ	36	Ю. Гиппенрейтер. Столкнулись интересы, как быть?
ЗА РУБЕЖОМ	41	К. Преображенский. В школьном мундире
ИЗ ПРОШЛОГО	44	И. Кленицкая. Ниточка доброты
КИНО	46	Б. Белоголовый. Спасите наши души!
ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ	48	О. Мандельштам. Шум времени
ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ	52	М. Романушко. Наши зимы и лета, весны и осени
КНИГИ		
55		
СЕМЕЙНЫЙ ДОСУГ		
58		
ДОМАШНИЙ МУЗЕЙ	64	В. Алексеев. О картине Владимира Маковского «На бульваре»
ДЛЯ МАЛЫШЕЙ		

Сдано в набор 08.01.90. Подписано в печать 31.01.90. А 06320. Формат 84×108¹/₁₆. Бумага «Котлас». Печать глубокая. Усл. печ. л. 7,14. Усл. кр.-отт. 12,6. Уч.-изд. л. 12,89. Тираж 3084700 экз. Заказ 44. Цена 30 коп.

Издательство «Педагогика» Академии педагогических наук СССР и Государственного комитета СССР по печати. 107847, Москва, Лефортовский пер., 8.

Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат Государственного комитета СССР по печати 142300, г. Чехов Московской области.

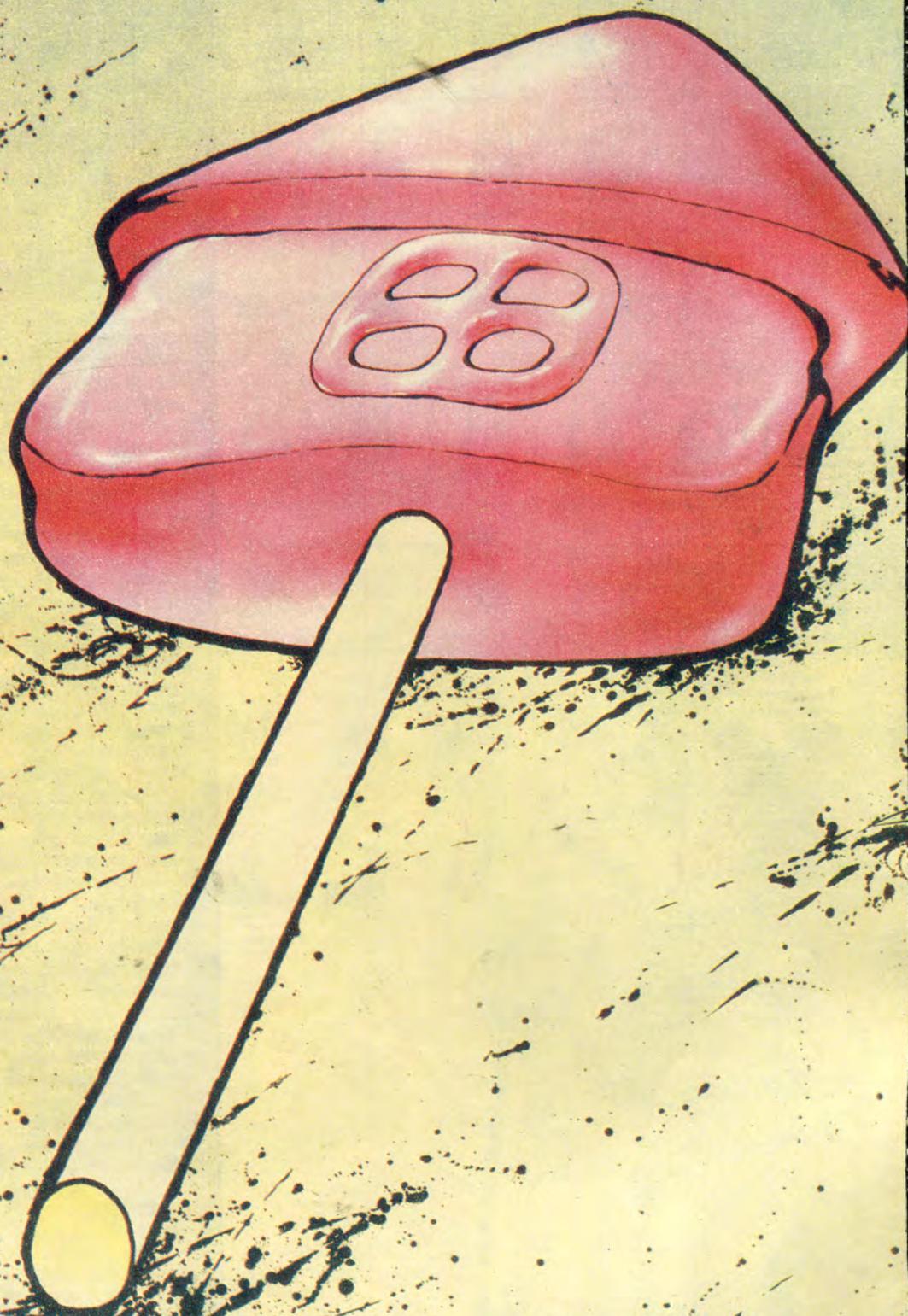
НОВАЯ РУБРИКА — «АВТОРСКИЙ ПОЧЕРК»

«Тринадцать мгновений из жизни женщины» — так, учитывая специфику мартовского, «женского» номера, мы решили назвать подборку снимков нашего давнего автора, фотографа Валерия Щеколдина. Его очерки, репортажи и этюды особенно часто появлялись на страницах «Семьи и школы» в семидесятых — начале восьмидесятых годов — как ни странно, в разгар эпохи застоя. Почему «как ни странно»? Дело в том, что творческий взгляд Щеколдина устроен так, что видит он лишь то, что есть в жизни на самом деле; ни ластовать, ни кадровать, ни режиссировать действительность этот мастер не способен органически. И тем-то он был по сердцу нашему журналу именно в эпоху безудержного оптимизма. Каждый снимок Щеколдина был безмолвным криком: «Люди! Остановитесь, оглянитесь! Люди ли мы!!»

...Вернисажем В. Щеколдина мы решили начать в журнале рубрику «Авторский почерк», где будем печатать — хотя бы на протяжении нынешнего года — фотографии тех мастеров, которым особенно близка тема детства, школы, домашнего очага, чьи работы были вызваны к жизни любовью и заботой о младших членах нашей такой большой семьи. Выбор для первого вернисажа работ именно Щеколдина не случаен — их предельная правдивость должна стать своеобразным камертоном для последующих публикаций. Естественно, что сегодня «за кадром» осталась большая часть творческой коллекции Валерия Щеколдина: выбор был ограничен заданностью темы. Однако мы надеемся и в дальнейшем печатать снимки нашего давнего автора, чтобы читатели почаще имели возможность смотреться в прямое — беспристрастное, не лстящее, правдивое — зеркало.

Фото В. Щеколдина

Плакат Андрея Исаева, г. Одесса

КАЖДОМУ К 2000 ГОДУ..

Валерий ДМИТРИЕВ,
кандидат экономических наук

ЧТО НАМ СТОИТ ДОМ ПОСТРОИТЬ...

На этом московском пятачке, затерявшемся среди уютных двориков, всегда многолюдно: здесь стар и млад, пары и одиночки, мужчины и женщины. Нет, это не престижный магазин и не барахолка. Это знакомый каждому москвичу Банный переулок, где разместилось квартир-бюро. Здесь сдают и меняют квартиры, и суммы в духе витают астрономические.

Двухкомнатная квартира в получасе езды на метро от центра города — 350 рублей в месяц (с уплатой части суммы на полгода вперед), однокомнатная на окраине Москвы — до двухсот, если повезет — заплатите дешевле. Дача на зимнее время в Подмоскovie — 150 рублей в месяц.

Квартирный вопрос стоит остро, отсюда — и соответствующие цены. Из трех миллионов семей (а именно столько читают наш журнал), думаю, весьма и весьма немногим они не в тягость. Эту истину личный раз подтвердили ответы на анкету журнала «Куда уходят деньги?» (№ 12 за 1988 год и № 1 за 1989 год).

Наши читатели жилищную проблему поставили на второе место после снабжения продуктами питания. А в группе от 20 до 30 лет она заняла первое место. И это вполне объяснимо: по последним данным, 15 процентов населения не имеют вообще никакого собственного жилья, более 2 процентов, а это в масштабах страны свыше 5 миллионов человек, проживают в ветхих и аварийных домах, около 5 процентов — в общежитиях, 10 процентов городских семей занимают комнаты в коммунальных квартирах, снимают жилье. При этом почти половина населения СССР имеет жилую площадь менее 9 квадратных метров на человека — ниже санитарной нормы, для сравнения: в ГДР — 27.

Согласно анкетированию, проведенному журналом «Семья и школа» в 1988—1989 годах, 37,6 процента читателей живут на площади менее 5 квадратных метров на человека, а около 7 процентов — до 3 квадратных метров!

Теперь обратимся к выводам ученых: увеличение жилой площади на одного человека с 4 до 6 квадратных метров уменьшает болезни детей до года на 10,7 процента, до 5 лет — на 12,3 процента. Там, где на человека приходится не меньше 9 квадратных метров, вдвое снижается коли-

чество сердечно-сосудистых и нервных заболеваний, гораздо реже инфекционные болезни, в полтора раза чаще рождаются дети.

Оптимальный вариант — 12—13 квадратных метров жилой площади или 20—21 — общей площади на человека. Тогда здоровье детей до 16 лет и людей старше 60 лет перестает страдать от недостатка жилого пространства. Такой метраж носит название «норма здорового жилища».

Следующая норма обеспеченности — 28 квадратных метров общей площади на человека: число комнат равно числу членов семьи плюс одна или две (при большой семье). Эта норма покрывает уровень притязаний подавляющего большинства людей, в том числе работающих дома.

...Посмотрим же, каковы наши перспективы.

На конец 1986 года в городах и поселках городского типа в очередях за жильем состояло 12,7 миллиона семей, в 1987 году — 13,6 миллиона, к концу 1989 года — 14 миллионов. Очередь на квартиры растет неудержимо. Таким образом, исходя из простейших расчетов, получается: почти пятая часть нашего населения необустроена, не имеет пригодного (даже с санитарной точки зрения) жилья. И это не считая бомжей (лиц без определенного места жительства), которых ни один райисполком в такую очередь не поставит.

К 2000 году мы собираемся обеспечить каждую семью отдельным домом или квартирой. В ответах на анкету и в своих письмах-приложениях к ним многие читатели хлестко называют эту программу «очередным социальным мифом» — как видно, то, что они наблюдают сегодня, оптимизма им не внушает. Посмотрим, так ли уж они не правы!

К концу века в стране должно быть сооружено не менее 2,4 миллиарда квадратных метров жилья. Выполнение этих заданий позволит нам выйти на среднюю обеспеченность одного человека примерно 18 квадратными метрами жилья. Однако и в этом случае свыше 30 миллионов человек будут иметь «нездоровое жилище», отрицательно влияющее на рождаемость, стимулирующее заболеваемость и детскую смертность. И это в том случае, если планы будут выполнены! Как выяснилось, они у нас чаще всего не

выполняются. К тому же доля капиталовложений в жилищное строительство не растет, а уменьшается. Сравним: в VI пятилетке она составляла 23,5 процента от капиталовложений в народное хозяйство, в XI пятилетке упала до 15,1 процента. В плане на 1990 год на жилищное строительство по всем источникам финансирования направляется 18,3 процента от общего объема капитальных вложений. Даже страны, где жилищная обеспеченность лучше нашей, тратят на сооружение нового жилья много больше: Венгрия — 22 процента капиталовложений, Польша — 24, Финляндия — 25, Франция — 26. Не говоря уж о ФРГ, Великобритании, Италии...

«Но как же так? — удивится иной читатель. — Я знаю, сам читал, что у нас в стране вот уже четверть века ежегодно строится более 2 миллионов благоустроенных квартир — почти в 2 раза больше, чем в ФРГ, Франции, Великобритании и Италии, вместе взятых. Но у «них» почему-то квартирный вопрос решен, а моей семье он ломает жизнь».

Ах, уж эта наша лукавая статистика, обслуживающая пропаганду! Во-первых, некорректно сравнивать в единицах измерения (в данном случае в количестве квартир) страны по численности населения несоизмеримые. А во-вторых, заметили ли вы, что во всех сводках предпочитают указывать как раз не число квартир, а «миллионы квадратных метров»? А что такое «квадратный метр»? Что к нему относится? Секрет. Такой справки никто не дает. Иногда кажется, что туда включаются (для отчетности, для удовлетворения все того же «вала») не только полезная жилая площадь, но и площадь фундамента дома, крыш, подъездов, лифтов, коридоров и т. д. Количество же семей, улучшивших или получивших квартиры, показывают лишь в рамках микрорайона, села, но ни в коем случае — города или области. Госкомстат предпочитает говорить о миллионах квадратных метров, о миллиардных затратах на жилищное строительство (чувствуете размах?), а квартир получают какие-то десятки тысяч (уже иной масштаб!). Правда, мелким шрифтом иногда можно прочесть весьма любопытное: «Для того чтобы только ликвидировать нынешнюю очередь, до конца пятилетки необходимо вдвое увеличить объемы капиталовложений». И это при нашем-то бюджетном дефиците! И это без учета демографической ситуации в стране!

Но любая тайна становится явной. Недавно в весьма солидной газете промелькнуло сообщение: «Среднегодовой ввод жилья в 1986—1988 годах составил 125,8 миллиона квадратных метров общей площади, что больше, чем в XI пятилетке, на 15 процентов». Опять миллионы квадратных метров, не более. Но дальше нечто новое: «В среднем за год в расчете на 1000 жителей сдавалось 7,7 квартир». Наконец-то что-то конкретное, определенное! Нетрудно подсчитать, что при таких темпах жилищного строительства для удовлетворения потребности в жилье пятой части населения, то есть сегодняшних очередников, требуется... 130 лет. За всю историю Советской власти было построено 4,4 миллиарда квадратных метров жилья, а к 2000 году мы должны увеличить этот показатель в 1,5 раза. Комментарии, как говорится, излишни...

Долговато, как видно, придется всем нам ждать квартирного изобилия за счет централизованного финансирования. Это понимают не только сами очередники, «наверху» — тоже. Не потому ли в декабре 1988 года Совет Министров СССР принял постановление, разрешающее покупать квартиру в старом доме, в доме «на снос», в котором уже никто не живет. А много ли таких домов? И это неизвестно. Согласно инвентаризации, проведенной в РСФСР, 200 миллионов квадратных метров (опять этот миллионный метраж, а не количество квартир) в домах времен Н. С. Хрущева

требуют капитального ремонта, а 90 процентов их нуждаются в реконструкции. Мог ли подозревать Никита Сергеевич, что эти дома, эксплуатационный срок которых ограничивается 20 годами, будут существовать и поныне? Не знаю, как он, а мы, тогда еще дети, наслушавшись радио, были уверены, что через 20 лет подкатят бульдозеры, снесут коробки, а на их месте возведут жилие дворцы... Автор этих строк сам живет в таком доме (так называемой «хрущобе»), капитальный ремонт которого по плану должен был производиться в 1977 году. Но... косметически обновлялись стены, красились подъезды — и не более того. Кстати, выезжать из этих квартир по собственной воле никто не собирается — некуда, да и домик наш, панельный, пятиэтажный, простоят еще сто лет. Так что в этой квартире, я думаю, выращу сына и дождусь внука. Задаю вопрос: плодотворна ли идея продавать государственную квартиру тем, кто в ней и так живет?

Не случайно, наверное, и продаются они со скрипом. На 1 сентября прошлого года в России их продано 285, на Украине — 705, в Белоруссии — 122, в Узбекистане — 127, в Казахстане — 1386. Всего — 8500. К тому же стоят они, старые, плохо спланированные, отнюдь недешево. Однокомнатная — 11 тысяч рублей, двухкомнатная — в пределах 18 тысяч, трехкомнатная — около 31 тысячи.

При вдумчивом анализе начинаешь понимать, что продавать старые квартиры — не что иное, как «подыдея». А идея такова: крайне острую жилищную проблему решить можно лишь с привлечением средств населения. В различных видах. Сейчас, к примеру, за счет таких средств строится лишь около 20 процентов жилого фонда, тогда как к 2000 году планируется довести этот показатель до 50—53 процентов.

Об этом, наконец, в полный голос заявил заместитель начальника отдела жилищного строительства Госплана СССР Д. Г. Ходжаев в интервью «Строительной газете»:

«Я убедился в необходимости постепенного перехода от распределения средств из союзного бюджета к преимущественному зарабатыванию их трудовыми коллективами и отдельными гражданами».

Стройте, мол, сами, а государство вам поможет. Вопрос: чем? Деньгами, которых у него, как выяснилось, избыток, или строительными материалами, которых недостаток? На этот вопрос ответа мы не получим. Зато следующая цитата — наглядное подтверждение тому, чем озабочено ведомство.

«...в нашем жилищном законодательстве необходимо обеспечить более прочную взаимосвязь между предоставлением квартир за счет государственных средств и трудовым вкладом работника. Нынешнее законодательство исходит только из нуждемости...»

Что же получается? Чем больше вклад (то есть должность, реже — квалификация), тем легче и быстрее получишь квартиру? Государственную! Ну а если ты работаешь подсобником, няней, уборщицей, а не начальником главка и не слесарем шестого разряда? Или если в семье трое, четверо детей, а их родители не имеют высокой квалификации?

Ну что ж, к 1990 году и без откровенный руководящего работника Госплана стало ясно: не надо рассчитывать на то, что государство с его расстроенной, по общему признанию, экономикой настроит вдоволь жилья и всех наконец обеспечит. Надо искать более реалистичные пути реализации жилищной программы. Хочешь не хочешь, а с нидерландской психологией, в которой так приучали столько десятилетий, придется расстаться и приобретать новую — хозяйскую. И к этому нас подвигают, предлагая ссуду в Сбербанке на строительство или покупку жилья.

Рассмотрим этот вариант.

Сегодня получить ссуду на строительство или покупку жилья так же легко, как и купить ананасы в наших районных овощных магазинах. Пример: за 1988 год выдача кредитов составила 3 миллиарда рублей. Ссуды эти шли главным образом на строительство не одних жилых домов, но и садовых домиков и их ремонт. Получили эти деньги всего 170 тысяч семей: напомним, что своего жилья ждут 14 миллионов.

Трудности в регулировании денежного обращения, то есть наши ошибки в планировании, удовлетворении платежеспособного спроса населения, не обошли и объемы кредитования. Поэтому уже со второй половины 1988 года стали вводиться административные ограничения.

Выделенные в 1989 году в распоряжение Сбербанка СССР лимиты кредитования были настолько незначительными (в квартал 200—300 миллионов рублей, и это — на всю страну!), что превратились в очередной дефицит, это позволило выдать ссуды лишь 30—50 тысячам человек (менее 0,2 процента очередников на жилье).

Итак, как мы видим, кредит тоже не панацея. К тому же условия кредитования не позволяют многим семьям воспользоваться услугами Сбербанка. Так, например, сельский житель, взяв кредит на 50 тысяч рублей, обязан выплатить проценты, которые составляют половину этой суммы: взял 50 тысяч, отдал 75. Правда, в течение 50 лет — таков срок погашения. В еще более жесткие условия поставлены жители городов.

Да, конечно, соблазнительно тут вспомнить принцип Ходжи Насреддина: за 50 лет либо я помру, либо произойдут какие-нибудь катаклизмы, либо денежная реформа. Но в том-то и дело, что, видимо, Сбербанк тоже додумался до этого принципа: не потому ли и стали дефицитом такие ссуды?

Из сообщений печати видно, что в стране уже давно ищут поиск децентрализованных путей решения жилищной проблемы. Вот еще один. В Днепрпетровском облкоммунауправлении разработали типовой договор трудового коллектива с работником, претендующим на получение жилой площади. Согласно этому документу, работник обязуется, во-первых, прослушать соответствующие лекции на курсах при учебном комбинате и сдать экзамены по одной из строительных специальностей, и, во-вторых, выполнить по графику определенный объем работ при возведении дома. Только в этом случае предприятие гарантирует работнику выделение квартиры. Если же новосел сам приобретает сантехническое оборудование, обои и материалы, ему возмещается их стоимость. Таким образом преодолевается главная трудность при строительстве хозяйственным способом — традиционная нехватка рабочих рук. И что примечательно — нет старательней строителей, чем те, кто возводит дом для себя.

Может быть, стоит подумать и над тем, чтобы предоставить местным Советам право передавать жилищно-строительным кооперативам, а также отдельным гражданам начатые или уже построенные за счет государственных капиталовложений дома? Ведь по данным обследования, 0,7 миллиона семей, желающих вступить в жилищно-строительные кооперативы, располагают полностью или более чем наполовину необходимыми для этой цели суммами. Так что деньги на жилье у некоторых из нас есть.

Коль мы гласно наконец признаем, что «центру» с обеспечением населения жильем не справиться, то следует учесть и подобный опыт других стран. Хотя бы соседней Чехословакии.

Несколько лет назад, будучи в Чехословакии, спросил у своих знакомых чехов, как у них решается жилищный вопрос. Меня заинтересовал один из вариантов — когда

государство предоставляет или продает молодым семьям только «стены, пол и потолок», включая коммуникации, по вполне доступным ценам. Естественно, что такое строительство происходит в более сжатые сроки. Все остальное за свой счет делают будущие жильцы: настилают паркет, обустраивают кухню, ванну, туалет, белят потолки и наклеивают обои. Многие с удовольствием идут на такой вариант приобретения жилища.

Но какой бы из децентрализованных путей решения проблемы мы рассматривали, ясно, что любой из них окажется тупиковым при нехватке строительных материалов, сантехнического и инженерного оборудования. А нехватка их налицо. Например, в конце 1988 года именно по этой причине не были приняты в эксплуатацию сотни уже практически готовых домов. В обострение жилищной проблемы вносит свою лепту наш неповоротливый затратный хозяйственный механизм. Подсчитано, что при транспортировке, погрузке и разгрузке у нас утрачивается около 5 миллионов тонн цемента. Примерно столько же этого дефицитнейшего материала теряется на строительных площадках. В итоге каждый пятый цементный завод в стране работает сегодня на покрытие этих потерь.

...Вот в печати проскочило сообщение о создании акционерной компании «Свой дом», цель которой — децентрализованное индивидуальное жилищное строительство. У компании компетентные, внушающие доверие учредители: Госкомитет по архитектуре и градостроительству, Жилсоцбанк СССР, Союз строительно-промышленных кооперативов СССР и Ассоциация молодых руководителей предприятий СССР. Вы внесите деньги и, по идее, через два года получаете ключи от коттеджа. Мы желаем новой компании удачи в ее начинании, потому что согласны с ней: «...методом директивного планирования и централизованного финансирования жилищная проблема неразрешима в принципе». Однако не поставит ли и этому начинанию подножку наша индустрия стройматериалов: своей строительной базы у компании, как мы поняли, нет. Иными словами, и перед ней встанет та же проблема: как добиться ритмичного, бесперебойного снабжения строительными материалами?

Итак, в жилищных делах, как и в других областях нашей жизни, ставка, по всей видимости, делается на децентрализацию. Но децентрализация не научит нас строить дома из воздуха. Чтобы от нее был прок, надо решить вот какие скромные задачи: безотлагательно наладить обеспечение строительными материалами; покончить с волокитой при выделении земельных участков под жилищное строительство; по-настоящему заинтересовать население в строительстве квартир и домов, например, путем снижения процентной ставки за кредит, ее дифференциации для различных групп населения; установить дотации государства при покупке домов и квартир; организовать доставку стройматериалов по заявкам застройщиков и т. д. и т. п.

...Построить дом, как мы видим, у нас непросто. Скажем определеннее: трудно. Сколько семей распалось из-за «квартирного вопроса», сколько не родилось детей, сколько родителей предали их собственные дети, сколько фиктивных браков и фиктивных разводов прошло через судьбы ради нескольких квадратных метров жилья! Выше мы говорили о влиянии жилья на наше физическое здоровье. А на нравственное? Как тут не вспомнить слова Воланда из романа Булгакова «Мастер и Маргарита»: «...обыкновенные люди... в общем напоминают прежних... квартирный вопрос только испортил их...» Это было написано в 20-е годы. На календаре — 90-й, а он, проклятый квартирный вопрос, все продолжает нас «портить»...

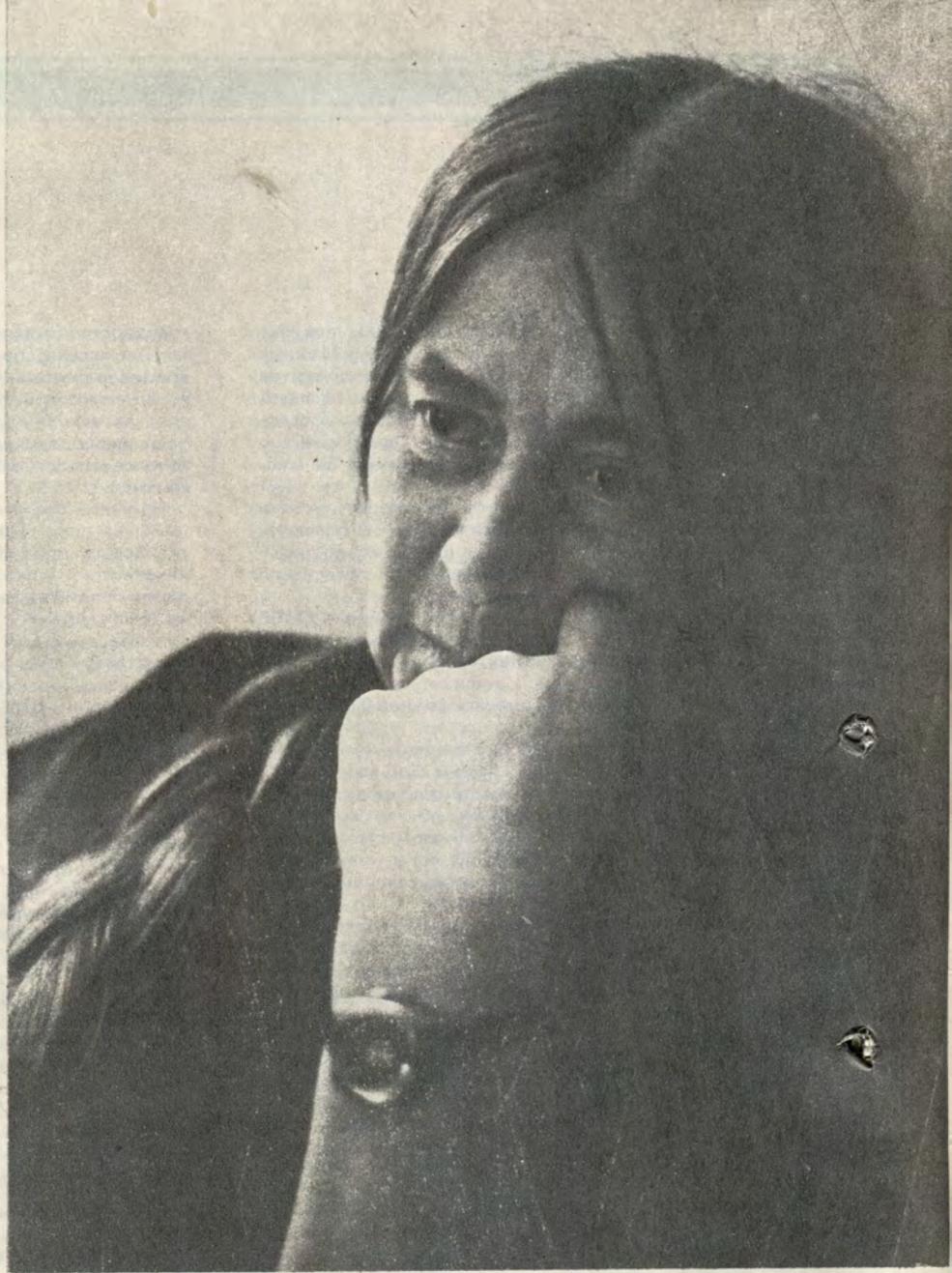
Заборы вокруг строек в Таллине разрыты детьми. Среди детских уличных рисунков в разных местах города встречается профиль женщины с длинной косой. Это — Тийна Мяги. Вот уже несколько лет, несмотря на бурные события и жизненные перемены, этот человек пользуется неизменной популярностью у детей и подростков. Чем же притягивает, привлекает их Тийна Мяги? Сегодня, когда нам, взрослым, намного труднее, чем прежде, влиять на детей, понять это — важно.

Рассказывает **ТИЙНА МЯГИ:**

Я знаю, что выгляжу странно и несовременно с моей длинной косой. Но такая прическа, если вообще ее можно назвать прической, вполне устраивает меня, потому что трачу на нее минимум времени, которого всегда в обрез. Не скрою, мне нравятся и красивые прически, и искусный макияж. Но сама привыкла обходиться без косметики. У меня свой, крайне простой стиль. Он продиктован напряженным ритмом жизни.

Другой раз нет и минутки, чтоб выпить чашечку кофе. Постоянно приходится спешить. Утром бегу в клуб «Кодулинн», которым заведу, оставляю записки дежурным, чтобы знали, что делать днем, оттуда мчусь на телевидение, где работаю режиссером, а вечером — опять в клубе, где зачастую задерживаюсь до полуночи. И так — почти каждый день... Общение с ребятами и подростками дает мне заряд бодрости и потому считаю, что «Кодулинн» для меня не нагрузка, а, наоборот, — источник сил.

Дело в том, что у меня две семьи. Первая, маленькая — дома, а другая большая — в «Кодулинне». Сначала хотелось бы рассказать о моей второй, многочисленной семье, о том, как она появилась. Примерно четырнадцать лет назад я собиралась сделать телевизионную передачу об ансамбле старинной музыки. Фоном для съемок выбрала готику старого Таллинна. Стала подыскивать подходящие дворики: но все оказались ужасно запущенными и грязными. Тогда обратилась в жилищное управление, чтобы оно организовало уборку. Но там развели руками: дескать, не хватает рабочей силы! Я не примирилась с этим банальным ответом. Объявила по телевидению, что в такое-то время и в таком-то месте могут собраться все, кто не равнодушен к облику нашего города и кто готов привести в порядок его старинную часть. На тот призыв никто из взрослых не откликнулся, явились только 62 школьника. И сразу определилось, что возникшее движение станет молодежным. Само собой родилось назва-

ние — «Кодулинн» (в переводе — «Родной город»). Оно точно отразило отношение ребят и подростков к нашему городу, как к своему дому. И это действительно так: город — наш большой дом, а мы — одна большая семья.

Периодически по телевидению рассказывалось о деятельности «Кодулинна» и достопримечательностях Таллинна. К своему удивлению, я обнаружила, что многое и мне самой неизвестно. Десятки раз проходила мимо одних и тех же зданий, но не представляла, сколько исторических событий связано с ними. Будто листала иллюстрированную книгу с подписями на неизвестном языке... Что же говорить о детях, у которых пробелов в знаниях еще больше?

Сразу мы договорились, что каждое второе воскресенье у нас будет рабочим. Сначала предполагалось только очистить от мусора чердаки и дворы. Но ребя-

там этого показалось мало, и они, можно сказать, предложили свое альтернативное решение. Взялись мостить каменными плитами полы, ремонтировали двери, разбивали клумбы. То есть делали все, чтобы полностью преобразить дворы.

Постепенно росло число участников нашего движения. Подсчитано, что за годы его существования в нем состояло почти девять тысяч человек. Окончив школу, ребята уходили, но на смену им вливалось новое поколение. Но есть и «старрики», которые до сих пор преданы «Кодулинну» и не расстаются с ним. Наш давний активист Яак Кангро признался, что после рабочего дня клуб для него — «отдых души», домой отсюда он неизменно возвращается в хорошем настроении.

...А раньше, когда у нас еще не было клуба, мы, закончив работу, усаживались

ВРЕМЯ НЕВОЗМОЖНО ВЗЯТЬ ВЗАЙМЫ

на лестнице какого-нибудь старого дома и были душевные разговоры. Сколько же проблем у ребят! Жаль только, что мы, взрослые, в них мало вникаем. Нет, никак нельзя отказывать ребятам в желании иметь свое прибежище, где можно собраться, обсудить дела, обменяться новостями, просто повеселиться. Такое свобод-

Фото С. Парсадяна

ли, собрания общественности, аукционы и, само собой разумеется, танцы. Как же молодежи без танцев! Рядом — спортивный зал для игр в настольный теннис. А на втором этаже можно собраться в более узком кругу. Каждый волен вести себя так, как ему хочется: или читать, или смотреть телевизор, или играть в шахматы. Шахматные и шашечные турниры пользуются у нас большой популярностью.

Есть в клубе еще столярная мастерская. В ней собраны старинные инструменты, какие теперь редко встречаются. Желющие могут научиться пользоваться ими, овладеть навыками тонкого ремесла, попробовать себя в столярном искусстве. Своими силами наши умельцы отреставрировали резную мебель, которая украсила наш клуб.

А наверху у нас маленький музей. В нем экспонируются различные предметы быта,

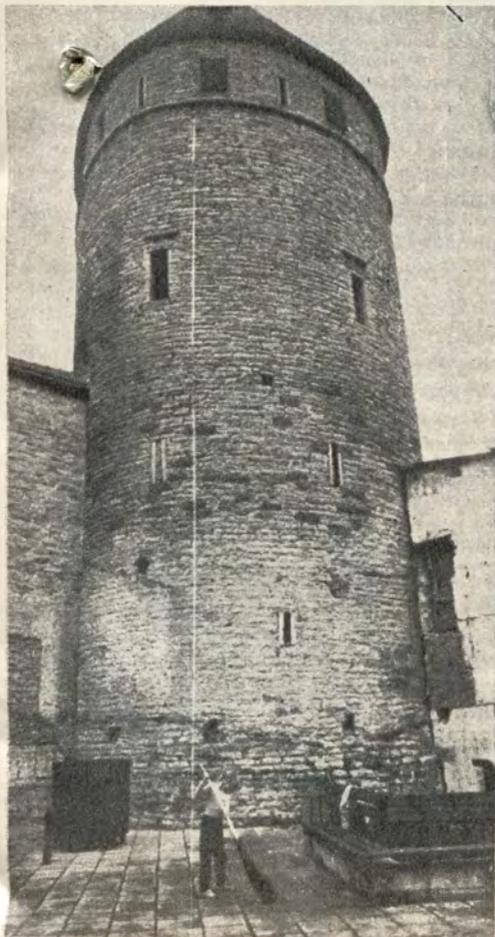
ное, раскованное общение подросткам необходимо.

До чего же мы обрадовались, когда нам предложили реставрировать захудалую пристройку у городской стены. Место очень привлекательное и известное, здесь снято много фильмов на исторические темы. Но сам дом был очень непригляден. И, честно говоря, не верилось, что удастся перестроить его и приспособить для клуба. Но ради заветной цели ребята оказались готовы свернуть горы. И действительно свернули — во всяком случае, горы мусора...

Снаружи наш клуб кажется небольшим, но он достаточно вместителен. В просторном фойе специально не оштукатурена часть стены, чтобы были видны камни вдающейся в нее башни. Внизу, в подвальном этаже, у нас большой зал, где устраиваются выставки, концерты, спектак-

найденные среди никому ненужной рухляди. Но для кодулинцев это — драгоценные находки. По ним легко восстановить биографию наших полезных дел.

В клуб мы принимаем всех. Но... прежде нужно доказать свое трудолюбие и отработать пятнадцать рабочих воскресений на объектах города. Все кодулинцы имеют личные трудовые книжки, куда вписан их трудовой стаж. За усердие у нас получают простые награды — памятные значки или сувениры. Самое солидное вознаграждение — это поездка на экскурсию в другой город. Никто не ищет материальной выгоды. Ребят привлекает иное: им отраднее сознавать, что они причастны к важному делу. Притягивает «Кодулинн», наверное, и тем, что здесь к ним относятся, как к взрослым, не сюсюкают, как с маленькими, и не командуют, как будто они «ничего не пони-

мают». Ребята ведь не любят долгих и занудных наставлений, вполне достаточно объяснить, в чём суть дела, а до остального они додумаются сами. Я за то, чтобы дети как можно раньше учились самостоятельности!

В «Кодулинне» мы многое доверяем ребятам. И они меняются на глазах, раскрывают способности и возможности, о которых раньше и они сами, может, не подозревали...

И, конечно, не обходится без юмора, который помогает выйти из затруднительного положения и поднимает настроение. Иногда детям хочется и пошалить. Для этого у нас бывают специальные, так называемые шумные часы, когда можно резвиться сколько угодно: никто никого не одергивает, не делает замечаний. Ненавязчиво у нас прививаются правила культурного поведения. Основные из них: вести себя так, чтобы не бросать тень на «Кодулинне».

Некоторые, возможно, считают, что у меня с детьми слишком фамильярные отношения. Но меня ничуть не коробит, когда они называют меня просто Тийна. Я держусь с ними, как с равными: мы ведь очень близкие люди. И кроме того, у эстонцев не принято отчество. А «товарищ Мяги» или «тетя» нелепо звучало бы из их уст.

Что же касается уважения, то, на мой взгляд, оно не может быть односторонним. Я не вправе рассчитывать на уважение к себе, если неуважительно отношусь к другим. Если кто-то из моих подопечных желает поговорить со мной, то, как бы я ни торопилась, обязательно выслушаю его. Ребята часто засыпают меня разными вопросами. Я понимаю: нужно всегда отвечать на них! И чтобы не осрамиться перед ними своей некомпетентностью, много читаю, стараюсь быть в курсе политической жизни, слежу за событиями в стране.

Мое уважение к ним ребята видят в том, что при распределении заданий стараюсь учитывать пожелания каждого. Пусть работают там, кому где больше нравятся...

Сейчас у нас в республике возрождается интерес к национальной культуре, ко всему тому, что определяет самобытность нации; мы считаем, что национальный язык обязан знать каждый, кто живет в Эстонии. Задача нелегкая не только для взрослых, но и для детей. В большинстве школ язык пока преподают слабо. Но в любом случае невозможно овладеть разговорной речью на уроках. Для этого необходимо живое общение.

Наш «Кодулинн» и решил оказать помощь в изучении трудного эстонского языка русским ребятам. Мы пригласили участвовать в нашей деятельности учащих русских школ. Это и есть одно из самых реальных дел, в котором могут объединиться горожане всех национальностей! В общей же работе естественно возникает и общий разговор. С помощью кодулиннцев русские школьники пополняют свой словарный запас, а главное возникает желание понять друг друга. И как приятно видеть, что многие обрели у нас душевное равновесие... Отраднo отмечать ростки духовности у подростков. Они начинают больше интересоваться исто-

рий, культурой и всем тем, что связано с родным городом.

В Дни Старого города, ставшие в Таллине традиционными, кодулиннцы в особом почете: ведь именно их стараниями многие дворики стали чище и уютнее; некоторые настолько преобразились, что в них во время празднеств показывают маленькие театрализованные представления. В день астрономического начала весны мы устраиваем весенний праздник: встречаем весну с песнями, играми, хороводами, танцами.

Надо мной многие посмеивались, что я в течение многих лет руковожу движением «Кодулинна» на общественно-начальном. Но у меня никогда не появлялась мысль о материальном вознаграждении. Не все оплачивается деньгами... Существует и другая награда. Разве мало того, что удалось увлечь детей, что они нашли для себя занятие, что не слоняются без дела по улицам, что стали уважительнее относиться к старшим и что некоторые перестали быть на плохом счету в школе?!

Иногда задумываюсь и прихожу к выводу, что, не будь «Кодулинна», мне, пожалуй, было бы гораздо труднее воспитывать собственных детей. Мне не пришлось сталкиваться с теми сложными проблемами, которые известны многим родителям. А секрет, наверное: прост: мои дети с ранних лет были заняты полезным делом и не знали, что это такое — тратить время попусту... Сын Тоомас в «Кодулинне» научился разным полезным вещам, которые пригодились ему в будущем. Он, как говорится, — мастер на все руки: и сантехник, и столяр, и маляр (любой ремонт делает сам). В школе он отлично рисовал, увлекался резьбой по дереву, интересовался архитектурой. Но... поступил на химический факультет Тартуского университета. Кстати, химия у него всегда была любимым предметом. Теперь работает научным сотрудником в археологическом управлении при Академии наук ЭССР. Я подшучиваю над ним, что все-таки притягивает прежняя цель: только вместо того, чтобы идти к ней по прямому пути, он предпочел сделать сложный зигзаг. Его привязанность к «Кодулинну» не остыла. Каждое воскресенье он тренирует юных баскетболистов. Этот вид спорта предопределен ему самой природой: его рост 198 сантиметров.

Моя дочь Киллу (ее зовут так и дома, и в школе, хотя настоящее ее имя Мария-Эва) привыкала к «Кодулинну» с самого раннего детства. Когда малышку не на кого было оставить, я возила ее с собой на работу. Подрастая, она пыталась подражать детям постарше: тоже что-то откупывала лопаткой, что-то таскала. Она стала моей надежной помощницей. Киллу перешла в одиннадцатый класс и повсюду успевает: кроме школьного французского, взялась изучать еще и английский. поет в школьном хоре, учится играть на гитаре, занимается в драматическом кружке при молодежном театре. Ей нравится разрабатывать сценические этюды, видимо, тяга к этому пробудилась еще тогда, когда мы, не имея клуба, усаживались после работы где-нибудь на чердаке или на лестнице и устраивали импровизированные концерты.

Мы с дочерью — близкие подруги. От нее у меня нет секретов. И она делится со мной всем, что у нее на душе. Но ее доверием стараюсь не злоупотреблять и не навязываю свое мнение. Она уже многое может сама решать. И стоит ли давать ей совет в том случае, когда я заранее знаю, что она поступит по-своему. К этому выводу я пришла, общаясь с ребятами в «Кодулинне».

Моя невестка, жена Тоомаса, не связана с нашим движением. У нее хватает своих забот: и работа в школе, и маленький ребенок. Но она никогда не возмущается, что Тоомас по воскресеньям уходит на тренировки в «Кодулинн».

Свою внучку Лийзи, в основном, вижу спящей. В редкие часы, когда могу заниматься ею, с удовольствием слушаю ее милый лепет. Скажешь ей «один», она говорит «два». Скажешь «три», она отвечает «четыре»...

У нас крохотный зверинец. Есть собака, попугаи, рыбки, белая крыса. Я не раз убеждалась, что животные помогают сохранять в семье хороший микроклимат. Если в домашней атмосфере начинают появляться опасные заряды ссоры, то они гасятся благодаря нашим маленьким друзьям. Кто-нибудь из них обратит на себя наше внимание — и всякое раздражение сразу пропадает.

У меня привычка утром провожать до дверей всех домочадцев. Это перedalось от мамы. Помню, как приятно было ощущать на себе взгляд мамы, смотревшей мне вслед, когда я уходила на работу. Моя мама умерла пять лет назад, но она как бы осталась с нами в том, что оставила в наших сердцах...

Летом, когда предоставляется возможность, всей семьей отправляемся на нашу маленькую дачку. Ее я построила своими руками, только печку сделал мастер. Тогда ко всему прочему прибавляются заботы по заготовкам к зиме. Люблю собирать и мариновать грибы, готовить джемы из свежих, невареных ягод. А когда выдается свободное время, то шью либо вяжу себе или дочери.

Говорят, лучший отдых — это смена занятий. У меня их очень много, так что выходит — нет никакой возможности уставать...

Записала Карин КОЯТ

В. МОСКАЛЕНКО,
доктор медицинских наук

Замуж за пьющего?!

Я жена алкоголика. Вы не представляете, каких мук стоило мне написать эти три слова... Двенадцать лет я замужем — двенадцать лет все на что-то надеялась. Последний раз понадеялась на антиалкогольный указ, когда высокие руководители заявляли, что «возврата к старому не будет». И правда, сократилась продажа спиртного, на работе пить перестали. И мне стало полегче, потому что мой муж в одиночку пока что не пьет, только за компанию, с компаниями же стало туговато. Теперь все снова: и на работе, и дома, и по поводу, и без повода...

Пьянство мужа забирает у меня больше душевных сил, чем дети, а их у меня двое. К тому же жизнь дорожает, а он третьи зарплаты топит в бутылке. Знаю, что другие жены пьющих мужей получают их деньги в бухгалтерии сами, на-

чальство идет навстречу. Но мне стыдно на люди нести свой позор. Пока что даже некоторые из наших знакомых не знают всей полноты моей беды, думают: ну, попиивает... Тайком от родственников и знакомых я устроилась на вторую работу. Он усталости и беспросветности все чаще кричу на детей, а то и шлепка даю. Разве о такой жизни я мечтала, когда замуж выходила?..

Л. С.
Москва

Сейчас что ни откроешь — газету или журнал, обязательно прочитаешь об обездоленных. Сколько обездоленных-то оказалось в нашем «самом гуманном обществе»: от детей-сирот до брошенных стариков! Могу подсказать еще одну группу населения — это жены и дети алкоголи-

ков. Кто бы мне помог или подсказал, как вырастить детей при отце-алкоголике? Как мне самой жить, когда я, с больными нервами и множеством других болячек, уже «не человек», а на работе нужно быть всегда в форме. Да упаси бог, чтоб благополучные коллеги про беду мою узнали; что-то не верю, что посочувствуют. Я не помню, когда была в кино, на природе, когда мы с детьми веселились. Я уже готова обратиться за помощью. Но куда? К наркологу? Муж и слышать не хочет. К психологу? Таких в нашем городе нет. Развестись? Но квартира наша неразменная. Да и десять прожитых вместе лет что-то значат, не бросать же человека погибать окончательно. Выход один — погибать вместе.

г. Киселевск
Кемеровской области

«Жизнь с алкоголиком как война. Передвижение по обстреливаемой местности. Пробежишь несколько метров — упадешь. Снова подхватиться, пробежишь — упадешь. И никогда не знаешь, что будет завтра. И даже сегодня вечером».

...Так что жены алкоголиков — это отдельная социальная прослойка, их можно объединить в особую группу или вид» (В. Токарева, «Пять фигур на пьедестале»).

Когда я разговариваю с женами своих пациентов (а я работаю в антиалкогольной клинике), то часто слышу от них:

— Вот вы лечите здесь моего мужа. А я, если хотите знать, еще больше его. Мне бы самой не мешало лечь в больницу.

Представьте, в этом нет преувеличения. Чем же больна жена? Она больна **коалкоголизмом**, это состояние еще называют **созависимостью**, что одно и то же. Главный симптом алкоголизма — зависимость больного от алкоголя, а состояние жены алкоголика зависит от его болезни. Частичка «со-» — в сложных словах озна-

чает общность, совместимость действий; то же самое означает «ко-» в слове коалкоголизм, мы произносим его так, как оно звучит в английском языке.

Итак, коалкоголизм — это психологическое состояние родственников больного алкоголизмом, живущих вместе с ним. Этими родственниками могут быть жена, мать, муж (при большой алкоголизмом супруге), взрослые дети и даже близкие друзья. Термин предложен не так давно, впервые использован в 1979 году. Строгое определение термина еще разрабатывается. Одни авторы считают, что феномен свойствен только родственникам больных алкоголизмом, другие толкуют его шире и говорят, что сходное состояние может развиваться у людей, проживающих в семьях, которые схожи тем, что несчастливы. Есть и такое мнение, что созависимость тесно связана с культурой, в которой воспитан человек. Как бы то ни было, ясно одно: у родственников больного алкоголизмом развиваются общие, сходные свойства личности.

Жить с большим алкоголизмом — значит свалить на себя непосильное бремя. На

перегрузки, пусть не космические, но очень тяжелые, обязательно будет реакция. Когда на человека сваливается большое несчастье (а такая болезнь, как коалкоголизм, и есть большое несчастье, причем не только самого заболевшего, но и всей его семьи), то первое, что непроизвольно хочется крикнуть: «Не может быть!» Срабатывает механизм психологической защиты, который называется отрицание. Близок к нему другой механизм — вытеснение, то есть вытеснение из сознания.

При алкоголизме как у больного мужа, так и у здоровой жены, отрицание играет чуть ли не самую главную роль. Он, муж, может отрицать и факт выпивки, и существование у себя проблем, вызванных пьянством, и вред алкоголя для своего здоровья, для благополучия семьи и т. д. Вы сами знаете, как это бывает. Она, жена, не отрицает сам факт, что муж пьет, но также стремится найти этому смягчающие объяснения. На начальных стадиях алкоголизма мужа жена не приходит за советом к врачу, она не обсуждает свое несчастье даже с подругами, алкоголизм всегда — большой «секрет» семьи.

Признаться даже самой себе, что муж пьет не в меру, что он болен алкоголизмом, — значит признать свой брак неудачным. Это очень больно. Правду поэтому и называют беспощадной, что она причиняет боль. Отрицание — это механизм обезболивания.

Кроме того, если всерьез признать факт болезни, то необходимо действовать. Вместе с уяснением горькой реальности (что происходит на более поздних стадиях алкоголизма) жена испытывает накал отрицательных эмоций, накал столь сильный, что он и служит побудительным мотивом к действию.

Почему же долгое время жены отвергают, замораживают, прячут от себя и других те чувства, что способны дать верный сигнал: «Вот она, беда! Не прячься, ибо она уже настигла!» Да потому они это делают, что эти чувства — разрушительны, они разъедают личность, если их не повернуть в правильное русло.

Рано или поздно все равно придется начать действовать: болезнь сама не пройдет, ее надо лечить. Но и казнить себя за самообман, за игры в прятки с самой собой не стоит. Нужно понять, что механизм отрицания — это не ложь, а психологический закон, форма реакции на несчастье. Законы отменить нельзя, но их надо изучать, чтобы правильно использовать.

Было бы благом для больного максимально сократить отрицание своих алкогольных проблем, а для жены признание этой горькой правды стало бы поворотным пунктом не только в спасении мужа, но прежде всего в спасении себя.

От чего же ей спастись?

Коалкоголизм, оставленный без вмешательства и понимания, имеет свое типичное развитие и приводит к мучительным последствиям. Развивается определенный склад характера, в котором главная черта — потребность контролировать кого-то, манипулировать кем-то. Все внимание переключается на внешний мир, на уговоры, подробности скандалов, на придумывание различных форм выяснений отношений и способов изоляции от спиртного. И очень мало человек заглядывает внутрь себя. В то же время сознание как бы закрыто для новых идей, других точек зрения на несчастье семьи, помимо собственной. Жены не ждут помощи извне, не принимают советов, они психологически закрыты и упорствуют в этом.

Жене кажется, что она может удержать мужа от пьянства. Это заблуждение! Если развился алкоголизм, то никакая внешняя сила не может длительно удерживать человека от спиртного. Другое дело, если он сам поставил себе такую цель и использует для этого свои внутренние ресурсы. Я хочу, чтобы вы почувствовали огромную разницу в действии внутренних и внешних побуждений и мотивов поведения. Обычно успех обеспечивает только внутренняя, глубоко личная мотивация. Сравните: дисциплина — хорошо, но самодисциплина — лучше; то же самое с контролем и самоконтролем, с образованием и самообразованием, с воспитанием и самовоспитанием... Вот эта часть «само-» до того важна для человека, что наш язык содержит свыше 170 слов, начинающихся на «само-» (важные психологические процессы всегда отражаются в языке...). В паре

больной — жена она-то и выступает фактором внешнего контроля и терпит поражение. Манипулировать людьми — вообще труднодостижимая задача. У живых людей есть своя воля, чувства, свои стремления. Так что поставленная женой цель — удержать мужа от пьянства — обычно ей не удается или удается лишь на короткое время. Дальше неизбежна фрустрация, то есть крушение надежд и усиление собственного ожесточения.

Есть разные типы «жен алкоголиков». По моим наблюдениям, наиболее распространен тип «контролирующей» жены. Это и есть один из видов коалкоголизма. «Контролирующая» жена занимает доминирующее положение во всех аспектах супружеской жизни. Она это делает потому, что абсолютно уверена в своем превосходстве над мужем. По ее убеждению, из двух супругов именно она наилучшим образом принимает решения... В действительности это может быть и правдой, но и это не меняет дела...

Коалкоголизм развивается с определенного времени. Считают что двух лет совместной жизни с больным достаточно для деформации характера у близких. Но почвой для коалкоголизма становится структура личности жены, которая ей всегда была свойственна, еще до замужества. Такие женщины находят себе супругов, в чем-то уступающих им, «ниже» их. Дело в том, что до начала алкоголизма у мужа в структуре и его личности были некоторые признаки созависимости. Такие люди притягательны друг для друга, поэтому они и поженились.

Когда начинается алкоголизм у мужа, то уверенность в своем превосходстве у жены только укрепляется. Она пытается контролировать не только «питейное», но все его поведение, держит в своих руках бюджет семьи, считает себя единственным авторитетом для детей, пользуется сочувствием окружающих, когда «секрет» семьи все же получает огласку. Во время приступов угрызений совести больной алкоголизмом (в особенности по окончании запоя) сам неоднократно говорит жене, что недостойна ее. Это еще больше укрепляет ее уверенность в собственном превосходстве. Жена видит любовь «соломинку» в поведении мужа. А к своему собственному и вовсе не присматривается: ее мысли заняты тем, как уберечь мужа от выпивки, как не допустить очередной беды для семьи. Тут уж не до анализа своих ошибок или обдумывания несовершенства своей личности...

Что же с ней происходит дальше? Утрата контроля над мужем, понимание в глубине души, что брак не удался, делают ее жесткой, эмоционально односторонней. Развиваются такие чувства, как гнев, негодование, сменяющиеся тревогой, разочарованием, безысходностью... Затем снова приходят самоуверенность, резкость, неуступчивость, эгоцентризм... И ослаблены, даже утрачены такие чувства, как мягкость, покладистость, нежность, ласковость... Женщина перестает быть эмоционально теплой.

Вместе с чувствами меняется и мышление. Она обо всем судит резко, слишком полагаясь на упрощенный анализ: хорошо — плохо, белое — черное, вот причина — вот следствие. Я называю это одно-

мерным линейным мышлением. В действительности всякое явление многомерно; и никогда не провести нам одну прямую линию от причины до следствия.

Женщина с признаками коалкоголизма перестает ценить людей, даже самых близких — своих детей, например, «просто так», а оценивает их лишь в том плане, помогают они достижению ее целей или нет. Если же цель не достигается, то она в большей степени склонна винить других, чем себя, внешние обстоятельства, а не природу алкогольной болезни.

Односторонность чувств приводит к тому, что такие женщины не умеют выразить свои чувства словами. Незаванным вещам в обиходе нет места, так и с чувствами. Незаванными — они как бы отсутствуют. Здесь — замкнутый круг: процесс обеднения, упрощения эмоций продолжается. Жена больного алкоголизмом просто не знает, где кончается ее собственная духовная территория и начинается суверенное царство чье-то «я». В супружеской жизни вдвойне важно уважать духовный суверенитет другого, она же беспардонно вмешивается в жизнь других людей, не спрашивая на то их позволения. Чтобы знать примерные границы своего духовного «я», необходимо все время обращаться к своей внутренней жизни, анализировать свои мысли, чувства, поступки, соотносить их с какой-то шкалой ценностей. В «алкогольной» семье каждый так озабочен проблемами больного, что вся жизнь вертится вокруг него. Поэтому больной (а точнее, алкоголь) и определяет настроение, ход мыслей жены, ее заботы.

Если для эмоционально зрелого человека самооценка важнее оценки окружающих лиц (например, мне не столь важно, что скажет директор о моей работе; я должна сама быть уверена, что хорошо работаю), то для созависимых людей вечная проблема — что скажут другие. Это происходит потому, что у созависимых всегда понижена самооценка. Они ведут себя так, чтобы окружающие постоянно подтверждали их ценность. При этом могут совершать много добрых дел, помогать людям; только главная движущая сила таких поступков — пониженная самооценка; здесь больше эгоизма, чем альтруизма. Не удивляйтесь! В психологии все так причудливо сплетено: за фасадом уверенной в себе, жесткой, «контролирующей» жены больного алкоголизмом живет существо слабое, с низкой самооценкой, испытывающее страх, тревогу и отчаяние. Этим женщинам так нужна психологическая поддержка! Конечно, нам всем она нужна, но им — больше. Больше, чем тем женщинам, которые живут в нормальных семьях!

Внешне взаимоотношения «контролирующей» жены и больного алкоголизмом мужа выглядят как взаимоотношения сверхопекающей, строгой до холодности матери и маленького, слабого ребенка. Она с ним нянчится, как с дитем. Она не дает ему больше рубля в день, не советует, какого цвета рубашку ему купить, часто делает его работу по дому и т. п. Когда же мы делаем какие-то дела «за других», тем самым мы становимся в собственных глазах незаметными. Здесь мы лишний раз утверждаем

себя, а не помогаем другим, ведь истинное уважение к другому предполагает веру в то, что он сам многое может сделать. Стремление стать незаменимой, потребность в «подпитке» собственной ценности движут женой, когда она за все берет сама: ей необходимо поддерживать уверенность в том, что он «ниже» ее.

Крайний вариант «контролирующей» жены воплощен в жене «карающей». Ее отношения с людьми вообще и со своим мужем в особенности отмечены постоянной состязательностью, соперничеством, агрессивностью — и завистью. Именно эти устремления и делают ее глубоко одинокой, хотя она так занята, так увлечена погоней за успехом в жизни, что редко осознает свое одиночество. В профессиональной жизни ее соперниками часто бывают мужчины, и у нее появляется естественное чувство неприязни или даже ненависти к ним как к своим врагам. Эти женщины умеют делать карьеру.

«Карающая» жена не требует многого от мужа, во всяком случае, ей само так кажется. Она может зарабатывать много больше его, брать на себя ответственность за ведение дома — хотя копаться в домашнем хозяйстве и пестовать детей она не любит. Все, чего ей хочется от мужа, — чтобы он был придатком к ее заведенному порядку в жизни, не напивался и не ходил ночевать к другим женщинам. Она ни в чем ему не отказывает, кроме «малого» — признания его настоящим мужчиной. Если же он не ведет себя так, как она того хочет (а выпить водки означает для него утвердиться в качестве мужчины), она может жестоко наказать его.

Запомните: дети в таких семьях страдают больше всего! Мать слишком занята, чтобы в действительности знать, какие у нее дети. Пока они были маленькими, ей не доставляло удовольствия ласкать и пестовать их (замечу, что физический контакт матери и маленького ребенка — основа дальнейших эмоциональных взаимоотношений с людьми). Когда же дети стали старше, их заботы или раздражали мать, или были ей скучны, неинтересны.

К тому времени, когда дети становятся подростками, у них появляются трудности поведения. Обычно окружающие говорят: «А что вы хотите от этих детей? Ведь их отец — алкоголик». На самом деле только часть проблем детей можно объяснить алкоголизмом отца. Да, они страдают оттого, что у них нет сильного, мужественного отца, а слабовольного они не уважают. Но они страдают и оттого, что у них нет мягкой, ласковой матери, любящей их просто так, а не за какие-то определенные успехи. Настоящая любовь не ставит условий, только психология зависимости требует: «Если я тебя придумала — стань таким, как я хочу!»

Вот я разговариваю со взрослой дочерью больного алкоголизмом отца:

— Представьте себя ребенком, скажем, лет двенадцати. У вас плохо складываются отношения с подругами; допустим, вы поссорились. Вам нужен совет взрослого. Оба родителя в вашем распоряжении. У отца в это время как раз «сухой» промежуток. К кому вы обратитесь за советом?

— К отцу.

И так — всегда! Исключение составляют те семьи, где отец дерется. Тогда дети отвечают: «Ни к кому». Вот вам признак истинного распада семьи; ребенок уже не ищет психологической помощи дома.

Нельзя проблемы детей связывать только с алкоголизмом одного родителя. У ребенка есть и второй родитель, роль его тоже немалая. Разлад в душе ребенка может в большей степени быть связан с матерью, пораженной коалкоголизмом, чем с отцом, страдающим алкоголизмом.

Психологический портрет жены больного алкоголизмом получился не очень симпатичным. Но не спешите с выводами! Во-первых, реальность надо признавать реальностью — независимо от того, нравятся она или нет. Во-вторых, не надо забывать, что и контролирующее поведение и жесткий характер с однобокими чувствами порождены огромным несчастьем — алкоголизмом близкого человека. В-третьих, жена страдает не только душевно, но и телесно. У нее развиваются так называемые психосоматические заболевания («сома» означает «тело»). Это язвенная болезнь, воспаление кишечника, повышенные артериального давления и другие. Она зачастую вынуждена обращаться к психоневрологу — с жалобами на раздражительность, бессоницу, подавленное настроение, чувство безнадежности, на то, что не может нормально, как раньше, работать. Вся ее духовная жизнь сдвинута с нормальной основы. Я испытываю большое сочувствие к страданиям этих женщин!

Первым шагом на пути к исцелению от коалкоголизма будет признание реальности, а не отрицание ее. Приводимые ниже 20 вопросов помогут решить, нуждается ли Вы в посторонней помощи.

1. *Беспокоитесь ли Вы о том, что кто-то из Ваших близких пьет слишком много?*

2. *Испытываете ли Вы финансовые затруднения из-за того, что муж пьет?*

3. *Приходится ли Вам говорить неправду, чтобы покрывать пьянство Вашего мужа?*

4. *Есть ли у Вас такое чувство, что выпивка для Вашего любимого значит больше, чем Вы сами?*

5. *Думаете ли Вы, что поведение пьющего супруга связано с тем, что он связан с определенной компанией?*

6. *Часто ли приходится отказывать врамья обеда из-за мужа?*

7. *Высказываете ли Вы, например, такие угрозы: «Если ты не бросишь пить, я оставлю тебя»?*

8. *Когда Вы в знак приветствия целуете мужа, пытаетесь ли Вы тайно обнюхивать его, чтобы уловить запах спиртного?*

9. *Бойтесь ли Вы огорчить мужа тем, что опасаетесь за его чрезмерное пьянство?*

10. *Испытывали ли Вы неловкость, замешательство из-за поведения пьяного супруга?*

11. *Нет ли у Вас такого впечатления, что каждый отпуск испорчен пьянством?*

12. *Не приходилось ли Вам думать о звонке милиции из-за пьянства?*

13. *Приходилось ли Вам искать спрятанные спиртные напитки?*

14. *Есть ли у Вас такое чувство, что если бы муж любил Вас, то он прекратил бы пить?*

15. *Приходилось ли Вам отказываться от приглашений в гости из-за страха или тревоги?*

16. *Испытываете ли Вы иногда чувство вины, когда думаете о том, как долго Вам приходится контролировать своего мужа?*

17. *Думается ли Вам, что когда муж бросит пить, то все Ваши проблемы разрешатся?*

18. *Отпугивали Вас когда-либо такие заявления мужа, как «Прости меня» или «Я люблю тебя»?*

19. *Относились ли Вы когда-либо к людям (детям, сослуживцам, родителям и т. д.) несправедливо только потому, что были раздражены и озлоблены на много пьющего мужа?*

20. *Есть ли у Вас такое чувство, что никто на свете не понимает Ваших трудностей?*

Если Вы отвечаете на три или большее число вопросов «да», то Ваша семья нуждается в помощи врача-нарколога или психолога, занимающегося семейной психотерапией.

Необходимо прекратить жить в иллюзиях, в самообмане и сказать себе: «Я бесцельно удерживаю мужа от пьянства. Я не могу контролировать то, что не мной вызвано. Единственное, что я могу изменить, — это себя, свое отношение к проблеме». Тогда появится надежда на помощь извне.

Как это ни парадоксально, женам необходимо перестать думать о проблемах мужа и сконцентрироваться на своих собственных. Женам требуется посторонняя помощь. Существуют группы самопомощи специально для родственников больных алкоголизмом. Они называются группы Ал-Анон, а нашей стране их немного, но в Москве, например, есть. Люди собираются, обсуждают свои трудности и находят облегчение уже в том, что вдруг оказалось возможным вслух обсудить то, что так долго и тщательно скрывалось от окружающих. Появляются у нас и психологические консультации. Мы у себя в клинике начали помогать женам алкоголиков и видим, что это удается.

Если Вы еще не замужем, то мой Вам совет — обращайтесь внимание на то, как претендент на Вашу руку и сердце относится к алкоголю. Я бы очень высоко ценила, наряду с другими качествами, трезвость жениха. Хотя любить надо не за что-то, а просто так, но не будьте наивной в любви. Если он в женихах часто выпивает, то Вы его не «перевоспитаете». Все созависимые жены надеялись на свою силу воздействия, но ни одной еще «перевоспитание» не удалось. Не обращать внимание на склонность к кутежам в молодости опасно. Больше полагайтесь на выбор супруга, чем на силу своего воздействия на него. Отрицание реальности, как мы с вами убедились, ни к чему хорошему не приводит.

письма

**Помогите
купить
словарь!**

У меня две дочери: одна — в десятом, другая — в восьмом классе. Живем мы на Украине в городе Измаиле. Младшая, Надя, очень любит украинский язык, учительница по этому предмету для нее «любимая». Девочка покупает, берет из библиотеки украинские книги. Но беда в том, что нет в продаже словаря украинского языка. Дома, в семье, у нас говорят на русском, и я ничем не могу помочь, когда слышу: «А что значит это слово?» Летом были в Москве. Посетили на Арбате специальный магазин «Украинская книга», но и здесь нужного словаря не оказалось.

С нового учебного года с десятого класса в школе открыли спецклассы на украинском языке. Обратилась к старшей дочери: «Пойдешь?» А она в ответ: «А ты словарь купила?» Так и записалась дочка в обыкновенный класс. Успешно осваивает английский, ходит на курсы, учится на отлично. Может, этому способствуют доступные словари? Через год придется решать младшей — идти или не идти в украинский класс. Что если и она, не имея необходимых пособий, откажется? Как же могут дети иной национальности освоить язык республики, если нет необходимых пособий, словарей? Мы, родители, — русские, но хотели бы поддер-

жать интерес к украинскому языку, который появился у младшей дочери. Вот и ищем безуспешно по магазинам словарь украинского языка. Вдруг когда-то повезет...

О. ГОРЛОВА
г. Измаил

**«Грехи»
не наши**

Моему сыну восемь лет. Родился здоровым, крепким мальчиком. До пяти месяцев не болел, а потом пошли наши беды: то ОРЗ, то ОРВИ, то опять ОРЗ, потом бронхит, затем бронхопневмония — больница за больницей. Естественно, детский сад Юра посещал с большими перерывами. И на нас махнули рукой. Готовится утренник или какой другой праздник, детям раздают учить стихи, а нам не положено: «Вдруг вы заболете!» Ну хоть бы маленькое, незначительное стихотворение досталось... Нет — и все. Правда, однажды нам повезло. Пришла другая воспитательница и дала Юре к Новому году выучить большое стихотворение. Мы обрадовались! Юра запомнил его за один вечер. Ближе к празднику попросила: «Сыночек, ну-ка расскажи мне стихотворение». А он: «Нет, не буду, его отдали другому мальчику!» Оказалось, наша воспитательница поправилась и забрала стихотворение. А у нас уже и костюм был готов...

Я все время старалась убедить воспитательницу, что нам скоро в школу, что ребенок должен уметь выступать, «держаться на людях». Если его в садике этому не научат, он в школе будет теряться перед классом. Но мои доводы никто не принял во внимание. За семь лет, что сын посещал садик, только однажды он прочел стихотворение из четырех строчек. Мальчик мой рос замкнутым, друзей в садике у него не было. Юра всегда играл в стороне один. На прогулках то же самое: отделится от всех ребят и занимается то букашкой, то гусеницей. Воспитательница смеялась: «Он у вас зоологом будет, наблюдает, кто и куда ползет».

Но не от хорошей жизни он стал «отшельником». Я все старалась как-то привлечь

его к ребятам, то игру на улице вынесу, где должны участвовать два-три человека, то книзу красивую дам: «Покажи, Юра, ребятам». Он поигрывает со всеми немного, потом оставит все ребятам, а сам незаметно отдаляется...

И вот мы пошли в школу. То, чего я боялась, случилось. Учитель жалуется: «Писать — пишет, решать — решает, а спрошу — молчит». Смотрит на меня и молчит! Дома выясняю: «Юра, да как же так, почему не отвечаешь на вопросы учителя?» А он: «Я боюсь, вдруг неправильно отвечу...» Ведь мальчик развитый, и память хорошая. Дома перескажет рассказ и правила отлично знает, а в школе молчит — и всё. Другой у него по-прежнему нет. Если с кем подружится, то ненадолго. Записала его в секцию борьбы, один день побыв, больше не стал ходить. А дома очень подвижный, прыгает, скачет, любит смеяться, многое умеет делать. Может приготовить сам обед. Приходим с мужем с работы — чай горячий, картошка и пельмени сварены. Причем делает все по собственной инициативе и радуется, что получается.

Значит, у ребенка есть хорошие задатки, только он не уверен в себе. А началось все с детского сада. Там он уловил, почувствовал, что на него не надеются, ему не доверяют. И это настроение воспитателей передалось мальчику, закрепилось в нем. Теперь «за грехи» детского сада мы расплачиваемся в школе!

Мама Юры
г. Пермь

**С учетом
трехдетности**

Вопрос, о котором я пишу, важен и, как мне кажется, достоин общественного внимания.

Я являюсь многодетной матерью, так как родила и воспитываю троих детей. С большой надеждой ждала проекта Закона о пенсиях и очень хотела прочесть новое о пенсионном возрасте женщин-матерей, вырастивших троих детей. Согласитесь, что на воспитание троих детей мать тратит больше физических и душевных сил, чем на одно-

го ребенка. Вот мне 51 год, имею 30 лет непрерывного стажа и букет болезней. До пенсии осталось еще четыре года. Как бы хотелось через год-два уйти на отдых. Пусть на наше место приходят молодые, энергичные люди, которым не нужно ходить, прихватывая рабочее время, по врачам, а производству оплачивать больничные листы.

Смешно сравнивать пенсионный возраст советских женщин и женщин развитых капиталистических стран. Где это женщины работают до седьмого месяца беременности, ездят на работу в переполненный транспорте и несут такую нагрузку дома?..

Мы много говорим о главной проблеме рождаемости — это малое число трехдетных семей, так необходимых для воспроизводства населения, для нашего демографического будущего. Значит, рождение третьего ребенка нужно поощрять. К примеру, уменьшить пенсионный возраст для таких женщин. Таково мое предложение. Думаю, что не только я, тысячи женщин ждут положительного решения этого вопроса.

С. ГОРБАРУК
инженер-гидротехник
г. Пинск
Брестской области

**Где же мыло
душистое?**

Много лет выписываю и читаю ваш журнал. Есть проблемы, которые меня волнуют как мать двоих детей. И я часто нахожу на них ответы на страницах журнала. Благодарна вам за это! Не могу не написать о проблеме, которую нельзя замалчивать.

В нашей стране нет моющих средств. Это известно всем и вам, конечно, тоже. Советские люди получают мыло по талонам! Не знаю, как у вас в Москве, а у нас в Свердловске выдают 200 граммов на одного человека на квартал. Это, конечно, крайне мало. Представьте, что этим куском мыла я должна вымыть ребенка, помыть ему голову (у меня одна дочка-школьница) и еще оставить для ежедневного умывания в течение трех меся-

АВТОРСКИЙ ПОЧЕРК
Валерий ШЕКОЛДИН

цев. Кто установил такую мизерную норму?

Результат этой «экономии» не замедлил сказаться. Сегодня у восьми человек в классе, где учится дочка, обнаружили в волосах вшей и гнид. У моей, к счастью, пока чисто. Но, представьте, как переживают родители! А какая травма для детей! Их опозорили, выгнали из школы, отправили домой до тех пор, пока не выведут насекомых. Класс мою. Думаете, только в нашем классе случилось такое ЧП? Ничего подобного. В соседнем — не лучше. Теперь всю школу будут проверять.

Позор! Всем, кто довел наших детей до этого. Всем взрослым, безответственным людям, которые разорили нашу страну! В какой цивилизованной стране мира есть еще в наше время у детей вши и гниды?

С уважением
Е. ЛАЗАРЕВА
г. Свердловск

Бесплатный магазин

Не только в журнале «Семья и школа» читала письма родителей о том, что не знают, куда девать подержанные вещи. И вот хочу поделиться, как это организовано у нас в городе. Раньше два раза в год — весной и летом — женсовет проводил ярмарки по продаже поношенных вещей. А теперь у нас открылся бесплатный магазин «Доброта». Прочитали жители объявление в местной газете «Искра» и стали сдавать вещи в этот магазин. Я сама отнесла 22 вещи. С каким вниманием обслуживают здесь посетителей! Как раз при мне пришла в магазин старушка. Видимо, она плохо видела, так как у нее были очки с толстыми стеклами. Дежурившие женщины из женсовета предложили ей несколько пальто, пока не подобрали подходящее по росту. Тут же выбрали платок под цвет пальто, нашли тепленькую кофточку. Правда, не

оказалось обуви нужного размера. Но заявку обещали выполнить при первой же возможности.

Магазин оправдывает свое название «Доброта». Его услугами пользуются остро нуждающиеся люди: малообеспеченные одинокие пенсионеры, многодетные семьи. Все товары представлены, как в обычном магазине. Такие вещи, как ползунки, детские кофточки, колготки, чепчики, шапочки разложены по коробкам. Посетители подходят и выбирают, кому что нужно. Только денег не платят. Обслуживание здесь бесплатное.

Городок наш небольшой — 80 тысяч населения. И вот такие у нас творятся добрые дела! Может быть, кто-то захочет перенять наш опыт?

С искренним уважением к журналу
Нина Сергеевна
ПЕЛАГЕИНА,
ветеран труда,
бабушка четырех внуков
г. Лысьва
Пермской области

продолжаем разговор

Дайте возможность выбирать

О школьной форме журнал «Семья и школа» писал неоднократно. В статье «О школьной форме по существу» (№ 8 за 1988 год), в откликах родителей и учеников (№ 4 за 1989 год) высказывались серьезные претензии к принятой форменной одежде. Не устраивает практически все: цвет, фасон, однообразие, всесезонность. Если бы дети в школе только учились! Но они носят ранцы и сумки, пользуются мелом, бегают, возятся на переменах. И для всего этого школьная форма совсем не приспособлена. Мрачный черный фартук тут же перекашивается, «крылышки» сползают, платье, которое нельзя стирать (если следовать ин-

струкции) быстро пачкается, «коленки», особенно у младших школьников, моментально протираются.

Долгое время это никого не заботило. Унылая, убогая одежда, когда все похожи и никто друг от друга не отличается, соответствовала временам и нравам узаконенного единообразия и единомыслия. В современных условиях, когда мы надеемся, что школа наконец-то расстанется с муштрой и формализмом, стоит сызнова подумать: для чего и зачем школьная форма. Необходимость перемен стала очевидной.

Когда знакомимся с пожеланиями читателей (эта проблема привлекла внимание многих), отмечаешь одну особенность. Доводы о дисциплине, порядке, социальном аспекте уступили место заботе о самочувствии ученика. Унификация одежды, установка на принуждение мешают развитию полноценной личности — самоутверждению, самоуважению ребенка. Это главные аргументы тех, кто считает, что форма не должна быть обязательным, неизменным атрибутом школьной жизни.

Странники формы тоже не пренебрегают «человеческим фактором» и приводят свои доводы. Дети, особенно подростки, с удовольствием носят одинаковую одежду. К примеру — красно-белые шарфы и шапочки у спартаковских «фанатов». Или легендарные клетчатые брюки «люберов». Все это — «форма», только построена она не по принципу «я — как все», а по принципу «я — как все наши». Наблюдения подтверждают: форма импонирует ребятам, так как объединяет и выделяет из толпы. И вносится предложение — если существующая школьная одежда устарела, то ее надо заменить другой: удобной, практичной, красивой и разнообразной.

Как же поступили руководящие органы народного образования? На сей раз голос общественности (публикации в печати, обращения в высокие инстанции) был услышан — последовали действия. Во Временном положении о средней общеобразовательной школе СССР (оно вошло в силу с нового учебного года) записано: «Совет школы... устанавливает необ-

ходимость и вид ученической формы».

— Это значит, — пояснила старший методист Главного учебно-методического управления общего среднего образования Госкомитета СССР по народному образованию **Тамара Ивановна Григорьева**, — теперь только Совет школы вправе решать, разрешать детям ходить в школу в свободной одежде или сохранить форму.

Ну что же, решение долгожданное и демократичное. В нем отражены различные точки зрения на форму, так сказать, альтернативные варианты, и предоставлена возможность выбора. Школа наконец-то получила возможность принимать решение самостоятельно, а не по указке сверху.

— Выходит, что школьный Совет, если найдет целесообразным, может и вовсе отменить форму?

— Может, — подтвердила Тамара Ивановна и добавила: — Только сегодня едва ли кто станет это делать. Отменить форму можно, да только заменить чем! Кроме форменных платьев, в магазинах ничего нет. Кстати, к нам в комитет практички перестали приходить письма об отмене школьной формы. Думаю, что дело не только во Временном положении, сколько в положении экономическом.

В связи с этим вспомнил рассказ директора средней школы № 34 г. Смоленска **Юрия Григорьевича Елисева**.

— Мы решили: все учащиеся нашей школы с первого по десятый класс могут приходить в школу в чем хотят. Я уехал в командировку. Вернулся — все мои ребята в школьной форме! Спрашиваю, почему? Мне объяснили: «Школа стала чуть ли не зоной отдыха, многие облачились в домашние халаты». И тогда милые, наивные учителя смоленской школы взяли вину на себя, дескать, плохо воспитываем вкус у детей. А потому решили, отказываться от формы рано. Но ведь, честно сказать, ни одна девчонка не покажется на людях в халате, если есть в ее гардеробе что-нибудь другое.

Про эти «халатики» я слышала в разных местах. О сво-

ем горьком опыте поведала и заведующая Муромским гороно **Валентина Ивановна Клещевникова**. «В прошлом году в пяти школах города ввели свободную одежду для учащихся. В конце года подвели итоги эксперимента. 70 процентов ребят высказались за то, чтобы вернуть школьную форму. И вовсе не потому, что она им нравится. Просто ничего нет взамен. И родители, которые ежедневно решали проблему, во что одеть ребенка, детей поддерживали».

Мы боялись «ярмарки тщеславия», если отказаться от формы; а выяснилось, что нашим детям надеть нечего. Вот как все обернулось! Старая, надоевшая школьная форма, за которую по-прежнему держится школа — сегодня вовсе не прихоть чиновников и консерваторов-учителей, а увя! — суровая необходимость.

Нельзя сказать, что Министерство народного образования РСФСР спокойно на это взирало. На «Круглом столе», куда «просвещенцы» пригласили представителей Министерств легкой промышленности, торговли и здравоохранения республики, рассматривался вопрос о новой форме. Договорились провести открытый конкурс на лучшие модели школьной одежды, привлечь к созданию формы как можно больше талантливых людей, заинтересованных спонсоров. Условия конкурса уже согласованы.

Конечно, отрадно, что наконец-то судьба школьной формы будет решаться не келейным обсуждением, не ведомственным подходом, а открыто, прилюдно, гласно. Это вселяет надежду: дотошные изделия не поступят к потребителям. Но есть опасность, что никакой новой формы в ближайшее время не будет.

Ведь было уже: красивые модели на любой вкус и возраст, одобренные художественным советом Дома моделей. А как дошло дело до производства — все рухнуло. Единственно, на что согласилась наша отсталая легкая промышленность, — это перекрасить прежнюю модель — коричневое платье и черный фартук — в синий цвет. А с «тройками» для старшеклассниц, чтобы хватило на всех,

возились долгие семь лет. Заместитель начальника Главного управления швейной промышленности Минлегпрома РСФСР **Валентина Александровна Кадянова** не оставляет надежды и на ближайшее время.

— У нас есть госзаказ на производство школьной формы в штуках. Для того чтобы его выполнить, — а мы его выполняем — нам едва хватает мощностей. Перейти на выпуск другой, более современной продукции мы не сможем. Сырья нет, техника старая. Хорошо, если к концу следующей пятилетки что-то сдвинется...

И посему Министерство народного образования РСФСР призвало школы проявлять и поощрять инициативу на местах. Если школа найдет возможность сшить особую форму для своих учеников — пожалуйста! И для всех классов — разную; и зимнюю, и летнюю, и рабочую, и спортивную, и праздничную, и национальную — ради бога! Для этого не требуется никакого специального разрешения сверху. Решит так Совет школы — ему и придется искать изготовителя, заключать договор, оплачивать выполнение заказа из средств, которыми располагает. Как их заработать и как ими распорядиться, решает тоже Совет школы. В общем, ищите возможности!

Все это прекрасно! Только до каких же это пор школа по-прежнему будет заниматься не свойственным ей делом? Ведь главное назначение школы — учить детей на высоком уровне. И почему заработанные учениками средства она должна тратить не на улучшение учебного процесса: закупить те же компьютеры, пригласить и оплатить лекции вузовского преподавателя, а на добывание швейных изделий, пусть и предназначенных для учеников? При нынешнем дефиците оборудования и тканей — перспектива найти исполнителя, прямо скажем, незавидная.

Итак, прекрасная идея выбора школьной одежды, провозглашенная Временным положением о школе, оказалась под угрозой, поскольку, как выяснилось, стала нереальной, невыполнимой с точки зрения экономики.

Горько и обидно, что мы не можем пока дать ребятам но-

АВТОРСКИЙ ПОЧЕРК
Валерий Щеколдин

вую красивую, современную одежду. Но все-таки отступить нельзя. Используя свое педагогическое влияние и авторитет, школа может приблизить благотворные перемены. Достаточно не делать из формы культа, не давить на ребят, не обострять и без того сложную ситуацию.

Вот какое письмо прислала мама первоклассника **И. М. Курилко** из Донецка: «Очень прошу помочь разобраться насчет цвета школьных рубашек. На этой почве у меня постоянно происходят споры с учительницей. Я слышала, что разрешено носить под школьный пиджак рубашки любого цвета.

Но учительница говорит, что установлено два цвета: голубой и защитный — для повседневной носки, и белый — для торжественных случаев. Пожалуйста, разъясните кто из нас прав?»

Много раз на страницах журнала «Семья и школа» разъяснялось, что цвет рубашек может быть любой. В постановлении Совета Министров РСФСР о школьной форме он не оговаривается. Но, к сожалению, баталии за избавление от непохожести, за искоренение индивидуальности, как подтверждает почта, по-прежнему ведутся «от Москвы до самых до окраин».

Выходит, есть еще одна причина, почему не срабатывает Временное положение. Это — абсурдные требования учителей к внешнему виду школьника. Если от них не отказаться, то предоставленное право выбора останется пустым звуком.

Е. КУЛЬБИЦКАЯ

что сделано после выступлений журнала

Семь раз отмерить

«Шифр 317» — так называлась статья в № 9 журнала «Семья и школа» за 1989 год. Шифр 317 в медицинской карте обозначает диагноз: дебильность в легкой стадии. Дети с таким диаг-

нозом подлежат обучению во вспомогательной школе. Но нередко среди воспитанников таких спецшкол встречаются ученики не «по профилю». Как правило, это ребята из неблагополучных семей, которые из-за отсутствия социальных условий и плохого воспитания отстают от сверстников в интеллектуальном развитии. При «недостаточном кругозоре», «сниженной памяти», «бедном словарном запасе», «пассивном внимании» они крайне медленно, с большим трудом усваивают учебную программу. И пополняют со временем ряды второгодников, нарушителей дисциплины и правопорядка. В массовой школе у учителей нет ни времени, ни желания возиться с «балластом». И школа спешит избавиться от неугодных, отправляет во вспомогательную. А там происходит не выравнивание, а напротив — дальнейшая деградация, поскольку обучение здесь сдерживается предельно ограниченной программой. Пребывание тех ребят, у кого наблюдается лишь задержка в развитии, среди больных детей, обоснованно имеющих диагноз «дебильность», пагубно.

Шифр 317 — это клеймо, которое затрудняет нормальным детям выбор профессии, закрывает доступ к дальнейшему продолжению образования в вечерней, заочной школах, в профессиональных училищах.

Все эти вопросы рассматривались в статье «Шифр 317» на примере вспомогательной школы-интерната № 2 г. Сочи, куда выезжал по письму читательницы специальный корреспондент журнала В. Анисимов.

Публикуем ответы, полученные редакцией, по проблеме: кого и как определять в спецшколу.

Практики предлагают

Коллектив вспомогательной школы-интерната № 2 г. Сочи с одобрением принял публикацию в вашем журнале «Шифр 317».

Проблемы в этой статье подняты злободневные и актуальные, и надо отметить, что автор статьи В. Анисимов очень объективно подо-

шел к освещению проблемы и тех трудностей, которые имели место в нашем коллективе. Сегодня все позитиве. Коллектив стремится направить усилия на создание в школе оптимальных условий для коррекционно-воспитательной работы. На педагогическом совете обсуждалась новая модель отбора и обучения умственно отсталых детей. Наши идеи поддерживает ГУНО, и с нового учебного года школа начинала эксперимент.

На базе нашей школы открывается постоянно действующий диагностический центр. В этот центр направляются дети, которые не усваивают программу в начальных классах массовых школ. Специалисты делают предварительное заключение об интеллектуальных возможностях ребенка в присутствии родителей и учителей. Если нет разногласий в оценке умственных способностей ребенка, то центр выдает рекомендации родителям и учителям, каким образом обучать и воспитывать ребенка. Если же возникают разногласия и сомнения в интеллектуальных возможностях ребенка или требуется уточнить диагноз, то ребенка с согласия родителей принимают во вспомогательную школу, в которой имеются три класса.

В зависимости от заключения центра ребенка определяют в класс для обучения детей с задержкой психического развития (ЗПР) или диагностический. Диагностический класс занимается по программе для детей с задержкой психического развития. Из класса ЗПР дети могут попасть только в массовую школу, а из диагностического только в класс ЗПР или класс для умственно отсталых детей. В этих классах дети могут учиться следующие сроки: в классе ЗПР — до 9-го класса, в диагностическом — до 5-го класса, для умственно отсталых — до окончания. Но из класса для умственно отсталых детей дети могут переводиться в диагностический класс и далее в класс ЗПР. Ежемесячно все три параллели проходят обследование и уточняется ранее принятое заключение. Таким образом, полностью исключается возможность ошибки.

И еще. Изменяется вывес-

ка школы. В отличие от прежних вспомогательных школ, где упор делался на умственную отсталость детей, наше учебное заведение с учетом новой установки станет именоваться — общеобразовательная специализированная школа-интернат № 2.

Вот вкратце о нашей школе и системе. Хотелось, чтобы эта проблема по-прежнему оставалась в поле внимания вашего журнала. Надеемся, что совместными усилиями мы сможем содействовать совершенствованию учебно-воспитательного процесса данных школ.

А. П. КОВАЛЕВ,
директор школы

Мнение специалистов

Нечасто случается получить удовлетворение от публикаций широкой печати, поднимающих проблемы дефектологии: множество разноаспектных, неоднозначных, болезненных и трудноразрешимых вопросов в таких публикациях требует глубокого разностороннего и компетентного освещения.

С тем большим удовлетворением воспринимается статья В. Анисимова «Шифр 317», в которой автор сумел глубоко и реалистично отразить целый комплекс переплетенных в тугую узел вопросов, связанных с обучением и воспитанием детей, имеющих отклонения в развитии.

Стремление редакции продолжить начатый статью В. Анисимова разговор и разобраться в возникающих вопросах чрезвычайно своевременно, хотя некоторые из поставленных вопросов связаны с тем, что в практике работы вспомогательных школ не всегда реализуются задачи, определенные соответствующей организационной и методической документацией.

Среди заинтересованных в разговоре по этим проблемам, в первую очередь, следует назвать дефектологов, которые все свои усилия направляют на совершенствование системы помощи детям с отклонениями в развитии.

Предполагая впоследствии подробно рассмотреть многие из поднятых журналом вопро-

сов, выскажем здесь решительную поддержку занятой автором и директором Сочинской школы А. П. Ковалевым позиции.

НИИ дефектологии АПН СССР в кругу большого объема проблем, связанных с изучением, обучением и воспитанием детей с различными аномалиями развития, ведет научные исследования в области дифференциальной психологии-педагогической диагностики, разработал проект Положения о постоянно действующих штатных медико-психолого-педагогических консультациях. Недостаточная материальная база народного образования на современном этапе, к сожалению, тормозит дальнейшее развитие и внедрение научных разработок этого направления в практику работы специальных школ и дошкольных учреждений.

Вместе с тем жизнь заставляет предпринимать практические меры, среди которых заслуживает поддержки создание диагностических центров. Такие центры создаются чаще всего на базе детских психоневрологических стационаров. Возможен и вариант, предложенный А. П. Ковалевым. Продолжительное динамическое наблюдение за детьми в процессе учебной деятельности способствует уточнению диагноза в сложных случаях, помогает отделить ребенка с педагогической запущенностью, но с нормальными возможностями интеллектуального развития, от детей, которым ставят диагноз «задержка психического развития» или «олигофрения в степени дебильности», а детей с задержкой психического развития — от детей даже с легкой степенью дебильности.

Выявлено, дети с задержкой психического развития ни в коем случае не должны обучаться по программе вспомогательной школы, ибо при создании для них специальных условий могут освоить полный объем программы массовой школы.

Для таких детей на основании приказа Министерства просвещения СССР с 1981 года в стране развивается другая сеть специальных школ, отличных от вспомогательных; кроме того, повсеместно для детей с задержкой психического развития от-

кряваются классы выравнивания при общеобразовательных школах.

Приветствуя усилия коллектива Сочинской школы, направленные на совершенствование работы своего учреждения, не можем согласиться с созданием класса для детей с задержкой психического развития в составе вспомогательной школы. Какой бы ни была вывеска на здании школы, в ней должны обучаться только дети с диагнозом под шифром 317, а в диагностическом классе — дети с подозрением на этот диагноз.

Для детей с задержкой психического развития такая школа не сможет обеспечить необходимого оснащения учебно-воспитательного процесса и методического руководства в соответствии с программой массовой школы, решения ряда иных задач по

общему развитию детей и подготовке их к самостоятельной жизни и труду.

Создание диагностических классов предусмотрено Положением о вспомогательной школе, однако предлагаемые сроки функционирования диагностического класса в Сочинской школе не очень понятны: не может и не должна диагностика растягиваться на 5 лет, это наносит ущерб развитию ребенка. Перевод детей из класса для умственно отсталых в диагностический, работающий по программе для детей с задержкой психического развития, с течением времени становится невозможным из-за резкого расхождения содержания обучения. Перевод в значительно более младший класс порождает клубок иных сложнейших проблем, наподобие тех, которые могут возникнуть в приведенном в ста-

тье случае с 16—17-летней выпускницей этой школы при переводе к 13-летним шестиклассникам массовой школы.

Такое могло случиться в порядке исключения, но делать это правилом нецелесообразно.

Считаем, что дефектологам г. Сочи следует направить свои усилия на создание школы для детей с задержкой психического развития, с интернатом для тех из них, кто по семейным обстоятельствам нуждается в опеке, подобно герою очерка В. Анисимова. С другой стороны, необходимо развивать сеть классов выравнивания для детей с задержкой психического развития, в которых наряду с образовательными задачами будут решаться и задачи диагностические.

При создании таких учреждений в городе, дети с задержкой психического развития

получат необходимые условия для обучения и развития. А случаи ошибочной диагностики будут сведены к минимуму.

*Н. ЦЫПИНА,
кандидат педагогических наук, заведующая лабораторией педагогики и психологии детей с задержкой психического развития НИИ дефектологии АПН СССР*

Надеемся, что рекомендациями специалистов Института дефектологии воспользуется не только коллектив школы-интерната г. Сочи. Со своей стороны органы народного образования других городов и областей проявят заинтересованность и окажут реальную помощь нуждающимся в этом детям.

АВТОРСКИЙ ПОЧЕРК
Валерий ЩЕКОЛДИН

НА ПОРОГЕ РОДНОГО ДОМА

А. БУКИН, педагог

В февральском номере вы прочли заметки А. Букина «Такая долгая дорога...» Сегодня автор продолжает разговор — на этот раз речь идет о летнем ребячьем лагере. Кстати, вспомните напечатанные в наших прошлых номерах статьи Г. Шукерман и В. Слободякова. Эти психологи считают, что именно летний лагерь — лучшее место для новых взаимоотношений между подростками и взрослыми.

...Открытия на пороге родного дома. Как много они могут дать подростку, если не опоздать, если вовремя научить его искать необычное в обыденном, новое — в привычном. Чувство Родины рождается не из абстрактных представлений о бескрайних просторах своей страны. Патриотизм — понятие конкретное и чувство интимное. Это — чувство родной земли. Вот этому мы и стараемся учить ребят.

...У какого паренька не екнет сердце при слове «экспедиция»? Ну как же: ветер дальних странствий... романтика дорог... пыль неведомого на стоптанных кедах...

Погодите! Пойдите! Почему — дальних? Для чего? Какая в том необходимость? Прежде человек должен познать свои корни. Наездиться всегда успеет.

Базовый лагерь стал первой ступенью, первым шагом детей к природе. Дети полностью выключаются из городского ритма. Отсюда, из палаточного городка, отправляются по утрам ребята в рабочие маршруты. Уходят, чтобы несколько часов лазить по часобам приречных зарослей, бродить по лугам, вдыхать сосновый настой и слушать звон ручья и шуршание ящериц в траве.

Наш лагерь — дом в природе. Так каким же ему быть? Каждую весну мы долго и придирчиво обсуждаем, где его ставить, где и как разместить жилые палатки, устроить кухню, столовую, место для вечернего костра, а где — хозяйственную зону. Когда ребята потом видят, что лагерь получился удобным, есть возможность уединиться, видеть реку и все окрестности с разных точек (всё — не выходя за его пределы), они не рвутся «за ворота», которых и нет... Заодно снимается и проблема присмотра: они свободны в передвижениях, не чувствуют скованности малым пространством и всегда у нас на глазах.

Три года подряд наш лагерь вставал на большом лугу, охваченном зарослями ивы и ольхи в виде подковы, концы кото-

рой упираются в обрыв над рекой. Но планировка территории ни разу не повторялась. Широкая центральная «площадь», окруженная рядом палаток, нам разорвалась, и мы украсили ее клумбами, выкашивая площадку под лагерь. Оставили несколько куртин нетронутыми. В центре самой крупной клумбы поставили мачту с флагом.

У Сетон-Томпсона есть прелестная повесть «Маленькие дикари». Я смотрю на ребят, вспоминая индейцев Сетон-Томпсона и пытаюсь представить, что может быть самым ценным для детей в нашем лагере. Мне кажется — его «дикость». Запланированная неустроенность придает ему нечто романтическое. Дети жаждут ее, — не всегда представляя, что же это такое. Видимо, романтичность это — необыденность, что-то немножко таинственное и приподнятое, чего в жизни «не бывает».

Но неустроенность быта играет еще одну, не менее важную роль. Она создает те самые преодолимые препятствия, которые так необходимы развивающейся личности подростка. Она усиливает экстремальность условий, в которые попадают дети. Ведь для них, маленьких горожан, жизнь в окружении природы, в оторванности от благ цивилизации совершенно непривычна и... тяжела.

Если разобраться, мы могли бы упростить свою задачу, заказав и настоящую печь, и набор конструкций для палаток, кухни и столовой. Получился бы своего рода экспедиционный конструктор. Была у нас такая идея: приехал, собрал и живи себе. Отказались. Ведь мало, что теряется естественность условий, — они слишком облегчаются. Точно так же, можно бы не завозить продукты разом, а когда надо, отправлять дежурных в магазин: город-то под боком. Но нет! Задолго до отъезда ребята начинают считать, пересчитывать и с нашей, конечно, помощью определяют, каким должен быть запас продуктов. Знают, это — все, чем предстоит распорядиться. Другого не будет. И потом уже хозяйничая на кухне, они продолжают подсчитывать, отмеривать и заботиться о том, чтобы не остаться «на бобах»... А «подножный корм» — не только для экзотики и разнообразия; это еще и реальная добавка к рациону.

По вечерам можно видеть, как, уединившись, о чем-то горячо спорят три человека: завтрашняя вахта придумывает меню... Скоро к ним присоединяется четвертый — завхоз (чаще кто-нибудь из старших девочек). Его власть над продуктами безгранична, и он может наложить «вето» на то или другое «посягательство».

Вахте приходится уговаривать, убеждать завхоза, а не согласится — снова братья за голову.

Так дети учатся быть бережливыми, экономными, хозяйственными. А ограниченность ресурсов обостряет ум и фантазию. Когда же всего в изобилии — инициативность и ответственность оказываются не более чем простыми словами. Но вот получили самостоятельность, оказались в условиях, когда необходимо самим обеспечить нормальную жизнь себе, всему отряду. Не сделаешь сам, не позаботишься — кто тебя заменит? Рядом та же же, как ты, ребята, они так же устали, и стыдно бездельничать, когда один ремонтирует лестницу, а другой рядом сидит. Да и не дадут сидеть. Поднимут и поведут, заставят да еще и посмеются. Зачем позориться?

В таких условиях лидерствует, конечно же, тот, кто способен первым подняться и уйти в сырую мглу леса за дровами, вылезти из теплой и такой уютной палатки на дождь и подтянуть опустившуюся крышу. Можно назначить командира отряда, можно выбрать его самым демократическим образом, но авторитетом он станет, если у него хватит воли первым пересилить себя в таких ситуациях. Так что выборов командира отряда и завхоза у нас не бывает. Я рассказываю ребятам, каковы обязанности и права у этих «должностных лиц», а они сами — каждый для себя — решают: потянут или нет. Обязанностей много, больше, чем прав (да и какие могут быть у командира особые права, когда все решается коллективно). И ребята долго думают, прежде чем кто-то скажет: «Я хочу быть командиром» или «Я буду завхозом». На такое нужно решиться!

Тем, кто представлял экспедицию безмятежным времяпрепровождением на лоне природы, приправленным острым соусом р-р-романтики, очень скоро приходится разочаровываться. Самое обидное: взрослые говорят, что, мол, вы свободны, а какая же это свобода, когда дела набегают одно на другое и нет им конца? Но постепенно ребята втягиваются в этот трудный режим, а хлопоты становятся привычными и необременительными.

Конечно, напряжение заметно утомляет детей: возвращаясь из десятидневной экспедиции, они отсыпаются чуть ли не сутки. Поэтому еще мы не делаем ее длительной.

И вот на что обращаешь внимание: дети ищут развлечений тогда, когда нечем занять досуг. А если есть выбор — предпочтение отдают труду.

Несколько лет назад на территории лагеря отводилась площадка для игр. Мы привозили спортивный инвентарь, в отряде даже была «должность» игролика. Все безрезультатно — ни одна из затей не вызвала у ребят интереса: ни шахматные турниры, ни футбольные соревнования. А причина? Мы попросту забыли мудрое высказывание академика Павлова, что отдых есть смена занятий. Если экспедиция дает подросткам столько впечатлений и такие физические нагрузки, нет нужды в дополнительных «развлекательных мероприятиях». По всей вероятности, в этих наших попытках сказались стереотипы мышления, сложившиеся представление о том, как должны отдыхать дети. Игры и праздники, разумеется, нужны и в экспедиции, но только если они естественно впадают в жизнь отряда, отражают суть этой жизни и логично развивают те отношения, которые составляют основу совместной деятельности детей и взрослых.

В разные годы экспедиция проходит по-разному: лучше, хуже, более развлекательные или предельно деловые, — но все они были для детей нелегкими и интересными. Главным образом — из-за непредсказуемости многих событий, — а именно здесь и проверяют сами себя дети. Несмотря на страхи, мы в общем рады всяким «нештатным» ситуациям, вроде гроз, поломок лодочного мотора, резких похолоданий — именно они придают суровую «настоящую» условиям, в которых оказываются ребята. В штатных ситуациях мы набираем необходимый опыт. И еще и еще раз убеждаемся: дети спокойно и, в целом, верно воспринимают неожиданность, способны оценить обстановку и выбрать решение. Им можно доверять! А наше волнение — что же, беспокоиться нужно; но не следует и прятать его, коли оно порождено воображением, а не реальностью.

...Давно не выдавалось такого жаркого лета. Сидеть днем у реки охотников мало — солнце обжигает кожу, нестерпимый блеск воды слепит глаза. Ребята, разморенные жарой, лениво бродили по поляне, с тоской поглядывая на реку. Искупаться бы! Но смывые с полей дождями удобрения превратили нагретую речную воду в питательный бульон. Нет, пусть лучше потерпят. Завтра снимаемся.

Я подошел к метеобудке. Ртуть в термометре прочно зацепилась за цифру 30. Воздух как в сауне. Барограф мне не нравится: перо явно ползет вниз.

Дырчатые тени лежат на земле, на крышах палаток, на листьях ватмана, расстеленных на столах. Ребята растащили столы по всей поляне, устроились, кому где удобнее. Никто никуда не спешит: день нерабочий, экспедиция прошла без неприятностей, программа выполнена.

Отходя от метеобудки я мельком отметил, что палатки провисли, особенно хозяйственная. Возле нее свалены обрезки фанеры, рейки, мотки веревок — все то, что служит материалом для всякого рода самоделок. Рядом — полураскрытый инструментальный ящик. Да, расслабились...

Раздался резкий свист боцманской дудки.

— Ставьте столы на место — через двадцать минут обед!

...Смутное ощущение тревожило меня.

Я отошел в сторонку, присел на обрыве, рассеяно глядя на лодки, приткнувшиеся к причалу, на мертво висящий флаг, Река остекленела. Листья на кустах вялые, неподвижные. И тут я понял, в чем дело. Штиль. С утра над рекой гулял легкий ветерок, стихавший обычно только к вечеру. Теперь же на берег легла такая тишина, что треск кузнечиков в траве резал слух. Небо побелело, а на юго-западе, над высоким противоположным берегом поднималась из-за гряды далекого леса тяжелая лиловая полоса. Шквал идет!

Раздался голос Губина:

— Крепи палатки, прятать все...

Зашумели макушки деревьев. Туча висела уже в полнеба.

Паники не было. Ребята деловито стучали по колышкам, тянули растяжки, сгребали со столов рулоны бумаги и коробки с красками.

В спину ударила волна ветра.

— По палаткам!

Все моментально попряталось. Деревья закачались, налетела пыль, посыпались ветки.

— Не застегивайтесь! — Мы с Губиным перебирались от одной палатки к другой, расстегивая входы. — Держать полога руками, в случае чего — выскакивать немедленно!

Да-да, мы не на лугу: ива — дерево непрочное.

Ветер уже выл. Внезапно упала темнота, и на поляну обрушилась стена воды. Я ослеп и оглох. Торчал столбом посреди поляны и ждал самого страшного. Рядом грохнулся сук — ветки хлестнули по ногам. За спиной треснуло. Обернувшись, увидел, как хозяйская палатка, поднялась, сорванная порывом, забилась, взметнулась, подставляя дождю продукты и набросанные влопыхах вещи.

Четвертаясь, полез с обрыва — туда, где мокрые веревки запутались в траве, принялся искать оборванные концы, поймал край... Дохнуло холодом, дождь застучал

по голой спине как-то особенно больно. Обернулся — почувствовал резкий удар в глаз. Этого не хватало — град! Белые шарик застучали по брезенту, по стволам деревьев. Закрепив палатку, забрался в нее. Борьба с ветром отрезвила, и я уже спокойнее оглядывал лагерь. Град покрыл поляну толстым слоем, по нему косо бьет дождь. Ребячьи палатки дергаются, но стоят. Целые!..

Почудилось, будто светлее стало. Выступил, прислушался. Да, определенно ветер стал ровнее, не слышно этого жуткого воя, стих град. Дождь редел. Гроза уходила.

Я выбрался наружу. Заглянул в палатку к девочкам. Они спокойно сидели на раскладушках с ногами.

— Как дела?

— Крыша в двух местах протекла... Что там?

— Все в порядке. Готовьте сапоги и куртки. Граду навалило. Холодно.

Лагерь оживал. Небо быстро светлело. Выглянуло солнце. Деревья стояли притихшие. Град хрустел под ногами, повсюду валялись груды веток.

— Ого! — Губин присаистнул. — Катаклизм!.. Кстати, что там на приборах?..

Метеобудка покосилась, но устояла. Мы подсчитали: все события уложились в пятнадцать минут, и за это время температура упала на 13 градусов.

Губин шелкнул пальцем по стеклу термометра:

— Это, ребята, удача — попасть внутрь таких событий.

Солнце набирало силу. Земля, дымясь, высыхала на глазах. Потеплело. Обед не успел простыть. Наскоро расчистив завал в столовой, уселись обедать. Ели не спеша, со вкусом, вспоминая пережитые минуты. Что там ни говори, нам, действительно, повезло.

А потом все принялись готовиться к вечернему костру. Скоро начнут подходить из города гости. А завтра — домой...

Фото Е. Кондакова

ВЛАДИМИР ЧЕРЕДНИЧЕНКО

ЗА ЗАКАТОМ — РАССВЕТ

ЗАПИСКИ УЧИТЕЛЯ ИЗ КОЛОНИИ ДЛЯ ДЕВУШЕК

Продолжение. Начало в №№ 11, 12 за 1989 год и № 1 за 1990 год

Я продолжил серию сочинений на тему нравственности и морали. Этот воспитательный час прошел под знаком «Если бы мне предоставили день свободы».

Писали все. Кроме Яны Цирульниковой. У нее забинтована рука, зацепила чем-то в цехе, а теперь радуется: писать на уроках не надо. А может, и ей хотелось помечтать о дне свободы, но... Брать ручку в левую руку — значит писать и завтра, и послезавтра; на алгебре, физике, химии...

...Вечером скучать не пришлось, насочиняли достаточно, было над чем подумать. Вот хотя бы Водолажская: «В первую очередь я обязательно пришла бы к матери. Поговорили бы, поплакали. Потом — прогулка по городу, сладости в кафе. Покурила бы... Если бы встретила старых друзей, немного бы поговорили с ними обо всем, пошла бы в гости.

Возвратившись домой, обязательно надеялась бы наушники и до ночи слушала магнитофон, одновременно смотря телевизор».

Гукова: «Если бы мне такой день, поехала бы домой, к матери... Нет! дорога к матери закрыта. Ее отказ от родной дочери — большая рана у меня в груди. К другим приезжают, присылают — посмотришь на все это, за душу очень берет.

Моя-то сдружилась с мамашей того хлопца, которого я... ну... Вы, Владимир Иванович, знаете. Мне еще три года назад написали, что мать успокоилась, объединившись с той женщиной. Две страдальцы: та — потеряла сына, моя — дочь. Глупо! Я, если бы мне взаправду дали такой день, пошла бы по Мелитополю и написала бы...»

Кошкарлова: «За один день, я думаю, домой в Новороссийск никак не успеешь. Пошла бы в Мелитополь, сходила в кино, посмотрела город. А если бы заранее знала, что мне этот день будет предоставлен, сестре написала бы, позвала сюда. Уж она бы рассказала, что обо мне думают близкие родственники и вообще люди в нашем

квартале. Ведь они знают, что я судимая, то есть — отверженная...»

Бондарь: «Не желаю никуда из колонии. Да и куда? К отцу, грубому и пьяному? На кучу пепла, что осталась от дочери Леночки? К друзьям, которые с порога водкой зальют и уложат в постель? Нет, никуда не хочу, лучше в колонии. Пока лучше...»

Ну зачем, зачем Вы дали нам такую тему? Сидите сейчас за своим столом, заполняете журнал, а я реву. Вы разве не видите? Бессердечный, жестокий до предела человек, я сейчас понял. До освобождения еще восемь лет, а Вы предлагаете размышлять, как провести день, который никто не даст».

Кузовлева: «Вот я приехала домой. Примарфетилась. Обзвонила друзей. Договорились о месте встречи. Посидела дома, поплакала с бабушкой. А в назначенное время вышла к друзьям. Посидела с ними в ресторане, отдохнула немного. Обратная пришла домой. Конечно, поужинала... С бабушкой долго говорила бы...»

Чичетка: «Что сделала бы? Первым делом, выйдя из колонии, зашла в ближайшую столовую и поела хорошего борща. Потом привела себя в порядок в парикмахерской, вышла в город и пошла гулять.

Ну а появившись возможность перенестись на ковре-самолете в родной город, я бы хотела встретиться со своими бывшими «подельщиками» или хотя бы узнать о каждом. Кто из них не остался в дураках, а взял себя в руки и сейчас путем живет. Потерпевшую, конечно, хочется видеть. Как она поведет себя при встрече? Домой, разумеется, тоже зайду. Но на улицу показываться не буду, потому что стыдно от соседей».

Корниенко: «Домой не успею доехать. На все деньги, которые выдадут со счета, закажу телефонные переговоры с родителями и наговорюсь с ними вволю. Останется деньги — пойду в кабак, два года здесь сижу — имею право».

Шумарина: «Выйдя за ворота колонии, я

от радости, наверное, буду кричать «Ура!» А потом сразу же зайду в магазин, куплю сигареты и закурю. А дома самое главное — посмотреть, как ко мне относятся старые друзья. Если хорошо — погуляем вместе по Чернигову.

Можно, конечно, сходить и в детский дом, поговорить с воспитателем, узнать, как там мое горюшко. А лучше, чтобы вообще не давали этого дня, только расстраиваться. Уж если выходить на свободу, то один раз и навсегда».

А на другой день воспитатель отделения Надежда Викторовна Заря попросила дневальную позвать Шумарину в воспитательскую. Зашла Неля, несколько растерянная, смущенная.

— Вызывали, Надежда Викторовна?

— Присаживайся, поговорим.

Воспитатель веером разложила перед Шумариной письма.

— Это от воспитанниц, которые уехали на «взрослую». Ты думаешь, там мед, что так рвешься?

Шумарина встрепенулась:

— А кто сказал, что рвусь?

— Ну как же, первая скрипка в «отрицаловке», в актив не хочешь, боишься «мусоршей» прослыть...— Надежда Викторовна четко выговаривала каждое слово, и я видел, как больно воспринимает это Шумарина.— Ты почитай-ка лучше, подумай... И я, чтобы не мешать, почитаю.

Заря взяла со стола последний номер «Огонька», развернула его. На столе остался фотоснимок двухлетнего симпатичного мальчика в клетчатом костюмчике. Неля сначала лишь скользнула взглядом по снимку, а потом подняла глаза, взяла снимок в руки.

— Какой симпатичный мальчик! Чей это?

Воспитатель, не отрываясь от «чтения», спокойно ответила:

— Твой...

— Мой Димочка! — вскрикнула Шумарина.— Мой!

Надежда Викторовна положила журнал на стол.

— Пока что — твой...
 — Как это — пока что?
 — Мальчика хотят усыновить.
 Воспитанница опустила голову на кулаки. Когда подняла, Надежда Викторовна увидела глаза, полные слез.
 — Если твоего Димочку усыновят, ты никогда его больше не увидишь.
 Теперь уже Неля не сдерживалась и не стеснялась своих слез.

— Но ведь так не бывает... Они не имеют права... Это мой сын...
 — Право имеют. Ты же письменно отказалась от материнства? Или забыла?
 — Что же мне делать теперь? — шептала Неля пересохшими губами.
 — Подумать о том, чтобы скорее возвратиться домой. К сыну.

Водолажская зашла в учительскую, когда я там был один.

— Тоскливо что-то на душе, знобит, — призналась, усаживаясь на стуле возле электрокамина.

— Температуру меряла?..
 — Оставьте, Владимир Иванович, — пожевываясь, сказала отрешенно. — На душе тоскливо, понимаете? Душу знобит.
 — Что случилось, Оля? Не темни, выкладывай.

Водолажская рассматривала корешки книг на полках, потом перевела взгляд на окно.

— Комиссия по УДО* скоро, — проронила вполголоса. — Многие девчонки домой поедут...

Теперь стала ясной причина пассивности, которая завладела в последние дни половинной отделении. Одни воспитанницы, те, которые представлены советом воспитателей к условно-досрочному освобождению, с беспокойством ожидали решения администрации, а другие завидовали их возможности близкого возвращения домой.

Водолажская, насмотревшись в окно, снова заговорила:

— Почему вы не спрашиваете, помирилась ли я с Белкой?

В памяти всплыл тот воскресный день, когда «отрицаловка» объявила нам бойкот. Вспомнились Водолажская и Белка, застывшие, неподвижные на грубых, некрашенных табуретках в воспитательской. Надежда Викторовна — хмурая и расстроенная. Клятвенное заверение Белки в том, что их ссора на всю жизнь.

— Оля, — спрашиваю с готовностью и надеждой, — помирилась ли ты с Леной Беловой?

Водолажская улыбается:
 — Да, мы помирились. И Белка уже записалась в актив. Вместе хотим освободиться условно-досрочно и будем помогать друг другу. Белка тоже хочет заработать поощрение, как у меня.

Я вспомнил, что Водолажская не так давно была впервые поощрена. В приказе это выглядело так: «За достигнутые успехи в трудовом соревновании по итогам месяца осужденной Водолажской О. А. разрешено дополнительное отоваривание на сумму три рубля». Помню, что Оля тогда позволила себе, кроме привычных сухарей и кефира, приобрести в лавке маргарин, консервированную фасоль в томате и банку сардин.

ВОСПИТАННИЦЫ!
 ВРЕМЯ ТАК БЫСТРОТЕЧНО.
 НЕ ОТКЛАДЫВАЙТЕ НИЧЕГО
 НА ПОТОМ. СЕГОДНЯ, СЕЙЧАС,
 СТАРАЙТЕСЬ ИСКУПИТЬ СВОЮ
 ВИНУ. СОБЕРИТЕ ВСЕ СИЛЫ,
 ВСЮ ВОЛЮ, ЧТОБЫ УДАРНЫМ
 ТРУДОМ И БЕЗУПРЕЧНЫМИ
 ДЕЙСТВИЯМИ ДОКАЗАТЬ СЕБЕ
 ИМЯ. КАЖДЫЙ ПРОЖИВЕННЫЙ
 ДЕНЬ ДОЛЖЕН БЫТЬ
 ИСКОРЕНЕНИЯ ПОРОКА
 И ПУТИ
 НОВОГО ОБНОВЛЕНИЯ.
 ДУМАЙТЕ О ЖИЗНИ СЕБЯ
 ВАШЕ БУДУЩЕЕ ЗАВИСИТ
 ТОЛЬКО ОТ ВАС. ОТ ВАШЕГО
 СОЗНАНИЯ. ЧЕСТНОСТЬ

* УДО — условно-досрочное освобождение

— Давно не видела такого лакомства, — говорила она мне, счастливо улыбаясь.

...Прежде чем отослать Водолажскую в жилую зону — там скоро должно быть построение на проверку, — задал я ей два вопроса. Первый давно мучил меня самого.

— Вот ты, Оля, не отпая, а оказалась в отделении рядом с Цирульниковой, Гуковой, Корниенко. Можно ли такое допустить? Правильно ли это, как думаешь?

— Сначала я была в отчаянии, — призналась Водолажская. — А потом, сопротивляясь им, почувствовала, что и сама становилась сильнее...

Слушая Ольгу, вспоминал претензии, которыми многочисленные противники досаждали Макаренко: «Как вы допускаете, что у вас воспитываются вместе правонарушители и нормальные дети?» Антон Семенович объяснял, что в жизни они тоже живут вместе. «Именно поэтому воспитывать нужно вместе», — утверждал Макаренко. Выходит и тут был прав педагог. «Каждый человек, — писал он, — должен входить в жизнь, умея сопротивляться вредному влиянию. Не оберегать человека от вредного влияния, а учить его сопротивляться».

— Оля, с чего ты начинала? Помнишь первую кражу? — задал я свой второй вопрос.

— Первую помню. Это принесенная из сада кукла. Мама спросила: откуда? Ответила: подарили. Маму это устроило.

Вот и весна на календаре. Низко плывут клочковатые серые тучи. За окном класса вижу черную стену, черные деревья сквера в жилой зоне, паутину ветвей на фоне догорающего солнца.

То ли погода влияет, то ли рассказ учителя истории не увлекает, только скучают воспитанницы, каждая занимается своим. Корниенко бабочку-заколку примеряет к волосам. Водолажская письмо пишет. Чистетка смотрит открытки — виды города, в котором жила. Шумарина украдкой читает «Огонек». Бондарь ничего не делает, но и учителя не слушает. Сидит ко мне боком, тяжело прислонившись спиной к стене. Долго смотрит на воспитанницу в упор — не замечает. Знаю, уходит в себя не от нежелания учиться, тут другое... Боль невыносимая накапливается при воспоминании о своем преступлении. Наши колонийские медики утверждают: Бондарь с каждым годом будет труднее, видение убитого ею собственного ребенка все чаще будет преследовать ее. От мыслей, связанных с Бондарь, знобит.

Цирульникова, вижу, что-то рисует. Вчера она отказалась работать: «Мне на «взрослую» ехать, плавать на все!» Мастер пригрозил рапортом — Яна взорвалась и начала бить в цеху окна. Вызванные контролеры связали ей руки, поместили в дисциплинарный изолятор.

...Вспоминаю свой разговор с воспитанницей в камере дисциплинарного изолятора.

— Ты, Яна, как-то высказала сожаление, что на свободе не у меня была на учете...

Цирульникова кивает.

— Значит, воспользуешься советом, который я сейчас тебе дам?

— Смотря какой совет. Что надо сделать?

— Надо, Яна, выйти на линейку и публично покаяться в своем поведении.

— Шутите? — Губы Цирульниковой растаяли в неестественной улыбке. — Да меня на «взрослой» возмут за такие активные проявления. Да я зарок дала, татуировка на животе, ясно? Паук головой вниз!

Дождь, пока Цирульникова остынет. Выдержал паузу.

— В таком случае, — пообещал холодно, — завтра вся колония узнает, что ты — «крыса».

Цирульникова отшатнулась, зрачки ее застыли.

— Знаешь, как на «взрослой» встречают «крыс»?

Цирульникова сумрачно процедила: — А покаюсь, молчать будете?

...Когда при загадочных обстоятельствах исчезла у Шумариной во время годового гадания шариковая ручка, я знал, кто ее взял. Я не стал тогда предавать эту историю огласке. А вот теперь... Правильно ли я поступаю теперь? У меня против Яны есть козырь. И я пускаю его в ход. Но оставь я и сейчас при себе ее тайну, много бед принесет всему отделению забывовавший лидер «трицаловки».

Цирульникова вынуждена была публично покаяться, чем удивила всю колонию. Судили-рядили о причинах столь необычного поступка по-разному, самые отъявленные из «отрицательных» колонисток задумались: если уж Цирульникова отступилась, стоит ли продолжать «чудить»...

...Учительница истории отходит к окну, всматривается пристально в черноту надвигающегося дождя, а я снова ухожу в себя. Корниенко накануне получила письмо от отчима дяди Леша. Последние его строчки я перечитывал, озадаченный, несколько раз.

«Так хочется подержаться за тебя, поцеловаться, — признается в конце письма отчим. — В прошлый раз я даже не смог обнять тебя на прощанье. А так хочется прижать к себе и целовать, целовать. Я тебя очень люблю. До свидания, до скорой встречи, моя красавица».

Закончив с письмами, которые пришли на отделение, я послал дневальную за Катей. Только разговора, на который рассчитывал, у нас не получилось. Корниенко, пробежав глазами подчеркнутые строчки, быстро сообразила, зачем ее вызвали, и устроила истерику:

— Что вы подозреваете? Как не стыдно! Дядя Леша ко мне относится лучше родного отца!

Я был здорово раздосадован, что беседу на столь деликатную тему начал, не продумав, без подготовки. Какое-то время терзал себя за неловкость, педагогическую неумелость.

И вот опять разговор с Корниенко: — Через три дня родительское собрание, — говорю Кате. — Хочет приехать отчим. Опять один приедет, без матери.

— Что от меня нужно? — выдавливает воспитанница хрипло.

Со времени того, первого, нашего разговора прошла неделя. Кате достаточно было времени, чтобы все обдумать, и сейчас она не спешит, как прежде, оборвать меня на полуслове. Она не горячится и не закатывает истерику.

— Что я должна сделать? — повторяет вопрос. — Отказаться от свидания? От передачи? Но это же глупо...

Я стараюсь поймать взгляд Корниенко, но она прячет глаза. Такая безысходная, глубокая в них тоска.

— Раскаяться хотите? — роняет она сквозь стиснутые зубы. — Но раскаиваются только на суде в последнем слове. Да, связь имеется. Но причины ее совсем не такие, как вы, наверное, думаете. Просто... — Корниенко задумывается. — Понимаете, мне трудно дяде Леше отказать, да и самой разнообразия хочется. А так как в зоне других вариантов нет... До колони между нами ничего не было. А после колонии... Все может быть! Все! Но это вас не касается, слышите!..

Продолжать спорить с Катей, читать ей мораль — нет смысла. Знаю, что выслушала за свою жизнь столько назиданий, что их стенограмма составила бы, я думаю, несколько толстых томов. А много ли пользы?

Оказавшись в гупике, я вынужден использовать «запрещенный прием».

— Письмо от отчима, — говорю осторожно, — это тайна для всех. Пока только я и ты знаем его содержание.

— Пока?! Вы сказали — пока?!

Психологи хорошо знают, что для девушки, как правило, суждение микросоциальной среды, ее непосредственного окружения более значимо, чем, скажем, для юноши. Разумеется, Кате далеко не безразлично, какую оценку ей дают в отделении, что думают о ней, что говорят. Вряд ли Корниенко обеспокоена сейчас тем, что я могу нарушить тайну ее переписки. Озабочена она, скорее, другим: как оценит ее «роман» с отчимом колонийское окружение, если вдруг это выльется наружу?

Дрогнувшим голосом Катя спросила: — А вот вы лично как относитесь к случаям, когда девушка и... ее отчим?

— На прошлое закрыть глаза gotta, говорю прямо. — А в будущем... В будущем, Катюша... — Смотрю Корниенко в глаза. — Ты хочешь услышать сейчас много горьких слов для себя?

— Пойдем, Катерина, на самоподготовку.

После занятий в классе осталась одна Корниенко. Сцепив руки на коленях, смотрит за окно.

— Я обдумала: дайте дяде Леше телеграмму, чтобы не приезжал. — В глазах Кати твердая решимость. — Мама придет — будет лучше.

— Вот это правильно...

В воскресенье первым приехал отец Бондарь. Седая голова. Опущенные плечи. Вялая медлительная походка. Мы вместе прошли в предзонник.

— Ну как она здесь, моя дочка? — спросил Сергей Игоревич.

— Как все, — отвечал я неопределенно. — Учится, работает... Вы первый раз ее навещаете?

— Впервые, — хмуро ответил Бондарь. — Да знали бы вы, каково мне, — говорит раздраженно. — Дочь собственного ребенка сожгла. Зверь она или как понимать? Можно ли дочь считать?

— Когда Галя ожидала ребенка, вы где были?

— Рядом. Помогал чем мог, заботился. — Жили отдельно?

— Поверьте, часто наведывался к дочерям, — дрогнувшим голосом убеждал Сергей Игоревич. — Каждые два-три дня приходил.

— Знали, что у Кати собирается сомнительная компания, что пьют, что...

— Все знал, — отвечает глухо. — А сделать ничего не мог. Не мог ничего противопоставить этой своре уголовников. Их много, мне угрожали...

Тяжелый у нас получается разговор. Через полчаса такой беседы чувствовал себя уставшим, словно после рабочего дня. Сергей Игоревич оправдывается, всячески отрицает собственную вину. Я спрашиваю прямо:

— Зачем вы приехали?

Бондарь после этого вопроса как-то сразу отстраняется, словно ступил на ледяни, и между нами стала расти полынья.

— Зачем вы сюда приехали, Сергей Игоревич?

— Я могу, конечно, попытаться объяснить, — заговорил он плаксиво. — Но вы поймете? Поймете ли?

— Буду стараться, — чуть мягче ответил я.

— Один остался, понимаете? Новая жена, шлюха, уже спуталась с другим, ее дети — не мои дети. А мама... — Сергей Игоревич ослабил галстук. — Сорок дней, как схоронил ее. Только помянул, и на поезд — сюда.

— Вы хотите вернуть дочь? — спросил я и почувствовал, как стиснулось горло. — Это серьезно?

В глазах Бондаря затеплилась искорка надежды.

— Да, да, хочу вернуть, — ответил глухо.

Проводив Сергея Игоревича в школу, я возвратился на КП — там ожидали матери Водолажской и Дорошенко. Обе в колонии впервые. Но Дорошенко-старшая отбывала срок, ей и здесь все привычно, а Водолажская засыпала вопросами.

— Анна Анатольевна, — сказал с упреком. — Разве вы письма наши не получаете?

Я заверил Анну Анатольевну, что у Ольги все хорошо. А вот с Дорошенко-старшей разговор нужен пообстоятельней. — Через месяц заберите Оксану домой. Ну что можно сказать? Многого в ее будущем будет зависеть от тех условий, которые создадите ей дома, особенно значим ваш личный пример. Ваш личный пример, слышите?

Приближалось время родительского собрания, можно уже было оставлять пост на КП и идти в школу, но вдруг появился Катин отчим-дядя Леша.

Я сухо с ним поздоровался.

— Вы разве не получили телеграмму? Почему приехали вы, а не мать?

— Есть разница? — осведомился, ухмыльнувшись, дядя Леша.

— Мы хотели видеть мать, — повторяю с нажимом на последнем слове. — Почему ее нет?

Отчим — грузный, невысокий мужчина с редкими волосами и широким скулами — засуетился.

— Мы посоветовались, решили с матерью так. Нет, это она решила, — поправился он. — Дорога, говорит, дальняя, езжай ты. Вы уж, начальник, на нее не серчайте, мать дочку любит, переживает.

А «моторчик» у нее слабый, в автобусе укачивает.

Дядя Леша для пущей убедительности приложил руку к груди, и я увидел на тыльной стороне его ладони татуировку: паука головой вверх.

— Вас понял, — остановил я этот вулкан фальшивой доброжелательности и лжи. — Пора в школу.

Шли молча. Лишь перед входом в школу дядя Леша задержал меня вопросом:

— Свидание с Катенькой, думаю, будет позволено? Часа четыре, если можно...

Я посмотрел собеседнику в глаза.

— Час, не больше, — сказал холодно.

У Катиного отчима улыбка во весь рот. А в зрачках беспокойство бегаёт.

— Час, — повторил я. — И только через стекло.

— Это беспредел! — задохнулся недогодованием «родитель». — Хозяйку требую! Быстро!

Он поднял глаза, и мне на секунду стало не по себе.

— Вас проведут в административный корпус? Пожалуйста, могу...

Отчим Кати разжал кулаки. Постоял, подумал.

— Почему 'от дочери отрываете? — спросил хрипло. — Ведь это моя... Моя дочь! Оформленная!

Тут уже и меня повело на принцип.

— Свидание через стекло, — с усилием повторил. — В моем присутствии. — И, чтобы окончательно избежать неопределенности, заявил жестко: — У Кати возврата к бывшему не будет.

Гримаса искривила лицо гостя. По потухшим глазам не трудно было определить: дядя Леша все понял.

Тяжелая на том собрании была сцена. Мать Наташи Столярчук с болью вдруг заговорила:

— Я потрясена была, когда узнала, что вы «сеансы» устраиваете у окон для хлопцев из ПТУ. Раздеваетесь перед ними за пачку сигарет. Вот ваша цена! Да взяли бы эту пачку и швырнули назад! Как подачка вам! Почему конфеты, цветы вам не бросают, задумывались? Да над вами смеются, наблюдаю дежеску!

— Ну, хватит, мать! — попыталась остановить ее Наташа. — Я перед теми пижонами не раздевалась. И не курила ихнее.

— О тебе разве одной речь? — с горечью продолжила Столярчук-стар-

шая. — Знала бы ты, доченька, знали бы вы все, доченьки, каково нам ехать сюда к вам. В поезде попутчикам стыдно сказать, куда еду. Этот — на море, этот — в командировку, эта — к сыну в армию. А я? В тюрьму. К несовершеннолетней дочери... Женщина разрыдалась.

В классе установилась тягостная тишина. Лишь всхлипывания матерей слышны да звуки баяна — в клубе, который в одном со школой помещении. Что-то там репетируют.

Не выдержала Шумарина. Задышавшись, она рванула ворот школьного платья, — пуговицы горохом посыпались на пол.

— Девки, действительно хватит... Не знаю, как вам, но я не могу это слышать!..

Никчемное, вроде бы, для колонии мероприятие — конкурс рисунков на асфальте. Не детсад же здесь, в самом деле! Но девушки стараются изо всех сил и видно, что от души стараются. И как переживают, когда их отделение обходит другое! Что это? Азарт состязательности захватывает?

Я вспомнил Шумарину, какой она была полгода назад, вряд ли она стала бы переживать тогда из-за какого бы то ни было конкурса. А сейчас переживает: почему это не их отделение впереди?

Присел на скамейке рядом с опечаленной Столярчук.

— О чем грустишь, Наталья?

— На свободе я видела — рисуют на асфальте. — голос ее дрожал. — Но настоящая жизнь, считала я, другая: в барах, ресторанах. Рисунки казались детством. Сейчас в этом детстве я побывала, и вот результат — расклеилась.

Переоценка ценностей. Сколько раз приходилось наблюдать этот процесс в колонии. Как хочется, чтобы поняли и поверили в переоценку скептики, уверовавшие, что в зоне ничего хорошего не наберешься, и этой распространившейся верой перечеркивающие результаты, которые нелегким трудом даются подколлективу колонии. И вот воспитатели колонии, как и год, как десять, двадцать лет назад, делаются в учительской содержанием писем, получаемых от вчерашних воспитанниц: кто-то из них четвертый месяц обивает пороги отделов кадров, кому-то отказали в общежитии, у кого-то за спиной шептались и ехидненько пересмеивались, рассматривали оступившуюся девушку-подростка, как экспонат из музея монстров...

Мы великий, а значит, и добрый народ. Почему же мы так недобры к своим детям?!

Продолжение следует

¹ Так заключенные называют между собой случаи превышения прав сотрудниками колоний.

Уважаемый читатель!

Позади четыре главы записок В. Чередниченко из колонии для девушек. Не дожидаясь окончания публикации, мы обращаемся к тем, кто побывал в специнтернатах сам, к их родителям, близким с просьбой откликнуться. Мы просим вас высказать свою точку зрения на принятые у нас в стране формы социальной изоляции подростков, преступивших закон. На методы работы с ними. Мы отдаем отчет в том, что данов пережить, вспоминая эту драматическую веку в судьбе, — занятие не из легких и не из приятных. Но ваши горькие личные впечатления и раздумья необходимы не ради праздного любопытства. Начат процесс гуманизации нашего общества. Он не может обойти и столь большую проблему. Мы уверены, что ваше мнение будет нелишним в этой сложной работе.

ЭТИ СТРАШНЫЕ, СТРАШНЫЕ ХИППИ

В редакцию прислал письмо хиппи. Он просил не о помощи — о понимании. Кто же они — хиппи? Что мы знаем о них — даже если они рядом? Письмо Б. Волчка комментирует журналист Л. Коваленко, посвятившая несколько лет исследованию движения хиппи.

У меня сложилось впечатление, что тридцать лет существования хиппи наши средства массовой информации пытаются запугать советских людей этим явлением. И пока это удается. Правда, нервничают больше пенсионеры, а для молодежи разгромные статьи и передачи на эту тему служат бесплатной рекламой. По моим наблюдениям, после каждого очередного публичного разгрома «наших жалких подражателей» движения хиппи число участников тусовок удваивалось, а то и утраивалось.

Западным хиппи повезло больше, хотя слова «хиппи» и «наркоман» писались, как правило, через дефис и принято было утверждать, будто все они поголовно заняты свободной любовью (а наши журналисты вкладывают в эту формулу один-единственный смысл). Но им все же оставили право называться подлинными хиппи, и даже где-то сообщалось, мол, это движение — форма богоискательства, поиск смысла жизни...

У нас в стране, судя по публикациям, хиппи и вовсе нет, а есть вот эти самые «подражатели». И отсутствует социальная почва для нашего существования, а также и внутренние обусловленные причины. И все мы, хиппи, просто тунеядцы. А самое главное — нас и быть-то не должно!

В последнее время, правда, кое-что изменилось. С опозданием открыв существование застоя, мы вынуждены признать: раньше причины вроде бы были. Однако сейчас, «когда мы уже перестроились», их опять-таки нет. И снова нам предлагают исчезнуть, потому что никак мы не вписываемся в доминирующие повсеместно представления о будущем. А перед исчезнове-

нием добрые люди рекомендуют творческой части движения влиться в уже существующие творческие объединения (чтобы не попасть под метлу). Это уже прогресс, так как раньше творческую часть движения как бы совсем не замечали. Поэтому у читателя вполне может возникнуть впечатление, будто хиппи — просто союз нарушителей, алкоголиков, наркоманов и тунеядцев. Но ведь хиппи — всего лишь часть общества, и, разумеется, в движении хиппи присутствует все то, что существует в обществе в целом.

Задуматься об истинных причинах явления недосуг, гораздо проще нагнать на читателя страху, побаловать его «клубничкой». И тогда появляется в молодежном еженедельнике «Собеседник» замеска, повествующая о том, как мы сидим по колено в жидкой грязи (цитирую почти дословно), в этих же условиях занимаемся сексэйненами, а рядом создается очередной манифест. Сроду подобного «синтеза» не видел и могу только позавидовать фантазии корреспондента Галины Токталиевой. И не удивительно, что во время встречи киевского комсомольского актива с хиппи в кулуарах комсомольцы интересовались исключительно секс-, а правильное сказать, факсэйненами (то есть, коллективным сексом) и были страшно разочарованы, узнав, что слухи о них — преимущественно выдумки начинающих. Или же, как это у нас называется, «телеги». Собственно, «телега» — не просто вранье, а скорее выдуманная на ходу история, некое небывалое приключение, о котором хиппи рассказывают друг другу на тусовках со всякими вариациями и импровизациями. Так сказать, фольклор. С тем

же успехом можно бы утверждать, будто хиппи выходят в «астрал», разгоняют облака, материализуют различные предметы или, к примеру, общаются со снежным человеком. Подобных «телег» мне приходилось слышать множество и теперь я не удивлюсь, если прочту их вольное изложение (выданное за подлинную информацию) в очередной статье о хиппи.

Наверное, можно было бы поблагодарить иных корреспондентов за даровую рекламу хиппизма — но не хочется. Мы в рекламе не нуждаемся и никого в хиппи не вербуем, хотя и приветствуем тех, кто приходит к нам по внутреннему зову (а не за острыми ощущениями). Ведь движение хиппи — это прежде всего поиск себя, своего места на земле и в космосе, то есть поиск смысла жизни. Следовательно, одна из форм богоискательства, пусть это кому-то и не нравится.

О мировоззрении хиппи было уже написано довольно много мудреного и непонятного, но, честно говоря, нас все эти кабинетные умственные построения не слишком беспокоят. Мы пытаемся искать смысл жизни в ее ощущениях, в самом бытии, а не только в концепциях. И более всего важен для нас сам человек и его мировосприятие, а не умственные заморочки. Кстати, среди нас много людей с разным мировоззрением, но это не мешает нам быть вместе.

Возможно, движение хиппи как раз и является тем полем, на котором вырастает терпимость людей к взглядам и мнениям других. И урожай с этого поля может пригодиться всей стране.

Борис ВОЛЧЕК

*«Друг друга узнают за сотню шагов
Славные дети Державы Цветов!»
У. Сольми*

Признаться, я не предполагала, что придется писать нечто подобное этим заметкам сегодня, когда расцветают плюрализм, гласность, толерантность и прочие отрядные цветы демократии. Казалось бы, кому нынче дело до немногочисленного волосатого племени хиппи? Накалившиеся до предела политические и социальные страсти отодвинули на второй план тех, благодаря кому, собственно, и явилось на свет странное, но цепкое словечко «неформалы» — то есть тех же хиппи, панков, рокеров, «металлистов» и иных юных нонконформистов, коих общественное мнение склонно мешать в одну кучу и обзывать по-всякому. Однако на втором плане или на десятом, но проблемы-то остались. Как остались и они сами — непонятные и неприятные, не вписавшиеся в традиционные общественные структуры и потому вызывающие страх и ненависть обывателя. И покуда будет существовать эта взаимная неприязнь, мы будем то и дело упираться в туники конфронтации и нетерпимости.

Зерна зла, прорастая, дают такие ужасные всходы, и упования многих граждан на танки либо войска специального назначения, увы, несостоятельны, если не преступны... Значит, нужно выбрать какие-то иные пути выхода из «вечного боя». Но какие же?

Давайте-ка пойдем по самому простому — и самому трудному — по пути понимания. Пригуглим на время чувства типа «нравится — не нравится» и постараемся разобраться в причинах, сути и следствиях явления, которое, право же, стоит, чтобы о нем поразмышлять.

Итак, хиппи или, как их еще называют, «дети-цветы» — что мы о них знаем? Та-ак... Не стригутся, не моются, носят драные джинсы и вообще всякие обноски. Бродяжничают по дорогам страны, выходя «на трассу» с первым весенним теплом. Судя по всему, тунеядствуют — а иначе откуда возможность путешествовать по три-четыре месяца? Средства на пропитание добывают попрошайничеством, как это у них там называется — «аскают прайфс», что ли? Вот ведь и объясняются на каком-то полублатном слэнге (см. словарь хиппи), и ночуют где придется, не брезгуя подвалами, чердаками и парадными. Следовательно, образ жизни наверняка далек от высокоморального; не на пустом же месте возникают слухи о «свободной любви»? Что еще у нас осталось неохваченным? Ага, религиозные заморочки, идеологические диверсии и, наконец, самое страшное: говорят, будто бы хиппи все как один поражены наркоманией и алкоголизмом. Теперь, кажется, полный джентльменский набор. Ну, если что забыла, читатель волен дополнить, хотя и без того картина получилась устрашающая.

А сейчас позвольте предложить вашему

вниманию цитату: «Почему-то в нашей литературе и среди нашей интеллигенции представление о беспризорном сложилось в образе некоего байроновского героя... Все беспризорные — воры, пьяницы, развратники, кокаинисты и сифилитики. Во всей всемирной истории только Петру I пришивали столько смертных грехов». Извиним Антону Семеновичу Макаренко маленькую неточность — нынче у названных грешников объявились конкуренты. Обществу ведь в любые времена требуется некий объект тотальной ненависти — чтобы сбрасывать на этот самый объект излишки негативных эмоций. Но царя Петра вроде бы реабилитировали, классические беспризорники почти перевелись, а кооперативщики, начальники и «враги перестройки» либо абстрактны, либо малодоступны для широкой публики. Так что волосатые вовремя подвернулись — на них много чего навешать можно.

Однако расхожее мнение о хиппи возникло вовсе не на пустом месте, ибо примет из образа жизни отражаются в общественном сознании как в зеркале... правда, в зеркале из «комнаты смеха» — кривом и вдобавок гиперболическом. Так часто случается, если недостает объективной и полной информации. И тогда частности принимаются за общее, исключения выдаются за правило, а выводы делаются соответствующие. К тому же печатному слову мы привыкли верить безоговорочно — и отвыкаем от этого с трудом. Поэтому, видимо, прав Борис Волчек, возлагая ответственность за упрощенное и искаженное представление о хиппи на коллег-журналистов. Между прочим, на моей памяти уже раз пять «хоронили» хиппизм, а он возрождался снова и снова и, похоже, совсем не собирается умирать. Значит, дело тут вовсе не в пресловутом «тлетворном влиянии Запада», моде на длинные волосы или злостной лени отдельных индивидов?

Обычно историю движения хиппи принято начинать с битников — представителей «разбитого поколения» середины пятидесятых годов. А вот я бы начала ее с Диогена Синопского, проживавшего в городе Афин за триста с лишним лет до нашей эры. Это тот знаменитый Диоген, который жил в бочке и был прозван собакой, откуда и пошла, как известно, циники (точнее — киники). Если присмотреться, у древнего Диогена с современными волосатыми немало схожего. В своей бочке он обитал, понятно, без прописки, существовал исключительно на подаяние, отвергал брак и прочие традиционные формы жизни. Наверняка не стригся, а одежде придавал еще меньшее значение — и вовсе без штанов обходился. Объявлял себя гражданином мира и не признавал никаких законов, кроме закона природы. Все это для того, чтобы, сведя к минимуму потребности, достичь максимальной независимости. Следовательно — по диогеновой мысли — высшего счастья.

После Диогена Синопского многие еще искали счастья по его методе. Из знаменитостей вспомним хотя бы Григория Сав-

вича Сковороду, нищего странствующего философа и поэта, жившего в XVIII веке. С чего-то вдруг оставил он престижную преподавательскую службу в Харьковском коллегии и отправился босиком по городам и весям. Так сказать, «по трассе»... А сколько же их было еще, безымянных правдоискателей, беспаспортных вагантов, юродивых и шутов, не страшившихся высказывать правду о власти имущих даже в самые крутые времена, безоружных бунтарей, отвергающих всякое насилие. Относились к ним в обществе по-разному. Когда подкармливали и отогревали, иногда насмехались или побанялись, а бывало, сажали в каталажку либо отправляли на костер.

Однако до середины нынешнего века нищие бродяги-правдоискатели погоды в обществе, как говорится, не делали и были малозаметны на фоне социальных и духовных процессов, куда более значительных, нежели пассивный протест чудаковатых одиночек. Первая половина двадцатого столетия, казалось, и вовсе вытеснила их из жизни, оставив крохотную нишу для толстоцев-непротивленцев, которых терпели разве что из уважения к Льву Николаевичу — да и то недолго. О каком еще ненасилии могла идти речь в пору глобальных революционных потрясений и кровопролитных войн, грандиозных планов и невероятных преступлений против личности.

...Но вот успокоился немножко мир, затянулись раны, проржавел «железный занавес» — и вдруг объявились новоявленные диогены, называвшие себя битниками. Для нас здесь интересны два момента. Во-первых, движение «разбитого поколения» возникло в США — к тому времени самой сытой и наименее пострадавшей в социальных катаклизмах и войнах стране. А во-вторых, подобно своему древнегреческому предшественнику, битники проповедовали добровольную нищету и бродяжничество, пренебрежение к традициям и ценностям общества и прочие вещи, никак не вписывающиеся в устоявшуюся систему мировоззрения. В нашей прессе о западном «разбитом поколении» сперва писали даже с некоторым сочувствием — до тех пор, пока не объявились отечественные битники. Тогда уже заговорили об идеологической диверсии, направленной в сторону нестойкой части советской молодежи — в целом, разумеется, трудолюбивой и героической. Другой реакции, думаю, быть не могло; никому в голову не приходило, будто бы в нашей стране есть какой-либо повод для социального протеста, активного или пассивного. Как раз тогда сильно ругали Василия Аксенова за «звездных мальчиков» и еще больше за роман «Пора, мой друг, пора» — мол, взял писатель в герои абсолютно безыдейных и вконец зажавшихся юнцов и выдает их за представителей современной советской молодежи. Между тем «нехороший» Аксенов попал в точку, предвидя молодежные проблемы, с которыми мы столкнулись очень скоро, да долго продолжали замалчивать. Сегодня с некоторым запоз-

данием приходится признать: есть и у нас поводы для молодежного бунта.

Я полагаю, не стоит подробно останавливаться на этих поводах; достаточно лишь коротко напомнить, что речь идет о лжи и приспособленчестве, конформизме и мешаестве, коррупции и мафиозности, бюрократизме и социальной незащищенности... Добавим сюда все прелести «командирской педагогики», ущербное образование и поистине общенародную привычку свысока поучать подрастающее поколение. Долгие годы мы, взрослые, с большей или меньшей тревогой наблюдали, как страна все глубже погружается в застойную трясиину, и утешали себя пресловутыми кухонными разговорами за полночь. Право, не хочется рвать на себе тельняшку и посыпать голову пеллом, но куда уйти от реальности? «Дети XX съезда», мы покорно ждали, пока возобновятся реформы «сверху», мы изнашивали свои принципы в бесплодных спорах и шатких прогнозах. Мы не верили, будто хоть что-то способны сделать сами — разве только не опуститься, не спиться, не потерять себя окончательно... Знаете, дорогие мои ровесники сороковых годов рождения, ей-богу, на этом фоне даже пассивный и аполитичный протест отечественных битников и последовавших за ними хиппи выглядит действием, поступком! Хотя, если говорить всерьез, это тоже философия ухода. Просто старшие уходили в быт, а младшие предпочли его отсутствие. Общепринятая форма ухода тиха и неприметна, а хипповая — нарочито эпатажирующая и связанная с непривычной атрибутикой — бросается в глаза, вызывая возмущение добропорядочного обывателя.

Теперь, когда мы мало-мальски разобрались с причинами возникновения и историческими корнями хиппизма, самое время обратиться к сегодняшнему содержанию движения. Правда, в нескольких публикациях последних месяцев авторы снова утверждают, что, дескать, «косматому племеню» пришел конец. Нынче хиппарями уже не возмущаются, сейчас в моде их жалеть... Частно говоря, мне тоже иногда хочется поглядить по головке шестнадцатилетнюю «герлу», «тусующуюся» исключительно из-за неизбывного одиночества и полной неприкаянности. Еще горше становится на душе, когда на вопрос: «Как живешь?» она кокетливо отвечает: «Торчу поменьше...» И все мои доводы против «травы», с помощью которой она «торчит», разбиваются о спокойное и снисходительное недоверие — и чего тетка прыскает, какое ей дело?

Тем не менее, думая о «системе» (так именуется хипповая общность), я менее всего склонна жалеть, презирать и уж тем более ненавидеть молодых людей, подавших на этот путь. Но и особых восторгов по этому поводу не испытываю — состояние эйфории, обывающее меня при первом знакомстве с наиболее яркими представителями хиппи образца 80-х, скоро развеялось. Сейчас я понимаю, что тогдашнее мое и некоторых моих коллег неумеренное восхищение новыми знакомыми уже само по себе граничило с оскорблением.

Мы как бы пребывали в состоянии снисходительного и приятного разочарования: «Ах-ах! А говорили, мол, все хиппи — неудачники, тунеядцы и наркоманы, а оказалось...» Но чему, собственно, было так изумляться? Или не сосуществуют рядом в «большом» обществе талантливые личности и опустившиеся алкоголики? Или, может быть, не встречаются среди «не хиппи» бездельники и неудачники — наряду с удачниками и трудолюбцами?

Да и вообще, смешно искать в «системе» некий социальный антипод сложившейся общественной структуре — она столь же неоднородна, как и общество в целом. Здесь мы снова сталкиваемся с «эффектом зеркала». Хотят или не хотят признавать сей факт сами хиппи, но в их движении отразились все беды общества, против которых они бунтуют и от которых сами несвободны. Можно, разумеется, на время скрыться в Коктебле или на Гауе, заменяющих нашему «пиблу» знаменитый остров Гомера, куда стремятся хиппи и прочие беглецы западной цивилизации. Только ведь это — иллюзия независимости, не более того...

Уж не знаю, в силу ли особенностей нашего общественного устройства или по другой причине, однако отечественный хиппизм — явление достаточно самобытное. Впечатление такое, что чем больше открещиваются наши волосатые от социума, тем глубже они социализируются, особенно в последние годы. По логике вещей, им сидеть бы в своей бочке, питаться подающим и поплевывать на окружающую действительность. Но не тут-то было! Кто-то из хиппи ринулся в экологию, другие стусовались с движением «Некст стоп», третьи, кажется, и политикой не брезгают — небывалое дело. Творческий «пипл» создает программу эстетического воспитания детей, заинтересовавшую специалистов (кстати, один из ее авторов — Борис Волчек, он же Боб-художник). В крохотно-тиражном журнале «Фонарь Диогена» публикуются стихи, проза, графика хиппи. «Системный» художник Сольми третий год пробивает идею Улицы Любви, которая, по его мнению, должна быть непременно в каждом городе, вытеснив всякие железобетонные и шарикоподшипниковые названия. Вопреки былым принципам, хиппи идут на определенный контакт и с официальными организациями, о чем свидетельствуют первый «неформальный» выпуск журнала Крокодиль, почти целиком подготовленный творческими людьми «системы», и выставки хипповых художников... Скажите, как иначе назвать эту деятельность, нежели социальной? Да между прочим, знаете ли вы, что считается «самой волосатой работой»? Представьте себе, наряду с традиционно престижными у хиппи должностями кофегаров и сторожей, особенно популярна малооплачиваемая и хлопотная работа в собесах — по уходу за одиночками стариками.

Я далека от того, чтобы заниматься какими-то оправданиями хиппизма — дескать, не обижайте волосатых, они не такие уж плохие. Не в том суть — хотя обижать никого бы не надо. Просто хип-

пи есть, и нелепо закрывать на эту реальность глаза. Так же нелепы попытки насильно «вписать» их в существующие официальные структуры. Это мы уже проходили: «Загоним человечество в светлое будущее» и так далее. Найдут для себя место — сами впишутся, коли захотят. Пора бы нам понять, что человек в цивилизованном обществе имеет право на свободный выбор — и сферы деятельности, и мировоззрения, и места жительства, наконец. Желает проживать в бочке — пусть себе живет. Находятся доброты, снабжающие его подающим — и слава богу! От причитаний, нервных взвизгов и гневных филиппик по сему поводу толку не будет. И уж вовсе не стоит сбрасывать на плечи весьма немногочисленного племена хиппи ответственность за несовершенство общества, исторические ошибки и преступления вчерашнего и нынешнего дня. Не мной сказано: «на зеркало неча пенять, коли рожа крива...» Гораздо полезнее повнимательнее всмотреться в отражение, и не зеркало переделывать с точного на кривое, а что-то такое предпринять для исправления... ну, скажем, лица. Метод декоративного макияжа нам уже знаком и ни к чему доброму, как известно, не привел. Значит, надо искать другие пути, пусть даже более хлопотные и сложные.

Как мне представляется, от хорошей жизни в «систему» не идут. Кажущиеся исключения (дети из обеспеченных семей, люди с высшим образованием и хорошей профессией) лишь подтверждают правило. Непременно есть какая-то трещинка в судьбе или характере, в свое время спровоцировавшая будущий уход. Впрочем, иногда это вовсе не аномалия, а своего рода эксперимент на себе, попытка вольного поиска своего места в системе «человек-общество» или даже «человек-человечество». Хипповые коммуны, созданные с единственной целью — защитить человека — возникли куда раньше, чем официально одобренные общества «Милосердие». Загубило же это прекрасное дело вечное стремление заорганизовать, помноженное на стойкую преданность по отношению к хиппи. А между тем, сходное по задачам и методам общество «Монар» в Польше уже несколько лет вытаскивает молодых людей из наркомании, занимается социальной реабилитацией — а мы к этому только начинаем подступаться...

Мировоззренческий, духовный поиск хиппи еще более интересен. Не замыкаясь в тесных рамках догматизма, они (часто стихийно) выходят на идеи, опережающие господствующий уровень сознания. Скажем, о необходимости приоритета общечеловеческих интересов над классовыми наши хиппи толковали еще двадцать лет назад. И за пацифизм их гоняли и гоняют по-прежнему, хотя мысль о смертельной опасности для человечества любого военного конфликта звучит ныне на самом высоком государственном уровне. Приклеивали волосатому «пиблу» ярлыки мистиков и богоискателей — но почему же, скажите на милость, термин «богоискательство» должен звучать ругательст-

Говорят дети

вом, если это всего лишь одна из форм поиска себя и смысла жизни? Бесспорно, чаще всего «системные» философы не слишком оригинальны и, случается, изобретают велосипед. И мысли свои выражают не таким научным языком, как делают это профессоры и академики, — зато более доступным и ясным. Разумеется, нередко молодые люди заблуждаются. Однако в духовном поиске не бывает, на мой взгляд, беспросветных тупиков, если не запираешь себя изнутри на замок «абсолютных истин».

...И все было бы прекрасно, кабы составляли «систему» исключительно творческие личности, искатели истины и радители человечества. Увы, таких мало. Основную часть хиппи составляют так называемые «пионеры», которых, разумеется же, никто не вербует и не завлекает специально. Их притягивает непривычная обстановка «свободы, равенства и братства», характерная для системного бытия. Кто-то бежит в тусовку от семейных неурядиц, другие — от школьных неприятностей или от конфликтов с родителями, третьи — от одиночества. Не последнюю роль играет живописная хипповая атрибутика — длинные волосы, перехваченные «рингом» или «хай-ровником», — расшитые цветами и бабочками джинсы и куртки, браслеты-«фенечки» из цветного бисера, неизменные песни под гитару. Но главное — ощущение того, что ты здесь свой, хоть и никто не претендует на твою независимость... К сожалению, именно в среде «пионеров» особенно популярны «вайн» и «торч», они чаще всего попадают во всякие неприятности, склонны к авантюризму или, наоборот, глупо подражают «олдовым» хиппи, а точнее, своему представлению о них.

Ну что тут сказать обеспокоенным родителям? Вы не желаете, чтобы ваше чадо вдруг захипповало? Резонное беспокойство — по глупости-то можно запросто сломать себе жизнь в самом ее начале. Правда, не обязательно в «системе». С тем же успехом подросток может запутать судьбу морскими узлами и в среде «рокеров» или люберов, а то и просто в дворовой компании. Только вот зародись возможной катастрофы он несет в себе самом и еще — в ваших с ним отношениях. И никакие замки и запоры не остановят его, если родительский дом ему — и так тюрьма. Он только с большим неистовством станет стремиться на волю, и не будет особенно раздумывать, нужна ли ему именно такая «воля» или поискать другую. Если душа его опустошена вашим невниманием, жестокостью, равнодушием или пренебрежением, он неминуемо начнет искать забвения, и не нужно ему в таком случае никакой хипповой атрибутики — вполне устроит флакон ацетона и целлофановый мешок «для кайфа».

Поэтому не ищите там, где не прятали, не старайтесь искоренить следствие, оставляя нетронутыми причины. Я часто вспоминаю точные слова одного из «олдовых» волосатых художников: «Система — это катализатор, и каждый находит в ней то, за чем идет. Те, кто ищет самовыражения, вливаются в творческие тусовки. А кто идет

«за кайфом» — его и находит, а дальше — ясно...»

Если же говорить о том, какое у «цветочного движения» будущее, то во многом оно зависит от нашего общего завтра, а пожалуй, что и от завтрашнего для всей планеты. Из всемирной общности «детей-цветов» вышли участники миротворческого движения и партии «зеленых», художники, музыканты и поэты. И просто — люди с тонкой и чуткой душой. Это — если повезло. Но помнят хиппи и немало трагедий, когда погибали от наркотиков хорошие, но слабые, «системные», но безмерно одинокие, ищущие, но заблудившиеся. И поэтому, как сказано в «Манифесте трех системных людей», «Мы считаем применение наркотиков неоправданным, категорически выступаем против их употребления». Конечно, эта декларация еще не гарантирует полного, стопроцентного отказа от «кайфа» всех без исключения хиппи. Но не дает такой гарантии и государственная программа борьбы с наркоманией и наркомафией. Покуда будет спрос, будет и предложение. А спрос порождается социальным и духовным самочувствием человека в обществе, возможностями его самореализации, если хотите, общим уровнем гуманизма. И здесь до идеала пока ох как далеко...

А закончить свои размышления я хочу не выводами и не моралью, потому что не хочу навязывать своего мнения — как говорится, думайте сами, решайте сами... И вот вам еще один повод для раздумья — несколько хипповых лозунгов, известных во всем мире (я привожу их в русском переводе):

«Пусть расцветают все цветы».
«Занимайтесь любовью, а не войной».
«Все, что нужно тебе, — это любовь...»
Не правда ли, есть о чем поразмыслить?

СЛОВАРЬ ХИППИ

1. *Трасса* — дорога, по которой хиппи ездят чаще всего автостопом.
2. *Аскать* — просить.
3. *Хайр* — волосы.
4. *Хайровник, ринг* — лента или шнурок, охватывающий голову, напоминает древнеславянскую повязку для волос.
5. *Фенечка* — самодельное украшение из бисера; иногда употребляется шире: значок, украшение вообще или просто вещь.
6. *Кайф* — удовольствие, часто употребляется в значении «удовольствие от наркотиков».
7. *Вайн* — вино.
8. *Заморочка* — мысль, идея.
9. *Пипл* — люди, принятое обращение в «системе».
10. *Пионер* — человек, «играющий в хиппи», как определяют его авторы «Манифеста трех системных людей».
11. *Торч* — обалдение, удивление или реакция на употребление наркотиков.
12. *Волосатый* — хиппи (разумеется, имея в виду характер прически).
13. *Герла* — девушка.

Яна, 4 года

Брали кровь из пальца. Обиженно:
— У меня теперь весь пальчик пустой!

Вера, 3 года

Идет с тетей по улице. Увидела вывеску:
— А это что?
— Это прокат.
— А где у него колеса? И куда он катается?

Настя, 4 года

Разговаривает с мамой:
— Мама, ты белобрысая!
— А ты какая?
— А я чернобрысая!

Алеша, 4 года

— Мама, что такое пляж?
— А ты разве не знаешь?
— Знаю: это где дяди и тети пляшут...

Юля, 7 лет

Слышит разговор о том, что нет мыла.
— А что, разве мыльные семена кончились?

Костя, 4 года

— Дедушка смотри, сколько ворон!
Целый воронез!

Рисует.

— Костя, а почему у тебя конфетка рисована такая маленькая?
— Чтобы в рот влезла!

Олег, 3 года

Учится с мамой считать. Повторяет:
— Один, два, три...
— А дальше?
Молчит. Мама советует:
— А ты подумай хорошенько.
Наклонился к маме, шепчет:
— Мамочка, давай подумаем вместе!

Записали наши читатели: Л. Ермакова (Владимирская область), В. Белоусов (Башкирская АССР), М. Крушинская (Московская область), И. Краснова (г. Энгельс), Н. Семенова (г. Тольятти), Ю. Гусаренко (г. Полтава), С. Масловская (г. Тобольск).

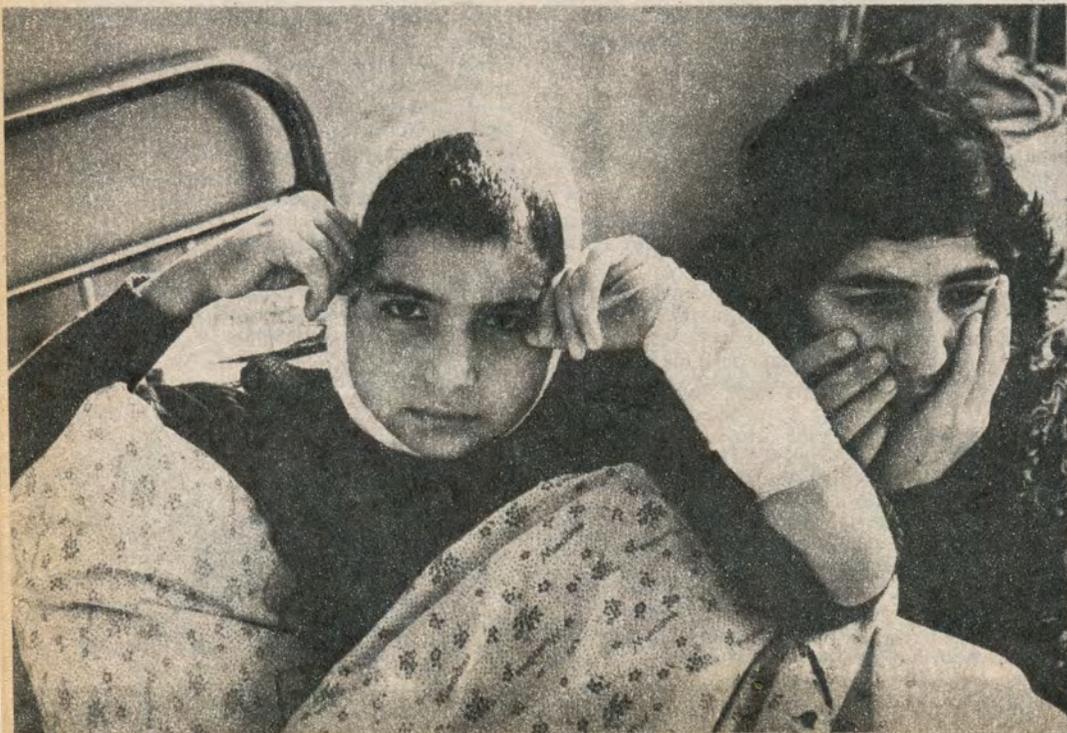

Людмила КОВАЛЕНКО

АВТОРСКИЙ ПОЧЕРК

Валерий ЩЕКОЛДИН

«Потребности новорожденного просты. И удовлетворить их надо сразу после того, как они стали вам очевидны. Ребенку нужны еда и питье — все это он найдет в молоке; ему требуется ощущение тепла и покоя — это дают ему ласковые руки и мягкие покровы (пеленки, одеяльца); ему нужно быть чистым, но ровно настолько, чтобы на коже не появлялись опрелости; нуждается он и в защите. Но это и все».

(Врач)

«Манна не падает с неба, это детская сказка — она вырастает из почвы; вызывайте ее, умеете слушать, как растет трава; и не учите ее колосу, а помогайте ему развиться, отстраните препятствия, вот всё, что может человек, и этого за глаза достаточно».

(Писатель)

«Нормальный ребенок, едва появившись на свет, попадает в какую-то определенную среду, и она приносит ему пользу либо вред. Свет, тепло, улыбка матери, звук ее голоса — все это проникает в его мозг, и там образуются связи. Они возникают очень быстро — дело это для организма сверхважное, и достаточно одного-двух подкреплений, чтобы такая связь замкнулась: малыш уже ищет что-то, к чему-то тянется».

(Психолог)

ДИТЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ

Так уж получилось, что первые книги о раннем детстве были написаны врачами. Их забота — здоровье, нормальное физическое развитие. Поэтому и потребности ребенка видятся им предельно простыми, общими для всего живого — еда, тепло, защита. Но если мы согласились бы с тем, что набор потребностей малыша так ограничен, то врачи не могут не согласиться и с тем, что удовлетворить эти потребности не всегда просто.

Жизнь показывает, что одни новорожденные прекрасно «вписываются» в типовой режим, и это соответствие достигается как бы само собой, без особого нажима старших: дети с удовольствием сосут, насытившись, быстро засыпают; любят, когда их тормошат и тискают, умывают, пеленают. И хотя на долю родителей все же выпадают и бессонные ночи, и дни без отдыха, они получают полное удовлетворение, видя, как «расцветает» их детеныш.

Такому бытию обычно предшествуют спокойно протекавшая беременность, нормальные роды, без травм и осложнений.

Но есть детишки, как будто специально созданные для того, чтобы проверить родителей «на прочность». Все их труды не приносят ощутимого результата; ребенок живет, как бы не улавливая четкой границы между разными состояниями: сном и бодрствованием, голодом и насыщением. Он начинает сосать, но делает это вяло, как бы нехотя, быстро устает и бросает грудь прежде, чем успевают насытиться. Он зеваает и кусится, но не хочет ни спать, ни общаться с родителями. Вы берете его на руки — он выражает недовольство, кладете в кроватку — он начинает хныкать. Малыш плохо прибавляет в весе, и это почему-то больше всего огорчает родителей. Но огорчаться, действительно, есть отчего: даже неопытные мамы и папы чувствуют, что время идет, а им не удается наладить ни «деловых», ни эмоциональных контактов.

Причина такого состояния младенца скорее всего в физиологической незрелости, идущей от периода внутриутробного развития: болезни матери, неполноценное функционирование плаценты могут приве-

сти к тому, что не все системы организма ребенка созреют одинаково к моменту его рождения.

Давно во всем мире прижился в акушерстве так называемый «пяточный рефлекс Аршавского» — несложный прием определения физиологической незрелости ребенка. Только на родине известного исследователя физиологии раннего детства этот прием никак не могут поставить на службу здоровью.

Физиологическая незрелость может сказаться на поведении малыша двояко. Одни ведут себя так же, как недоношенные дети, которых в родильных домах помещают в специальные «инкубаторы». Они могут проспать двадцать два часа в сутки. И из этого сонного царства их не так просто вывести. А вывести необходимо, потому что они будут просыпаться кормления, перестанут набирать вес, отстанут в развитии. Надо ласково и настойчиво будить такого соню за полчаса до кормления; брать на руки, чтобы он мог поглядеть на окружающий мир.

Но на вашу долю может «достаться» младенец, который будет бодр не по годам: из положенных ему шестнадцати часов он не проспит и двенадцати, да и то урывками. Уснув сразу после кормления, он может пробудиться часа через полтора-два, но не от голода, а потому что уже выспался. И не пытайтесь укачивать вашего бодрячка, он не станет спать больше того, что ему положено (ведь и у взрослых потребность в сне далеко не одинокова, но это никого не смущает). Лучше найти возможность уделять ему как можно больше времени. Зато и развиваться он будет быстрее, чем любители поспать: больше увидит и услышит.

Но особые сложности выпадут на долю тех родителей, у которых из-за неблагоприятного внутриутробного развития, появившись на свет нервные детишки. У таких детей все реакции выражены намного сильнее, чем у их спокойных сверстников. Скажем, любой младенец не любит яркого света и резких звуков. Нервный ребенок может зайти в плач от звонка в дверь. Вы берете его на руки — он

«натяннут как струна». Кладете в кроватку — он вздрагивает от испуга. Любой пустяк выводит его из равновесия; а уж чувство голода может довести до отчаянного плача. Есть только один способ «научить» его спокойствию: обращаться с ним предельно бережно, как можно реже его беспокоить. Не купать, если это ему не нравится, не вывозить на прогулку первое время, если ему не по душе открытое пространство.

Новорожденные вообще не любят, когда их перекалывают с места на место: они спокойны, если чувствуют прочную опору под собой. Поэтому им не очень нравится, когда их переодевают: к резким переворотам со спины на живот присоединяется ощущение холодного воздуха на тельце, которое им тоже неприятно. А молодые родители не всегда соблюдают разумную меру в погоне за чистотой. В книгах написано, что надо ежедневно купать новорожденного. Уточним: только в том случае, если ему приятна вода.

Оказывается, все совсем не просто с простыми потребностями малыша в сне, чистоте, тепле, защите... С одной стороны, ребенок этого возраста грудной (а не постельный!), и, значит, его место — на руках, у материнской груди. С другой стороны, не раз было сказано и написано примерно так: важнее с первых дней его жизни соблюдать предписанный режим, чем потакать претензиям младенца на внимание родителей, потому что это будто бы послужит причиной целой вереницы «дурных привычек». Сугубо положительный герой кинофильма «Дети Дон Кихота», микрopedиатр по профессии и призванию, так и напутствует молодых мам по выписке из родильного дома: «Только не берите на руки, привыкнет — хлопот не оберетесь!» Как же себя вести?

Сам новорожденный особого интереса к окружающему не проявляет. Большую часть времени он погружен в сон; но и в бодром состоянии не задерживает взгляда даже на лице матери. Конечно, его плач, мимика, движения тела — это «сигналы», предназначенные тому, кто за ним ухаживает. Да иначе и быть не

может: ребенок этого возраста так слаб и беспомощен, что ему в одиночку и не выжить. (Правда, по справедливому замечанию немецкого ученого А. Пейпера, его и не надо рассматривать в одиночку: реально он — член пары «мать и дитя». А пара эта отлично приспособлена природой друг к другу и наделена способностью к выживанию в самых суровых условиях.) И все-таки сигналы его никому лично не адресованы, они — лишь объективные свидетельства жизненных неудач.

Некоторые психологи на основе этой видимой «необщительности» новорожденного сделали далеко идущие выводы. Он представляется им эдаким ярким индивидуализмом, пребывающим во власти собственных неясных ему желаний и потребностей. А поскольку взрослые удовлетворяют его желания незамедлительно, у младенца не появляется и никаких объективных причин интересоваться ими и познавать их мир со всеми его мудреными свойствами и суровыми законами. Объявив исходное состояние человека асоциальным, некоторые западные детские психологи утверждали, что ребенок входит в мир взрослых по принуждению, только подчиняясь их авторитету. А в противном случае никакая сила не смогла бы заставить бессознательно упирающуюся кроху занять свое место в обществе. Потому что коли занял, — гуд бай, воля и независимость! Придется подчиняться придуманным старшими законам: умываться, одеваться, учиться, трудиться, жениться, словом, «жить, как все».

А как же быть с этим утверждением: «Свет, тепло, улыбка матери, звук ее голоса — все это проникает в мозг, и там образуются связи. Оно принадлежит Александру Ивановичу Мещерякову и сделано на основе многолетнего эксперимента по обучению и воспитанию слепо-глухих детей в Загорском интернате. Но то слепо-глухие. Можно ли судить, основываясь на этих данных, о нормальных детях?»

Нужен был эксперимент. Но до последнего времени экспериментировать с младенцами было затруднительно: не было подходящей аппаратуры, не знали, как поставить сам опыт, чтобы не утомить малыша, не навредить его здоровью. Но как только эти препятствия были устранены, опыты не заставили себя долго ждать. Сначала подверглись экспериментальному исследованию зрение и слух.

Детишкам, которым от роду исполнилось от одного до четырнадцати дней, швейцарский врач Ф. Штирниман показывал цветные карточки: если там был рисунок, он всегда вызывал больший интерес, чем «плоская», ровная окраска. Другие исследователи установили, что двухнедельный малыш предпочитает смотреть на предметы, форма и окраска (вернее сказать: пестрота) которых сложнее, а в два месяца ему больше нравятся картинки с контурными линиями, чем с параллельными линиями.

Еще более сенсационными оказались эксперименты, в ходе которых новорожденным показывали овалы: на одном схематически нарисованное веселое человеческое лицо, на другом — в беспорядке разбросанные рот, нос, глаза с бровями, а на третьем — ничего, просто ярко окра-

шенная плоскость. Детишки в возрасте от четырех дней до шести месяцев отдавали предпочтение первому овалу, демонстрируя ученым присущую им от рождения способность воспринимать сложный «рисунок», чем, безусловно является человеческое лицо, лицо матери.

В ходе экспериментов была снята и еще одна древняя «проблема»: как видит недавно родившийся ребенок своих родителей, — стоящими на ногах или на голове? Из того факта, что перевернутое хрусталиком изображение так и поступает с сетчатки в мозг, некоторые делают вывод, что ребенок видит родителей вверх ногами. Конечно, механизм обратного перевертывания в мозгу маленьких детей еще не сформировался, но у них нет и пространственной ориентировки — лево-право, верх-низ. Поэтому они просто видят родителей, и все тут. А понятие «верханизма» придет к ним позже, с опытом.

Известно, что органы слуха ребенка созревают еще задолго до рождения, во чреве матери, и приспосабливаются к восприятию звуков в диапазоне частот, соответствующих человеческой речи. На этом и была основана идея эксперимента, проведенного в США.

...Все началось с кинофильма, в котором замедленной съемка запечатлела беседу двух взрослых людей. Без звука, как в немом кино: улыбка, удивленный взлет бровей, жест руки, поворот головы, гримаса... А потом этот мимический компонент беседы был проанализирован на предмет его соответствия (или несоответствия) звуковому: иные жесты ничего не прибавляли к словам, другие были так выразительны, что меняли смысл сказанного на обратный. Словом, «фильм» показал, что в процессе беседы говорящие непроизвольно создают «жестово-мимический текст-танец», совпадающий по ритму с мелодией звуковой фразы. Это взаимодействие, этот «танец» собеседников получил название синхронии; и чем согласнее велась беседа, тем сильнее эта синхрония была выражена.

Следующими партнерами по «беседе» со взрослыми выступили, как и можно было ожидать, младенцы первого-второго дня жизни. Съемки воочию показали, что новорожденные не только отличают речь человека от любых других звуков, но и умеют двигаться в «микротанце» в унисон с нею. Синхрония взаимодействия возникла всякий раз, когда младенец слышал речь живого человека или магнитофонную запись, все равно, на каком языке, его родном или китайском. А вот неречевые звуки никакой синхронии не вызывали. А это значит, что дитя человеческое с момента появления на свет «настроено» на речь (и, как мы помним, на лицо) взрослого, умеет пока еще безмолвно взаимодействовать с нею, выделяет из всего окружающего взрослого, внимательно к его поведению. Вот, оказывается, как рано проявляются первые, робкие еще движения к общению с таким притягательным для малыша, умелым и полезным взрослым человеком. Какой же индивидуализм и где отчуждение, если слух и зрение четко ориентированы на взрослого?

Надо сказать, что советские детские психологи сразу и безоговорочно, еще до опытов, признали новорожденного шест-

вом социальным. Начало этому было положено работами одного из основоположников отечественной психологии Льва Семеновича Выготского. Подтверждение и дальнейшее развитие его идеи получили в работах лаборатории психологии детей раннего и дошкольного возраста Института общей и педагогической психологии АПН СССР, которой многие годы руководила доктор психологических наук, профессор Майя Ивановна Лисина. К великой скорби всех знавших Майю Ивановну, смерть настигла ее в самом расцвете творческих сил. Но и то, что успела сделать она и продолжает делать небольшой коллектив ее лаборатории, стало не только вкладом в теорию, но и практическим руководством для родителей и воспитателей.

Говорят, что все истинное просто. Так же прост был эксперимент Майи Ивановны, который положило начало работам лаборатории, выросшим в стройную теорию общения взрослого и ребенка.

Малыш «замечает» взрослого к концу первого месяца жизни. Иногда немного раньше или позже. Сначала он улыбается в ответ на улыбку матери; потом к улыбке прибавляется радостное гуление и беспорядочное движение ручками-ножками. Все это приветливое трепыхание ребенка, хорошо знакомое родителям, по научному называется «комплексом оживления». Так вот, ученые всегда считали этот «комплекс» ответной реакцией младенца на приятные ему действия взрослого. Майя Ивановна доказала, что все как раз обстоит наоборот: цель «комплекса оживления», который включает едва ли не все доступные малышу действия, — завладеть вниманием взрослого, вовлечь его в «беседу». И убедиться в этом просто: ведь, добившись своего, оказавшись на руках, ребенок замирает в полном блаженстве. Из многоцветной палитры, которой предстает непросвещенному взгляду поведение младенца, Майя Ивановна выделила четыре краски-компонента, сумма которых (а не каждый в отдельности!) позволили ей утверждать, что уже к концу второго месяца жизни у младенца сформировалась высокая и чисто человеческая потребность в общении со взрослыми, а его поведение можно без всякой натяжки признать социальным. Об одном компоненте мы уже говорили — это внимание и интерес к взрослому человеку, на которого направлена активность малыша. Если к тому же отношение к взрослому эмоционально окрашено, можно говорить о второй «краске». Третий компонент — это инициатива при налаживании контактов и стремление употребить при этом весь набор своих способностей и умений.

А вот о четвертом хочется сказать особо. Майя Ивановна определила его как «способность ребенка взглянуть на себя глазами взрослого».

Одна из сотрудниц лаборатории проводила с детишками разных возрастов (до года) очень простой по виду эксперимент: одни действия она одобряла («да, так»), другие тем же спокойным и доброжелательным тоном порицала («нет, так не надо»). По каким неуловимым признакам младенцам одного-двух месяцев от роду удавалось отличить «хулу» от «одобрения», остается пока загадкой — голос

экспериментатора был одинаково ровным и спокойным, а слов дети не понимали. Но одобрение всегда вызывало необыкновенный прилив нежности к экспериментатору, желание «сотрудничать» и без конца повторять одобренное действие, даже слезы при расставании. И, наоборот, каким бы тоном ни преподносилось порицание, оно убивало желание ребенка действовать, совершенствоваться, искать новые пути решения задачи. И отношение к взрослому разительно менялось — от равнодушия до полной неприязни. Но вот что интересно: едва кончался эксперимент, даже неприятный для ребенка, и его несли в кроватку, как он снова пытался затеять с взрослым интересную для него игру, настроив его на «правильный» тон общения.

Эти эксперименты позволили сделать два важных вывода. Один, практический: только поощрение позволяет сохранять «рабочую атмосферу» и дает «взрыв» новых идей.

Другой, теоретический: в способности ребенка глядеть на себя глазами другого, взрослого, Майя Ивановна и ее коллеги увидели зачатки формирующейся личности — ведь без «ты» нет и не может быть «я». Это положение решительно расходится с мнением классика детской психологии Л. С. Выготского, который считал что из состояния слитности со всем окру-

жающим (он называл его «пра-мы») ребенок выбирается не раньше, чем на втором году жизни. Оказалось — значительно раньше.

Может, у читающих эти строки давно назрел вопрос: «А не все ли мне равно, когда мой Миша или Танечка выберется из состояния «пра-мы» — на втором году или втором месяце жизни; и какая мне разница, как высокая наука определяет моего ребенка — как существо социальное или нет?»

Очень даже не все равно. До недавнего времени считалось, что ядро личности ребенка формируется годам к пяти. А до того — он воск или глина, из которого можно лепить все, что заблагорассудится, не очень считаясь даже с «сопротивлением материала». Вот от такого взгляда на воспитание и предостерегает высокая наука.

Что же касается социальности или асоциальности младенцев, то и тут разница во взглядах на воспитание столь же значительна. Если считать, что ребенку самому, без общения (именно общения) со взрослым дано стать человеком, то можно ограничиться физиологическим уходом и бедою большой не ждать. Но так ли это? О «госпитализме» у детей сейчас слышаны многие: в Домах ребенка их по режиму кормят, пеленают, купают... Но

иногда делают это без любви и сочувствия, по обязанности, холодными руками, с «деревянным» лицом... Ученым в конце концов удалось доказать, что смертность в некоторых детских учреждениях, где царит стиль казармы, объясняется не отсутствием ухода, а дефицитом ласки, внимания и общения с детьми. Надаром известный писатель и популяризатор науки Е. Войскунский вложил в уста заброшенного младенца примерно такой «монолог»: «Уйди, тетя, ты меня не любишь! Я не хочу твоего молока... Пусть лучше придет другая тетя поиграть со мной. Она возьмет меня на руки — и сразу увижу все, что не видно из кроватки... Она поговорит со мной, она засмеется, и мне тоже захочется что-то сказать. Я знаю, что у меня получится плохо, но она все равно поймет... Где ты, хорошая тетя? Мне так плохо без тебя!..»

И эксперименты, проведенные в лаборатории, убедительно доказали, что если есть две «тети», из которых одна только кормит, а другая только играет, то любовь и привязанность малыши дарят только второй. Не хлебом единым жив даже такой крошечный человек.

Все становится понятным, если учесть, что развитие малыша полностью опирается на контакт со взрослым. Л. С. Выготский ввел в детскую психологию понятие — «зона ближайшего развития». Это более высокий уровень, на который малышу в одиночку не подняться, но куда он может «прорваться», заручившись поддержкой взрослого. Присваивая что-то из новых умений, знаний и навыков во время таких «набегов», маленький, конечно, подражает взрослому, но это не простое обезьянничанье, это подражание тому, что уже наполовину понято.

Л. С. Выготский относил это понятие к детям более старшего возраста, уже осваивающим предметный мир. Но это положение справедливо и для самых маленьких. Они немного умеют, их специфические «сигналы» понятны лишь тем, кто находится с ними в постоянном общении. И, «читая» этот лепет и жесты, взрослые невольно вносят в них свое, опережающее возраст толкование. И это очень хорошо... Такое понимание дает младенцу силу подняться на новый уровень развития.

А не вступаем ли мы в противоречие, отводя взрослому, с одной стороны, высокую роль опоры в развитии, без которой ребенку не подняться, а с другой — предупреждая об опасности насильственного воспитательного нажима? Нет, не вступаем. Суть двух подходов к проблеме воспитания очень точно определил на обсуждении проекта школьной реформы директор одной из московских школ. Он сказал, что всегда были воспитатели, которые считали, что воспитуемый — бесформенный и бездонный сосуд (он даже выразился грубее — мешок), куда надо перелить опыт взрослого; и воспитатели, которые помогают ребенку вырасти самим собой. Или, говоря словами Александра Ивановича Герцена — те, кто умеет слушать, как растет трава, и помогать ей, и те, кто учит ее «колосу». Извечный спор — будем надеяться — родители для себя решат в пользу первых.

Ж. БЫКОВА

А. ЗАХАРОВ,
психотерапевт,
кандидат медицинских наук

«ПРАВЫЕ» И «ЛЕВЫЕ»: КТО ОНИ ТАКИЕ?

...Для начала хочу успокоить читателя, может быть, несколько утомленного политическими текстами и разговорами: это не те «правые» и «левые», речь идет не об идейных позициях, а об области, кажется, к политике не близкой — ассиметрии функций правого и левого полушарий головного мозга. А впрочем, как знать, может быть, кое-что и в политических позициях связано с этим явлением?

В истории физиологии сложилось так, что из двух полушарий мозга человека одно (левое) долгое время считалось преобладающим — доминантным. Поскольку существует перекрест нервных путей, ведущих от конечностей к полушариям мозга, то при доминировании левого полушария ведущей в большинстве случаев оказывалась правая рука. Главенство левого полушария объясняли тем, что в нем сосредоточено управление важными психическими функциями сознания, контроля, речи и абстрактного мышления, а также (поскольку наши руки-ноги управляются наперекрест) ведущей, правой руки. Но развитие науки показало, что и правое полушарие не обижено заботами: подсознательные, интегрирующие психические процессы, практически-наглядная деятельность, интуиция, музыкальное и художественное творчество, образное мышление — все это по его ведомству. Ясно стало также, что мозг работает не по стереотипу, а динамически, «руководствуясь ситуацией». При обработке информации одним полушарием, другое на время уменьшает свою активность, взаимодополняющий и одновременно синхронный режим полушарий создает условия для полноценной, гармоничной психической деятельности.

С известной долей условности функциональную активность полушарий можно подразделить так:

ЛЕВОЕ	ПРАВОЕ
ВОСПРИЯТИЕ	
Дискретное (по частям)	Целостное
Аналитико-рассудочное	Эмоционально-чувственное
Речи (смыслового аспекта)	Музыки, а также шумов
Высоких звуков	Низких звуков

ПЕРЕРАБОТКА ИНФОРМАЦИИ

Более медленная
В понятиях
Словесно-знаково-логически полевательная

Более быстрая
В образах
Мгновенный, чувственный анализ сложных сигналов, интуитивная ориентация в окружающем мире

ЭМОЦИИ

Волнение, чувство наслаждения, счастья

Страх, печаль, гнев, ярость и другие отрицательные эмоции
Преимущественно внешнего (экспрессивного) плана

СОЗНАНИЕ

Центр сознания и контроля, управления произвольными психическими процессами
Чувство индивидуальности, осознания и выделения себя из окружающей среды («я»)

Центр подсознательных и бессознательных психических процессов

Чувство единения, общности, слитности с природой и людьми («мы»)

РЕЧЬ

Центр языка и речи, знаковых систем
Смысловая сторона речи
Чтение и счет, письмо, опора на согласные

Интонационная сторона речи
Мимика, жесты, улыбка при речи, опора на гласные

МЫШЛЕНИЕ

Скорее рациональное
Абстрактно-логическое, формальное, программируемое
Индукция (выделение частного)
Оперирование цифрами, математическими формулами и другими знаковыми системами

Скорее эмоциональное
Наглядно-образное, интуитивное, спонтанное
Дедукция (образование общего)
Использование ощущений, догадок, предчувствий, представлений, наглядных жизненных примеров

ПАМЯТЬ

На цифры, формулы, слова
Произвольная
Последовательность событий и их вероятностные свойства
Прогноз будущего (экстраполяции)

Зрительно-наглядная, образная, эмоциональная
Непроизвольная
Текущее, реальное время, информация о прошлом

ИНТЕЛЛЕКТ

Вербальный (словесный), логический компонент, приверженность теории

Невербальный, интуитивный компонент, приверженность практике

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Большая двигательная активность
Ориентация во времени

Меньшая двигательная активность
Ориентация в пространстве, слежение за движущимися предметами, управление движениями, чувство тела
Экстравертированный (обращенный наружу) характер общения

Интровертированный (обращенный внутрь) характер общения

Сюда нужно добавить еще способность правого полушария регулировать биоритмы, «создавать» сновидения и вытеснять из сознания неприятные переживания (советский физиолог В. Ротенберг рассматривает это как одну из форм психической защиты), а также способность возбуждать активность левого полушария, определять продолжительность сна, внушаемость и подверженность гипнозу.

Итак, в функциональной организации головного мозга мы видим своего рода диалектику противоположностей. А как же будет вести себя человек только с одним работающим (включенным) полушарием? Медицина знает тому немало примеров. Если «выключено» (из-за болезни) правое — человек постоянно шутит, смеется, полон оптимизма, многословен, даже болтлив... Но его речь тускла, бесцветна, лишена живых человеческих

интонаций, и ведет себя он не как живой, а словно запрограммированный — без какой-то душевности, глубины чувств и переживаний. При выключенном же левом полушарии все воспринимается в мрачном свете, речь полностью отсутствует, возможны только отдельные звуки... Правда, облегчается распознавание музыкальных сигналов.

Но такие крайности, как правило, уже патология. Более того, у каждого третьего человека вообще нет преобладания одного из полушарий. У остальных людей можно говорить лишь об относительно большей функциональной активности того или иного полушария. Поэтому и деление людей на «левополушарных» и «правополушарных» в известной мере упрощает реальность. Но это упрощение многое в человеческой личности и поведении позволяет увидеть яснее.

Среди «левых» (будем помнить, что мы здесь дали этому слову свой смысл), много инженеров, математиков, философов, лингвистов, представителей теоретических дисциплин. Нередко они подчеркнуто рациональны и рассудочны. Много и охотно пишут, свободно запоминают длинные тексты, владеют иностранными языками, речь их грамматически правиль-

на. Характерно заостренное чувство долга, ответственности, принципиальности, внутренней характер переработки эмоций. «Левополушарные» подчеркнуто последовательны в действиях и поступках, хорошо прогнозируют будущее, критичны, склонны к язвительной иронии и сатире. И административные должности занимают чаще: но им порой не хватает гибкости, непосредственности и спонтанности в выражении чувств. Они предпочитают действовать по заранее составленным схемам, планам, трафаретам, с трудом перестраивают свои отношения с людьми: им нелегко привыкнуть к неисчерпаемому разнообразию человеческих характеров и «неразумности» иных поступков окружающих. Нетрудно увидеть во всех этих характеристиках слагаемые личности «технократического человека».

Существуют и клинические, то есть болезненно измененные (психопатические) варианты односторонней «левополушарности». Это так называемые психастеники и шизоиды.

Психастения — это тревожно-мнительный склад характера, когда преобладают сугубо рассудочные формы мышления, постоянное сомнение в правильности своих действий, тревожная интерпретация

происходящих событий. По выражению академика И. П. Павлова, таким людям свойственно «постоянная умственная жвачка», переживание и пережевывание собственных и чужих слов, реакций, поступков. Как правило, интеллект у психастеников высок: но часто они не могут реализовать его возможности из-за неотступно преследующего их чувства неуверенности, нерешительности, затруднений в контактах с окружающими, копания в себе и «самоедства», гипертрофированного чувства вины, — вплоть до самоуничтожения. Вместе с тем это очень словоохотливые люди, особенно в кругу знакомых, которых они могут «заговорить до смерти».

У шизоидов рациональная сторона интеллекта еще более гипертрофирована. По своему они очень чувствительны, но эта чувствительность (порой и sentimentalность) — «в себе» и «для себя». По отношению же к окружающим они эмоционально холодны и расчетливы, крайне недоброжелательны и неконтактны.

Это люди «не от мира сего», часто фанатически преданные какой-либо отвлеченной идее, подверженные различного рода чудачествам либо захваченные странными, необычными увлечениями и «хобби».

А каковы «правополушарные»? Речь их эмоциональна, экспрессивна, богата интонациями, сопровождается жестикуляцией. В ней нет особой «выстроенности», возможны запинки, сбивчивость, лишние слова и звуки, «проглатывание» окончаний. В начале обучения чтению и письму они могут писать или читать «наоборот» (справа налево либо зеркально), пропускать буквы, не заканчивать слова, особенно в состоянии утомления. Им «удобнее» диктовать текст, чем писать, в то время как «левополушарным» легче писать, чем диктовать. Как правило, «правополушарные» — целостные натуры, открыты и непосредственны в выражении чувств, наивны, доверчивы и внушаемы, способны тонко чувствовать и переживать, легко огорчаться и плакать, как, впрочем, и приходиться в состоянии гнева и ярости. Часто действуют по настроению, по «велеию сердца», и поговорка «семь раз отмерь, один раз отрежь» — явно не про них. В целом они общительны, контактны, склонны учитывать в большей степени действительные природные, а не технических, искусственных факторов.

Но не стоит думать, что все изобретатели, исследователи, выдающиеся ученые — исключительно «левополушарные», а «правым» здесь нечего соваться. Как известно, гениальный Эйнштейн в возрасте четырех лет не умел еще говорить, обнаруживал в школе неважные способности по математике и физике. Думаю, понимать это нужно так, что он не воспринимал формального, дидактически-научного изложения материала, где все было разложено по полочкам, схематизировано и не было места воображению. Зато потом он создал теорию относительности как всплеск гениальности, особого, нетрадиционного видения мира и его законов. И в жизни он не был «застегнут на все пуговицы», слыл большим шутником, одевался как художник, играл на скрипке, вел себя крайне непринужденно, широко пользовался жестами и рисунками для выражения своих мыслей. И (да будет позволена такая подробность...) при вскрытии его правое полушарие оказалось значительно больше левого. Еще один, может быть, даже более удивительный пример дает жизнь нашего современника, выдающегося английского физика Стивенса Хокинга. Будучи глубоким инвалидом (амиотрофический склероз с полной обездвиженностью и потерей речи, поэтому он пользуется моторизованной коляской с программным управлением и электронным синтезатором для воспроизводства речи и общения на дисплее), он делает одно выдающееся открытие за другим. Всех удивляет его уникальная способность постигать сложнейшие физико-математические сущности без выписывания длинных уравнений. Он действует интуитивно, методом озарения (инсайта), решая сложнейшие, недоступные «прямой логике» задачи. Это — пример творческой, спонтанной, подсознательной деятельности, не связанной какими-либо ограничениями и догмами, когда мысль, воображение и чувство не знают ограничений и через глубинные резервы психики прорываются к глубинным тайнам природы. Несмотря на всю трагичность своего физического состояния, Стивен Хокинг остается весе-

лым и жизнелюбивым человеком, объездил весь мир, неоднократно был в нашей стране. И даже в одной из поездок удивил всех, выделявая на своей коляске немемылимые па под рок-музыку, которую любит...

Даже среди композиторов-классиков, как показали специальные исследования музыковедов, есть «правополушарные» и «левополушарные» («музыкальный центр» расположен в правом полушарии). К «правополушарным» есть основания отнести Вагнера, Дебюсси, Скрябина, Чайковского, Шопена, Шумана, а к «левополушарным» — Баха, Генделя, Мендельсона, Прокофьева, Стравинского, Шостаковича...

О «крайностях» левополушарности мы уже говорили. А что у «правых»? Здесь «с краю» окажутся люди с так называемым неустойчиво-возбудимым и истерическим характером.

Неустойчиво-возбудимые всецело находятся под влиянием сиюминутных чувств, влечений, настроений. Они мгновенно вспыхивают, закипают какой-либо идеей — и тут же остывают; легко дают обещания и еще легче забывают о них. «Легкость в мыслях необыкновенная» делает их малоспособными к надежной привязанности, устойчивым жизненным планам, прочной дружбе. Они импульсивны и разбросанны, легко поддаются под влияние более сильных, волевых, нередко патологических личностей, склонны без конца драматизировать происходящие события, являться передатчиком всякого рода слухов и домыслов. Их инфантильность, непригодность к жизни, психическая неустойчивость и возбудимость являются питательной почвой для различного рода ненормальных пристрастий (сексуальной неразборчивости и расторможенности, алкоголизма и наркомании). «Фигаро здесь, Фигаро там» — говорят обычно о таких людях, отражая их скольжение по жизни, отсутствие глубоких нравственных устоев, поверхностность и противоречивость.

Другой «отклоняющийся» правополушарный тип поведения — истерия. Истерической личности также свойственна подчеркнутая эмоциональность, быстрые сдвиги настроения, склонность драматизировать события, «нагнетать обстановку» — равно как и претенциозность, неуемная жажда славы, желание во что бы то ни стало обратить на себя внимание, добиться любой ценой признания, восхищения, преклонения окружающих. Истерики эгоистичны и капризны, они всегда больше хотят, чем могут. Но это не мешает им быть повышенного мнения о своих возможностях и способностях. Обычны вычурность, жеманство, демонстративность, театральность поведения, склонность к пустопорожной патетике, громким словам и красивым, но беспочвенным обещаниям. В этом проявляется «игра на публику», двойственный, фальшивый характер чувств и помыслов. Да ведь истерики и верят в свои помыслы: часто живут в воображаемом, вымышленном мире, наполненном мечтами, грезами о любви, всеобщем преклонении и всемирной славе. В жизни же это зачастую довольно-таки коварные и завистливые люди, склонные ко лжи (искренней!) и лицедейству, испытывающие черную зависть к успехам других

и злорадство по поводу их неудач. В обращении со слабыми и беззащитными они деспотичны; зато при малейшем ущемлении их весьма односторонне понимаемых прав и притязаний всегда готовы играть роль несправедливо обиженного, мученика или мнимого больного. И мастерски (ибо опять-таки искренне) разыгрывают сцены безысходного горя, отчаяния, самоубийства или восторга, преклонения, любви. Вся жизнь для них — театр, где они — главные герои, обладающие часто экстравагантными, таинственными, исключительными способностями вроде биополы, магнетизма, оккультизма, умения читать мысли на расстоянии и т. д. Фактически же это служит средством привлечения к себе внимания и подчеркивания своей необычности. Они некритичны, склонны вытеснять, не допуская в сознание неприятные для них чувства и переживания и одновременно обвинять других в том, в чем реально виноваты сами.

А теперь совершим краткий исторический экскурс и посмотрим, что нам известно об эволюции межполушарных отношений.

В первобытном обществе, если судить по наскальным рисункам, левая рука была ведущей — преобладала активность правого полушария. И сейчас в некоторых районах Африки до половины населения предпочитают пользоваться левой. Это и понятно: ведь для охотника или пастуха именно правое полушарие оказывается главным помощником, ибо оно руководит практической стороной деятельности. Именно оно обеспечивает быстроту реакции, легкость приспособления к постоянно меняющейся действительности. По мере усложнения жизни человека, развития абстрактного мышления, печатного слова, техники все большую активность стало приобретать полушарие левое; видимо, вот так мы и стали понемногу правшами. Можно сказать даже (с известной дозой условности, конечно), что именно левое полушарие облегчает подрастающему человеку быстрое вхождение в современный мир, мир техники и логики. И может быть, те, у кого именно левое особенно продвинуто в своем развитии, склонны к технократическому характеру мышления. У «правых» же сохраняется более активная связь с окружающей природной средой. Не они ли и становятся защитниками окружающей среды и сторонниками более непосредственных, эмоциональных отношений между людьми? Вспомним: несколько десятилетий назад один из крупнейших психиатров и психологов К. Юнг писал, что европеец с его преобладанием рациональности находит чуждыми себе многие проявления гуманизма. Он гордится этим, не понимая, что его рационализм растет за счет обеднения чувств и ослабления их интенсивности.

«Все это, может быть, и любопытно, — скажет наш читатель. — Но какое это имеет отношение к моим родительским заботам и чем может мне помочь?» Некоторое отношение все же имеет, а какое именно — мы постараемся показать.

Продолжение разговора на стр. 38

Н. ЛЕЙТЕС,
доктор психологических наук

Бывают выдающиеся дети...

У каждого ребенка — огромные возможности развития; но у некоторых обнаруживаются, при прочих равных условиях, данные особенно благоприятные, в то и из ряда вон выходящие — действительно выдающиеся: яркость интеллекта, успешность деятельности, умственная активность — все превосходит порой не просто средние нормы, но и самые смелые ожидания.

Можно выделить три варианта такого «особенного» развития. Один — это дети с необычно высоким общим уровнем интеллекта: они далеко опережают сверстников по темпу умственного развития, обладают повышенной восприимчивостью к самым разным учебным занятиям. Другой вариант — дети, у которых, при обычном общем уровне развития, обнаруживается расположенность, специальные способности к каким-то определенным видам занятий. И наконец, — дети, умственные особенности которых (например самобытность мышления, особая наблюдательность, своеобразие восприятия) пока еще «не востребованы», не обеспечивают заметных достижений, но в дальнейшем их своеобразные достоинства могут оказаться ценными и воплотиться в успешной деятельности; по отношению к таким детям можно говорить о потенциальной одаренности.

Особенности каждой из этих категорий детей заслуживают отдельного разговора; мы же сосредоточимся пока на первой из указанных групп. Рассмотрение особенностей этой категории детей, нужное и само по себе, возможно, прольет некоторый свет и на другие разновидности детской одаренности.

Нередки случаи, когда дети очень рано, начиная с двух-трех лет, тянутся к учебному; а в три-четыре года уже умеют читать и считать — иногда вопреки желанию старших. С этих же пор они увлекаются различными умственными занятиями (например изучают географические карты, собирают коллекции, занимаются различными, порой весьма причудливыми вычислениями и т. п.), когда одно увлечение проходит, оно тотчас сменяется другим. Их общее развитие бывает таким,

что, появляясь в школе, они повергают в изумление и растерянность и учителей, и одноклассников.

Вот, к примеру, одного из таких замечательных детей, мальчика шести лет, в первом классе просто нечему было учить, к середине учебного года его перевели во второй, но и там он занимался уже по программе третьего класса... Таким образом, семи лет он стал четвероклассником. Другой мальчик, девяти лет, через классы не «перескакивает», учится в третьем классе; но дома составляет по истории и технике свои «книжки» (типа учебников — сводки различных сведений); увлекается энциклопедическими словарями, чтением журнала «Наука и жизнь»; разбирается в схематических изображениях различных приборов; осваивает учебники VI—VII классов. Или вот еще пример: девочка далеко опережала сверстников в умственном развитии (во втором классе уже читала серьезную литературу, например, Булгакова); когда она училась в четвертом, ее мама поступила в университет на филологический факультет (заочно), и девочка вместе с мамой стала ездить на сессии, слушать там лекции, самостоятельно (и даже более успешно, чем мама!) сдавать зачеты и экзамены (по специальному разрешению), то есть фактически стала студенткой университета, и в 13 лет она уже на четвертом курсе! Сведения о таких детях собирает в «Картотеку одаренных и талантливых детей» Институт общей и педагогической психологии АПН СССР.

Подобные начала биографии — явление исключительное. И вместе с тем — повторяющееся; в каждом поколении встречаются дети с необычайно ранним расцветом интеллекта, некоторых из них по справедливости можно назвать вундеркиндами (немецкое «вундер» — чудо, «кинд» — ребенок). Их успехи нельзя объяснить лишь какими-нибудь благоприятными условиями развития; такие дети могут оказаться и в семьях с низким образовательным уровнем родителей, и там, где ребенку уделяется мало внимания.

Издавна, наряду с восхищением и любованием такими детьми, сложилось, а за-

тем стало и преобладать весьма критическое, недоверчивое отношение к ним. Зачастую в самом слове «вундеркинд» слышен оттенок иронии... Получили распространение взгляды, согласно которым очень раннее умственное развитие — болезненное явление или результат «натаскивания», а интеллектуальные вундеркинды не могут сохранить в дальнейшем своих дарований. Такое скептическое и настороженное отношение было своего рода реакцией на неумеренные восторги и имело реальные основания: разочаровывающие спады, очень заметные несоответствия между заявленным в детстве и достигаемым в годы зрелости. Однако в последние десятилетия наметился переход к более обоснованному и одновременно более оптимистическому отношению к детям с ранним умственным расцветом.

Известно, что многие высокоодаренные люди были в детстве рано созревшими. Очень рано может заявить о себе не только специальный талант в области искусства, но и собственно умственная одаренность. Конечно, повышенные умственные возможности ребенка, сколь бы значительными они ни были, сами по себе еще не определяют будущие свойства ума. Но имеются основания считать, что необычный подъем интеллекта (если, разумеется, он обусловлен особенностями самого ребенка, а не давлением и натаскиванием окружающих) — признак во всяком случае благоприятный.

Весьма распространено представление о таком ребенке, как о физически слабом, в чем-то ущербном, как о маленьком старичке, действительности не соответствует. Дети с ускоренным умственным развитием в большинстве своем вовсе не склонны к нервным срывам; это чаще всего рослые (общее раннее созревание), крепкие, во всех отношениях полноценные дети. Они любят побегать и поиграть; занятия их скорее радуют и веселят, чем утруждают.

Пора вундеркиндов — ранний, дошкольный и младший школьный возраст; необычайный расцвет интеллекта бывает именно в годы созревания мозга.

Присмотримся к таким детям. Наблюде-

ния показывают: есть одна общая для них коренная психологическая особенность (при всех индивидуальных различиях) — чрезвычайная активность ума, постоянная готовность его к напряжению, к деятельности. Казалось бы, что в этом особенного? Тяга к тому, чтобы самому все испытать, изучить, проверить «на деле», — черта детства, выражающая потребность ребенка в новых впечатлениях и в самих умственных усилиях. К. Д. Ушинский писал об этом как об «основном законе» детской природы: дитя требует деятельности беспрепятственно и утомляется не деятельностью, а ее однообразием и односторонностью. Однако различия между детьми в этом отношении очень велики.

У детей с опережающим развитием интеллекта этот закон выступает в полной мере (на взгляд иных взрослых — и в сверх меры...). Умственная их активность не просто очевидна, но словно бы ненасытаема: они не просто «усваивают умственную пищу», но настойчиво требуют, ищут ее. Они стремятся к увеличению и усложнению интеллектуальных задач, умственные усилия их эмоционально захватывают.

Вот характерные штрихи поведения одного младшего школьника, далеко опережающего по общему развитию сверстников. Психолог предложил ему выучить трудный для понимания научный текст с некоторыми неизвестными мальчику терминами, чтобы оценить собранность его внимания и силу целенаправленности. Надо было видеть, как буквально «впился» он в неинтересную, непонятную страницу. Едва начал знакомиться с текстом, он уже был поглощен им: не нужно было заставлять себя читать, заставлять себя заучивать; напротив, даже приятно было вбирать в себя почти бессмысленные для него словосочетания. Первопричиной успеха была не только его отличная память; мощный мотором, ее «запускающим», оказывается интерес, умственная активность.

А вот как он решал весьма трудную арифметическую задачку. Сначала он воспринял ее как что-то несерьезное, как шутку, явно недоверчиво перечитал условие. Но затем недовольное выражение вдруг исчезло, и он с необычным для него возбуждением снова принялся к тексту. Видимо, мелькнул смысл в закрученном условии — он поверил в задачку, началось решение. Удивительным было то, с каким воодушевлением оно производилось! Лицо мальчика разурмянилось, оживилось, серьезность во взгляде сменилась веселым, одухотворенным выражением. Такую захваченность умственной работой можно было наблюдать у этого ученика и в других случаях, когда возникали интеллектуальные преграды.

Не только активность, но и готовность, способность управлять собой поражает в детях с ранним расцветом способностей. Самые подвижные из них, самые непоседливые ради познавательной цели могут быть удивительно сосредоточенными; часами неотрывно корпеть над книгой или задачей или же снова и снова «идти на их штурм». При этом их стремление к познанию, преодолению трудностей, настойчивость в достижении цели нельзя свести к влиянию каких-то внешних обстоя-

тельств — они словно бы идут «изнутри», почти произвольны, изначально «заданы».

У таких детей обращает также на себя внимание быстрые переходы от первого, изумленного и любопытствующего взгляда к более спокойным, деловым «пробам и опытам».

Как быстро они учатся! За считанные дни переходят от знания букв к слитному чтению слов; едва познакомившись с географическим атласом, уже прочно помнят многие десятки названий стран и городов; после одного показа овладевают правилами игры в шахматы. Встречаются дошкольники, которые уже свободно оперируют дробями, перемножают в уме двузначные числа или, например, без устали пишут печатными буквами, без ошибок, длинные письма. Познания некоторых младших школьников, например по ботанике или географии, порой превосходят те, что предусмотрены программой для старших классов.

Увлечения детей с ускоренным умственным развитием обычно не ограничиваются «одной позицией», они широки и переменчивы. Но на этом фоне бывает заметна и преимущественная направленность, избирательность их склонностей, хотя пока еще не очень устойчивая.

У детей с ранним умственным подъемом склонность к «деятельности вообще» как бы предвзвешивает те или иные конкретные увлечения. В ту пору жизни, когда еще не успели развиться специальные способности, важнейшую роль в умственном развитии играет именно общая тяга к умственной работе. Нередко такой ребенок охотнее слушает объяснение не тогда, когда оно касается более интересного содержания, а тогда, когда представляет собой логическое построение, за развертыванием которого ему удается следить (например если используются выражения «отсюда следует», «в результате», «таким образом» и др.). Таким детям нравится напрягать ум, улавливать последовательность и доказательность рассуждений, их влечет умственная нагрузка как таковая.

С этим связан своеобразный «формализм» их умственной активности. Как известно, каждому ребенку приходится начинать с усвоения именно формы тех явлений, правил, закономерностей, которые ему еще не могут быть доступны по существу. Употребление слов, речевых оборотов, всевозможных понятий и суждений, естественно, предшествует уяснению, в полной мере, их значения. Так же обстоит дело и с множеством школьных знаний — детям доступна, прежде всего, внешняя сторона учебных занятий, которые и начинаются ведь с подражания и принятия на веру того, чему учат. Этот формализм особенно ярко и порой забавно обнаруживается у детей с выдающимися умственными возможностями: например, некоторые из них любят прочувственно и с разными интонациями читать вслух тексты, зачастую не понимая их, но правильно угадывая акценты. Опережающая роль усвоения формы проявляется у них не только во внешнем копировании, невольном заучивании, но и в самой направленности их ума. Таких детей обычно отличает особая расположенность к классификациям, к построению различных схем и таб-

лиц: так, они нередко составляют обширные списки слов, связанных между собой по значению, сопоставляют количество городов, расположенных на определенной широте или долготе, систематизируют какие-нибудь сведения по астрономии или ботанике. У одного и того же ребенка эти формальные упражнения возможны на самом разном материале. Иногда дети с быстрым подъемом интеллекта уже в младшем школьном возрасте оказываются заядлыми читателями энциклопедий; извлечение информации из энциклопедических статей, овладение определенными видами классификаций становится для некоторых из них занятием, доставляющим едва ли не наслаждение; для них характерна наивнейшая приверженность именно к формальной стороне работы.

Такой наивный и порой забавный «формализм», однако же, не дает оснований недооценивать умственные достоинства этих детей. Ведь они не только быстрее обучаются, впитывая в себя, как губка, всевозможную информацию, но могут блистать и пылкостью анализа самих полученных сведений, обдумыванием того, что из них следует. Разумеется, существеннейшее значение имеет то, как и чему их учат (об этом еще будет отдельный разговор).

Такие дети чаще всего изобретательны в занятиях — их тяга к умственным впечатлениям, к новой нагрузке не может обойтись без забегания вперед, без проявления инициативы. «Возрастной формализм» познания может прекрасно сочетаться с вольной игрой воображения, готовностью к непривычным ассоциациям, которые они обычно готовы высказывать вслух. Именно их неугомонный поиск превосходит более полное знание, дает новые стимулы умственной работе.

Иногда такие дети изобретают для себя развлекательно-игровые или наиболее серьезные (то и другое легко сочетается) дополнительные дела, например составляют алфавиты из новых или измененных букв, затевают переводы из одной системы счисления в другую, подробно планируют небылые путешествия. Важное место в их жизни продолжает занимать игра! Потребность в играх — это и потребность в свершениях, и активные действия, и простор для «творческих начинаний». А все это дает возможность наслаждаться пробой своих сил...

Известно, что творческие возможности, в частности в умственной сфере, зависят не только от свойств ума, но и от определенных психологических черт, относящихся к волевой сфере.

Показательно, что многие дети с быстрым умственным подъемом стремятся к самостоятельности в занятиях, настойчивы в достижении результата. Если их особенно привлекает какая-нибудь область знания, то они вдруг могут сами начать писать «книжки» (тот случай, который мы упомянули — не единичный), как бы стремясь привести в порядок переполняющие их сведения; нередко такие писания становятся длительным пристрастием. Установка на то, чтобы отойти от обычных учебных дел, а то и прямо взяться за такую умственную работу, которую выполняют ученые, писатели, для них естественна, заманчива: здесь у них вперемежку — игра и реаль-

АВТОРСКИЙ ПОЧЕРК
Валерий ШЕКОЛДИН

нсть. А главное, им просто неведомы пред-
сплеления о границах своих возможностей!
Такого рода творчество выражает потреб-
ность как-то выразить, осуществить рвушу-
юся из них, не терпящую «простоев» ум-
ственную активность.

У детей с ранним расцветом интеллекта
с легкостью рождаются неожиданные обоб-
щения и ходы мысли, которые могут нести
на себе печать оригинальности. Это, вероятно,
в какой-то мере объясняется нехваткой у
них закрепившихся способов анализа, гото-
вых штампов, новизной для них самой ум-
ственной работы. (Так, малыши, еще только
осваивающие язык, «выдают» новые слова —
творчески, талантливо и вместе с тем неча-
янно, наивно.)

Следует ли считать такого рода актив-
ность творческой? И вообще, можно ли
говорить о творчестве, когда речь идет
всего лишь о детских возможностях? Видно,
да — если иметь в виду не обще-
значимую ценность возникающего «ум-
ственного продукта», а самый поиск, поро-
ждение чего-то нового, своего.

Разумеется, существуют разные типы та-
ких детей. Остановимся на этом.

Прежде всего очень заметны различия
по так называемым *динамическим* особен-
ностям: одни из этих детей мгновенно вклю-
чаются в новое занятие, переходят от од-
ного к другому без какой-либо задержки,
другие — с некоторой раскачкой, подго-
товкой; одни — сразу же, напористо стре-
мятся преодолеть возникающие умствен-

ные трудности, другие — постепенно уси-
ливают сосредоточенность и напряжение;
у одних — стремительная, чуть ли ни захле-
бывающаяся речь, у других — замедлен-
ная и как бы каждый раз предваритель-
но продуманная, и т. п. Одним детям лег-
че даются занятия, где требуется переключе-
ние внимания в меняющихся условиях,
а другим — те, где требуется длитель-
ная и основательная обработка ограниче-
нного объема информации. Таким образом,
в характерном стиле умственной работы,
в признаках той или иной нервной вы-
носливости выступает своеобразие воз-
можностей их ума.

Проявляется и различие между двумя
известными психологическими типами:
«художественным» (когда ведущую роль
в интеллекте играют образные представ-
ления) и «мыслительным» (когда ведущую
роль играют словесные обобщения и бо-
лее абстрактные понятия). Детскому воз-
расту присущи свойства, близкие к «худож-
ственному» типу, — яркость восприятия,
наглядная, образная память, богатство во-
ображения. Но среди выдающихся по ин-
теллекту детей рано обнаруживаются и
представители противоположного, «мысли-
тельного» типа — с характерным для него
тяготением к анализу, к схемам, абстрак-
циям. Часть детей относится к промежу-
точному типу, сочетающему в себе силь-
ные стороны каждого их крайних типов
(острота непосредственной впечатлитель-
ности и одновременно — особая распо-

ложенность к понятийным обобщениям).
Но вот что надо подчеркнуть: каждый из
этих вариантов может быть *по-своему цен-
ным и перспективным*.

Дети с ранними признаками умствен-
ной одаренности очень отличаются друг от
друга и по многим личностным чертам.
Некоторые из них сознают относительность
своих достижений и начисто лишены само-
довольства. Другие, напротив, самоуверен-
ны, самонадеянны, не чувствуют пределов
того, что доступно их разумению. Но нет
оснований предполагать преимущество той
или другой из этих групп детей: чрез-
мерный «реализм» первых может ослаблять
их умственный напор, а отсутствие каких-
либо сомнений у вторых — придавать осу-
бную энергию их занятиям.

Разумеется, кроме общих и типических
особенностей, у каждого ребенка выступа-
ют и собственно индивидуальные свой-
ства восприятия, памяти, мышления, вооб-
ражения, а также эмоций и воли, кото-
рые, конечно же, влияют на их умствен-
ные возможности. В каждом случае по-
своему очень велика роль такого рода черт
(иногда какого-нибудь «чуть-чуть») в про-
явлении ума или характера. Отсюда сле-
дует — нельзя интеллект ребенка мерить
только общей меркой, не замечая и не ценя
в нем того индивидуального, личного, что
в дальнейшем может оказаться и соци-
ально, общественно значимым!

А как живет таким детям в школе и
в семье? Об этом — в следующей беседе.

Столкнулись интересы,

БЕСЕДА СЕДЬМАЯ

Продолжение. Начало
в №№ 9—12 за 1989 год
и в №№ 1—2 за 1990 год

КАК БЫТЬ?

И вот последний — по месту, но не по важности! — способ общения, с которым мы познакомимся — это метод правильного разрешения конфликтов.

Давайте сначала рассмотрим, что такое конфликт и когда он возникает. Семья располагается вечером у телевизора. Сын — заядлый футбольный болельщик, он решительно включает трансляцию очередного футбольного матча. Мама столь же решительно настаивает на просмотре «Рабыни Изауры». Как разрешить спор?

Другой пример. Мама торопится закончить приготовление к приему гостей. Неожиданно обнаруживается, что в доме нет хлеба. Она просит дочь сходить в магазин. Но у той через 15 минут начинается спортивная секция, и она не хочет на нее опаздывать. Мама просит «войти в ее положение», дочка делает то же. И тут «страсти накаляются»...

Что общего в обоих случаях? Что приводит к «накалу страстей», создает конфликтную ситуацию? Очевидно, что это — столкновение интересов, потребностей или желаний родителя и ребенка. В таких случаях удовлетворение желания родителя означает ущемление интересов ребенка, и наоборот. Ущемленный интерес или отказ удовлетворить просьбу, потребности вызывает отрицательные эмоции: обиду, недовольство и даже агрессию. Пользуясь уже известной нам терминологией, мы можем сказать, что в таких случаях возникает проблема сразу у обоих: и у ребенка, и у родителя.

Мы знаем уже, что если проблема только у ребенка, то его надо активно слушать. Если проблема только у родителя, то лучше всего послать «я-сообщение». А что же делать в конфликтной ситуации, когда проблема у обоих?

Существует мнение, что лучше всего не доводить до конфликтов. Совет, конечно, хороший — но жизнь слишком сложна, и избежать столкновения интересов просто невозможно. К тому же, психологи нашли, что наилучший моральный климат в тех семьях, где стараются не избегать конфликтов, а конструктивно их решать.

Давайте познакомимся сначала с неконструктивными методами решения конфликтов. Опишем два основных.

Метод первый. Как правило, выигрывает родитель:

Так, «мама № 1» может сказать:

— Что это за фокусы! Подождешь со своим дурацким футболом. Попробуй только переключить еще раз!

А «мама № 2»:

— Никуда не денется твоя секция. Пойдешь и купишь!

Вы, наверное, уже узнали фразы из наших «12 ошибочных высказываний»: приказы, обвинения, угрозы, да еще эмоционально подогретые сопротивлением ребенка. Ответы ребенка, скорее всего, будут примерно такими:

— Это твоё кино дурацкое!

— Нет, не пойду! Не пойду — и все, и ничего ты мне не сделаешь!

Родители, которые склонны действовать именно так, считают, что побеждать ребенка, ломать его сопротивление — необходимо. Дашь ему волю, так он «на шею сядет», будет делать «что хочет»... А где же тогда воспитание?! Родители не замечают, что сами показывают неверный стиль общения: делают, что *они* хотят.

В подкрепление первого довода — следующий: ребенок должен научиться нас уважать, считаться с нами, не быть эгоистом. Значит, нечего потакать его желаниям.

Это суждение, в общем, не вызывает сомнения, — да только выбранный путь неверен! Пренебрежение *собственными интересами* ребенка не может воспитать у него уважения и *к интересам других*.

Что же получается в итоге с детьми, которые в конфликтах с родителями постоянно оказываются побежденными?

Как правило, они растут либо чрезмерно пассивными, либо агрессивными. Но в обоих случаях у них накапливаются обида и озлобление; поведение не улучшается; отношения с родителями портятся.

Метод второй. Как правило, выигрывает ребенок.

По этому пути идут родители, которые либо боятся конфликтов («мир любой ценой»), либо готовы постоянно жертвовать собой «ради блага ребенка».

Однако и при таких «благих намерениях» дело оборачивается плохо для обеих сторон.

Дети в этих случаях растут крайними эгоистами, не приученными к порядку, не умеющими себя организовать и контролировать. Все это может быть и не так заметно в пределах семейной «всеобщей уступчивости», но едва они выходят за двери дома, включаются в какое-то общее

дело, начинают учиться и работать в коллективе — их ждут большие трудности и неизбежные жестокие щелчки по самолюбию, по самооценке, а то и отвержение.

У родителей же постепенно накапливается глухое недовольство ребенком, обиды на него. В старости такие «вечноуступчивые» взрослые часто оказываются одинокими и заброшенными. И только тогда наступает прозрение: они не могут простить себе мягкотелость и безответную самоотдачу.

Как видите, последствия могут быть почти трагическими. Неправильно разрешаемые семейные конфликты, большие и маленькие, неизбежно дают «эффект накопления». А тот оборачивается чертами характера и даже судьбой детей и родителей. Поэтому очень важно внимательно относиться к каждому столкновению интересов — ваших и вашего ребенка.

Каков же метод благополучного выхода из конфликтных ситуаций? Назовем его *третьим методом*. Главный смысл третьего — *при его использовании никто не проигрывает*.

Сразу скажу, что он основывается на двух уже известных нам способах: «активном слушании» и «я-сообщении». Очень стоит помнить, что без овладения этими навыками общения «третий» не работает.

Итак, в чем он воплощается?

Первая стадия: родитель активно слушает ребенка: уточняет, в чем именно состоит его проблема (желание — нежелание, потребность — неудовлетворенность и т. п.).

После этого он в стиле «я-сообщения» объясняет ребенку свою проблему.

Воспользуемся примером из прошлого урока.

Мама: Леночка, пожалуйста, сбегай за хлебом. Гости сейчас придут, а у меня еще дел по горло!

Дочь: Ой, мам, мне же на секцию сейчас!

Мама: У тебя секция, и ты не хочешь опаздывать.

Дочь: Да, понимаешь, у нас ведь начнется с разминки, и ее нельзя пропускать.

Мама: Тебе нельзя опаздывать... А у меня такое затруднительное положение... Гости вот-вот придут, а хлеба нет!

После того, как ребенок убедился, что вы слышите его проблему, он гораздо более готов услышать и вашу, а также принять участие в поисках совместного решения.

Вторая стадия начинается с вопроса: «Как же нам быть?».

После этого надо обязательно дать возможность ребенку предложить решение (или решения) первым, и только затем предлагать свои варианты. При этом ни одно, даже самое неподходящее, с вашей точки зрения, предложение не отвергается «с места».

Приведу пример, записанный одной мамой. Возвратись с работы, она застала 12-летнего сына Петю с его другом Мишей. Мальчики делали вместе уроки. Они стали упрашивать маму разрешить смотреть очень интересную телепрограмму, которая начинается в 11 часов. Родители Миши разрешили ему остаться ночевать в гостях.

Однако мама очень устала и собиралась лечь в 10 часов. Телевизор стоит в ее комнате. Кроме того, ребятам утром в школу; и не следовало бы так сильно нарушать режим...

Как быть?

Список предложений оказался следующим:

1. Попросить у родителей Миши разрешение посмотреть передачу у него.

2. Посмотреть вместе передачу, а потом Мише идти домой.

3. Маме с Петей поменяться комнатами; тогда ребята смогут, не мешая ей, посмотреть передачу.

4. Поиграть до 11 часов и потом лечь спать; Миша остается в гостях.

Мама: 5. Ребята играют до 10 часов и потом все ложатся спать.

6. Ребята идут ночевать к Мише.

7. Каждый ночует у себя дома.

8. Ребята ложатся в 10 часов, но мама разрешает им почитать.

Третья стадия. Оценка предложенных решений и выбор наилучшего.

Каждый вариант решения обсуждается совместно. «Стороны» уже знают интересы каждого участника и относятся к ним с уважением.

Вот как это было в данном случае.

1. Родители Миши оказались против; это предложение отпадает само собой.

2. Мама оказывается в проигрыше.

3. Маме не очень удобно; она привыкла спать на своем месте. Кроме того, она обычно читает на ночь, а в Петиную комнату нет ночника; от верхнего же света у нее разболится голова.

Попутно Петя замечает Мише, что, сидя поздно у телевизора, он «опять заснет».

4. Мама не возражает. Петя развивает идею: «Давай возьмем с собой в комнату приемник и конструктор».

Миша: «Построим гараж и сверхскоростную дорогу. Наушники берем?»

5. Не устраивает ребят.

6. Миша звонит, но его мама не разрешает ложиться поздно.

7. Ребят не устраивает: «Хотим быть вместе».

8. Ребята: «Можно, конечно, но лучше бы не читать, а поиграть до 11 часов в Петиную комнату».

В конечном итоге выбирается предложение № 4.

Если в выборе лучшего решения участву-

ет несколько человек — как было и в этом случае — то «лучшим» считается то, которое принимается единодушно.

Стадия четвертая. Детализация принятого решения.

Предположим, все члены семьи, включая ребенка, решили, что он «уже большой» и ему пора самостоятельно вставать, завтракать и выходить в школу. Это освобождает маму от ранних хлопот и даст ей возможность высыпаться.

Однако, одного решения мало. Надо передать ребенку будильник, научить им пользоваться. Может быть, в течение первых дней побить с ним вместе: показать, где что лежит в холодильнике, как разогревать завтрак и т. п. Даже можно по этому поводу «заключить» двухсторонний «договор»!

Стадия пятая. Выполнение решения, контроль.

Если ребенку предстоит что-то делать регулярно (мыть посуду, покупать хлеб, отводить младшего брата в детский сад), то на первых порах возможны и срывы. Не стоит пенять при каждой неудаче; лучше подождать несколько дней. В удобный момент, когда есть время у него и у вас и никто не раздражен, можно спросить: «Ну как у нас идут дела? Получается ли?»

Лучше, если о неудачах скажет сам ребенок. Возможно, их будет слишком много. Тогда стоит уточнить, как он считает: в чем беда? Может быть, что-то не учли, может, нужна какая-то помощь; или он бы предпочел другое, «более ответственное» и по душе, поручение?

Вы, наверное, заметили, что этот метод никого не оставляет с чувством проигрыша. Напротив, (при условии сотрудничества!) выигрывают в итоге все.

Как начать применять наш «третий» метод? Начать лучше всего с общего разговора о нем в семье. Это хорошо делать, собравшись вместе, в стиле спокойной беседы.

Что здесь требует особого внимания? Прежде всего, надо, чтобы вы *действительно* хотели идти навстречу интересам ребенка! Предложенная нами «техника» лишь облегчает появление этого желания — но не заменяет его. Ваш главный помощник — активное слушание.

Часто, едва взрослый начинает активно слушать ребенка — острота назревающего конфликта спадает. То, что вначале казалось «простым упрямством», становится заслуживающей внимания проблемой. И возникает готовность пойти навстречу.

...Под Новый год у папы с его тринадцатилетним сыном произошла ссора. Испорчен был и новогодний вечер, и часть школьных каникул. Вообще-то все случилось из-за пустяка: сын не захотел отправиться в ванну мыться. Рассказывая потом о конфликте, папа недоумевал: «Обычно этот вопрос у нас не вызывал никаких затруднений. Но тут что-то заклинило. Возможно, я приказал слишком резко или — в неподходящий момент. А потом, как я чувствовал, для него дело пошло «на принцип»: хотел настоять на своем, показать характер. Я тоже не сдавался. В конце концов насильно загнал его в ванну и запер на час, пока не вымоется. Вымылся, конечно, но потом — на несколько дней разрыв отношений.

Папа очень точно уловил желание сына

отстоять право на самостоятельность. Однако предпочел решить конфликт первым (ошибочным!) способом.

— А что было бы, если бы вы в тот момент активно послушали бы сына? — спросил на занятиях психолог.

— Ну, все пошло бы, конечно, иначе. И он не так бы упрямился, да и мне не захотелось бы уже так жать...

Как вы помните, после активного выслушивания ребенка нужно сказать ему о том, что вас интересует, волнует или заботит. Это — очень ответственный момент. Ребенку не менее важно узнать больше и точнее о вашем переживании, чем вам — о его. Последите, чтобы ваше высказывание имело форму «я-сообщения», а не «ты-сообщения». Например:

— Мне тяжело и обидно вести хозяйство одной (вместо: «Вы все взвалили на меня одну»).

— Мне трудно идти так быстро (вместо: «Ты меня совсем загнал»).

— Знаешь, я очень ждала этой передачи (вместо: «Ты что, не видишь, что я смотрю ее!»).

Послать в конфликтной ситуации точное «я-сообщение» — важно еще и по другой причине: взрослому приходится задуматься, какая же именно его потребность ущемлена действиями или желаниями ребенка.

Слишком часто родители прибегают к запретам, не задумываясь: «нельзя — и все!» А если ребенок начинает интересоваться, почему нельзя, то могут добавиться: «Я не должна перед тобой отчитываться».

Ну а если попытаться отчитаться *перед собой*? Тогда оказывается, что за этим «нельзя» — ничего больше, кроме желания утвердить свою власть, показать, что вы «главнее»... Достоин ли это действительно *взрослого* поведения?

Еще один вариант — вторжение на территорию ребенка.

...Коля, накопив за счет карманных денег, которые давали ему родители, пять рублей, решил истратить их на жвачку и марки. Однако родители стали возражать: «Вместо жвачки купил бы себе какую-нибудь игру». Мальчик настаивал на своем. Кончилось взаимными упрямками и обидами.

Правы ли родители? Нет! Спросим, какая их личная потребность была бы ущемлена, если бы Коля купил жвачку? Да никакая! Значит, оснований для конфликта просто не было.

Более серьезные примеры посягательства родителей на суверенные права ребенка — споры о том, в какую секцию ходить, с кем дружить, какую профессию выбрать.

Конечно, подруга дочери лично вам может и не нравиться. И хорошо, если вы поделитесь с дочерью этим своим переживанием — в форме «я-сообщения». Уверяю вас, это принесет ей гораздо большую пользу — заставит задуматься, прислушаться к вашему мнению... А начинать прямо «с этой не дружить!» — значит быть встреченным в штыки и вызвать друг у друга взаимное горькое ощущение: «Меня не уважают, меня не любят, со мной не считаются».

Надеюсь, что эти разъяснения помогут родителям не только справиться с теми конфликтами, которые бывают неизбежны, но и не создавать многих ложных конфликтных ситуаций...

Мы рассказали (см. стр. 30—31) о том, что физиологи называют «функциональной асимметрией полушарий головного мозга». А выражаясь попросту — о том, что эти полушария, левое и правое, совсем не близнецы: они выполняют разные функции, решают разные задачи. Теперь обсудим, как это проявляется в ходе возрастного развития ребенка.

А. ЗАХАРОВ,
психотерапевт,
кандидат медицинских наук

«ПРАВЫЕ» И «ЛЕВЫЕ» — В ДЕТСТВЕ И ОТРОЧЕСТВЕ

Человек рождается с двумя правыми полушариями. Дифференциация их становится отчетливо заметной к концу первого года жизни, когда ребенок произносит первые слова — одно из полушарий начинает «леветь». Но еще в течение нескольких лет речь достаточно активно опирается и на структуру правого полушария. Этим межполушарным сотрудничеством и объясняется легкость, с какой малый ребенок запоминает длинные стихотворения, удивляя всех своими «выдающимися способностями». Следующим толчком к активизации левого полушария или, точнее, ее выражением будет появление чувства «я», осознание себя. В это же время, в два года, максимально выражено упрямство. В известной степени оно и является следствием активизации работы левого полушария и временного «оттеснения» правого. Это воплощено, с одной стороны, в негативизме (ведь он — своего рода перворосток критичности, а она — по «ведомству» левого полушария), а с другой — в некотором замедлении восприятия и переработки поступающей извне информации (функция правого полушария). В итоге мы временно видим медлительность, «копание» на одном месте и отрицательное отношение его ко всему, что не совпадает с только что возникающим представлением о себе, сознанием «я». Поскольку у мальчиков процесс разделения функций идет сравнительно быстрее, чем у девочек, то и упрямство у них в этом возрасте заметнее.

Что из этого следует? А то, что два года — самое неподходящее время для борьбы с упрямством детей, их развивающимся чувством «я», ведь здесь упрямство имеет не только психологические, но и, как мы видим, физиологические корни. Самое луч-

шее — набраться терпения, с уважением относиться к своеволию детей, своеобразию их формирующегося чувства «я». Одновременно необходимо представить больше возможностей для эмоциональной и двигательной разрядки негативных чувств в играх детей, что предотвратит дальнейшее, уже искусственно вызванное торможение активности ведущего в этом воз-

расте правого полушария. Тогда не будет лишнего повода для конфликтных отношений с детьми.

Обучение детей правилам поведения, усвоения ими навыков гигиены и контроля, самостоятельного обслуживания — другой путь развития межполушарной дифференциации мозга. Здесь опасно как отстаивание, так и (особенно!) чрезмерное ускорение темпа воздействия. При отстаивании мы встретимся с инфантилизмом; а при чрезмерном нагнетании воспитательных усилий есть риск сделать упрямство хроническим.

В дальнейшие годы нарастание активности левого полушария происходит вместе с появлением сложных понятий, развитием абстрактного мышления; умением считать и писать. Здесь опять впереди — мальчики; уже к шести годам левое полушарие у них может быть более активным, чем у девочек. Поэтому-то некоторые мальчики и начинают самостоятельно читать уже в четыре-пять лет.

Девочки же до 13 лет сохраняют определенную пластичность мозга, эквивалентность его половин.

Встречаются случаи, с которыми чаще всего приходится иметь дело нам, психоневрологам, — когда у повышено эмоциональных, впечатлительных и художественно одаренных мальчиков дифференциация мозга идет по такому же пути, как и у девочек. У них дольше сохраняется правополушарная специализация мозга; и здесь любое чрезмерное давление родителей при раннем обучении чтению и письму может привести к перенапряжению еще не окрепшего и тем более не доминирующего левого полушария. Его утомление, в свою очередь, еще больше затруднит усвоение правил грамматики, письма, чте-

ния, таблицы умножения и тех математических понятий, которые связаны с процессами левого полушария функциями. Но все это, так сказать, предупреждение наперед. А пока, до школы, особенно недопустимо раннее (тем более, насильственное!) обучение тех детей, которые имели задержку в развитии речи в первые годы жизни или сейчас не выговаривают отчет-

ливо ряд звуков. Это означает, что у них, как и у большинства тех, кто пользовался левой рукой, по-прежнему доминирует правое, неречевое полушарие. А родители, если они не хотят возникновения заикания и невроза у детей, должны повременить со своими требованиями. Да и когда дойдет дело до школы, не ругать и не наказывать детей, что они «не так пишут», «не так читают и считают»... От этого дети заниматься лучше не будут, зато опасность невроза станет намного реальнее.

Не тревожить нужно, а помогать, хвалить — пусть даже и за небольшие успехи (которые непременно появятся при бережном нашем отношении). Нужно не поддаваться и давлению некоторых не в меру ретивых, («левополушарно ориентированных») учителей, которые требуют от родителей нажать, «принять незамедлительные меры». Что нам дороже, наконец? Все-таки — психическое здоровье детей, школьные результаты которых (даже при правополушарной направленности) непременно выправятся — если, конечно, мы не доведем дело до той стадии, когда «загнанная лошадь больше не тянет». И зачем же множить число детей-невротиков! Их и так более чем достаточно; это мы видим уже к концу первого — началу второго класса. Здоровье детей в наших руках: это не метафора, а реальность, воодушевляющая или грозящая — в зависимости от того, как мы будем вести себя с детьми.

Еще одна проблема — время начала обучения. Сейчас практикуется обучение с шести лет. Однако и у шестилеток оно зачастую страдает излишней декларативностью, сухостью, формализмом, скорее, отбивает у детей охоту мыслить, чем приучает к этому. Такой «левополушарный»

характер обучения не дает возможности проявиться творческим, интуитивным началам детей, постижению знаний через интерес, увлечение, самостоятельный поиск решений. Почему учителя-новаторы достигают больших успехов в обучении всех детей? Да потому, что они используют как раз способы и методы, опирающиеся на большую наглядность, образность, эмоциональность в подаче материала. приучают питомцев к его самостоятельному усвоению, не злоупотребляют оценками, а то и вообще обходятся без них, а зато всячески поощряют за достигнутые успехи. Нетрудно увидеть во всем этом возрастание «правополушарного» воздействия педагога, учитывающего особенности различных детей и тем самым — не на словах, а на деле — их индивидуальность.

Вернемся в семью. В какой-то мере ответственными для «правополушарных» детей затруднения по русскому языку и математике в первых классах школы не уменьшаются, а нарастают, если с ними пытаются бороться усилением давления, жестким контролем за уроками, непременными требованиями «все делать без помарок и ошибок». В ответ появляются повышенная утомляемость, отвлекаемость и забывчивость — как результат перевозбуждения, перегрузки левого полушария. И вместе с тем, заметны раздражительность, непоседливость, беспокойство, сниженный фон настроения — это как следствие недостаточной активности (торможения) ведущего, правого полушария. Часто подобные нарушения представлены картиной невращения — наиболее распространенного невроза. Да и у взрослых невращения — следствие одностороннего перенапряжения мыслительных процессов при отсутствии физиологически необходимой эмоциональной разрядки, недостатка положительных эмоций, избытка отрицательных чувств.

Помочь детям, больным невращением, родители могут, если уменьшат интеллектуальную перегрузку левого полушария (в том числе свою требовательность, посещение второй школы) и вместе с тем эмоционально активизируют работу ведущего, но попригороженного правого полушария. Всем этим как раз и будет постепенно восстановлен нормальный физиологический баланс в работе головного мозга.

Такая же тактика эффективна и при неврозе навязчивых состояний, когда появляются неотступные, приходящие помимо воли мысли и действия. Прямая борьба с ними безуспешна — как и все попытки по совету врача «взять себя в руки». Заболевают неврозом навязчивых состояний дети после пяти лет, школьники — чаще, а преимущественно — подростки. У пятилетних невроз выражается навязчивыми опасениями и страхами («не успеть» (бесконечные вопросы: «а мы не опоздаем?»), остаться одному, заболеть, заразиться (что выражается навязчивым стремлением часто мыть или нюхать руки, избегать «зараженной» пищи и т. д.). У детей, склонных к появлению навязчивостей, можно посмотреть, начиная с этого возраста преобладание левополушарной активности, с характерными для нее критичностью и высоким уровнем абстрактного мышления. Но нужно учитывать, что есть еще и дополнительно влияющие обстоятельства — и дома у этих детей зачастую напряженная

обстановка, отсутствует жизнерадостная атмосфера, идут бесконечные разговоры о болезнях, ибо и взрослые тревожны либо мнительны.

В младшем школьном возрасте могут возникнуть навязчивые опасения сделать что-либо не так, как нужно, как следует. Сомнения в правильности своих действий начинают неуверенность в себе, отсутствие единства «я» и вместе с тем — болезненно заостренное чувство долга, обязанности, ответственности. Зачастую такая чрезмерность поддерживается навязыванием, внушением, давлением родителей, обладающих такой же гиперсоциальной направленностью личности. Здесь и родителям, и детям присущ максимализм — стремление достичь во что бы то ни стало «потолка» — будь то отличные успехи в учебе, музыке, шахматах или поведении. Это вызывает у детей (как, впрочем, и у взрослых) постоянное перенапряжение нервно-психических сил, состояние хронического стресса — запредельного режима работы левого полушария. Проявляется это в нарастающем постепенно чувстве умышленной усталости, отвлекаемости внимания, головных болях (или тяжести в голове). Происходящая под влиянием сильных волнений и лереживаний психическая травматизация способствует возбуждению активности правого полушария и временно ослаблению активности левого. Но поскольку оно и так длительное время находится в состоянии хронической перегрузки, то уже «не выдерживает», не обеспечивает полноценной переработки поступающей из правого полушария информации. В результате она должна повторяться неоднократно, как бы в виде толчков, дробно, чтобы пробить себе дорогу и быть переработанной левым полушарием. В свою очередь, возбужденное правое полушарие генерирует страхи и тревоги, которые не могут быть «как положено», критически, рационально «осмыслены» левым полушарием. Вместе эти два запредельных режима работы полушарий и формируют структуру навязчивостей. В последующем, когда смягчаются острые переживания и появляются упорно держащиеся навязчивые мысли и опасения, можно говорить уже о другом режиме работы больших полушарий, а именно о чрезмерном возбуждении левого и торможении правого. Тогда исчезает спонтанность, непосредственность чувств, умение быстро схватывать ситуацию, а вместо эмоций мы видим их суррогат — постоянное беспокойство и сомнения, тревожную мнительность. Подобные явления могут быть особенно выражены в подростковом возрасте. Подросток страдает от своей непохожести на других и одновременно неуверенности в себе, его тяготят постоянные опасения и сомнения, он не способен радоваться, он мучительно ищет и не может найти себя. И все это «горе от ума» происходит на фоне достаточно хороших, если не отличных, успехов в школе, но прогрессирующих неуспехов в общении со сверстниками.

Если же у невротика преобладает активность правого полушария, мы будем иметь дело с истерическими проявлениями и неврозом страха. Волнения и страхи возбуждают правое, и так более активное, полушарие, и тогда для ребенка любое событие оказывается поводом для страха; да

и трудно быть иначе, когда он заранее переполнен тревогами и мрачными предчувствиями.

Неестественно высокий уровень активизации правого полушария оказывает, в той или иной мере, тормозящее влияние на деятельность левого полушария. В результате ребенок (да и взрослый в аналогичной ситуации) не в силах найти правильное решение, рациональный выход из создавшегося положения — ведь критическая способность адекватно оценивать свои действия и поступки и делать из них надлежащие выводы ослабевает. И чем больше будут давить на ребенка, чтобы он «все понял», «все осознал» — тем меньше он будет реально способен к этому. Иначе давление и действовать не может — оно ведь как раз подчеркивает и усиливает неуверенность, слабость, несостоятельность ребенка. Помощь же должна выражаться не в «железистой» логике, наказаниях и «морали», а в своего рода психологической разгрузке. Ребенку нужно отвлечение от его неродных дум, «выплескивание» накопившихся чувств и переживаний, яркие впечатления и увлечения, положительные эмоции и возврат к чувству радости жизни. Это и есть путь к излечению детей, страдающих неврозом страха.

При истерическом неврозе нервное расстройство возникает в результате неудовлетворения эмоционально значимых запросов ребенка в любви, признании и понимании близких или авторитетных для него лиц. И здесь физиологическое отражение невроза будет таким же, как и при неврозе страха — деятельность ведущего правого полушария будет чрезмерно возбуждена, а левого несколько заторможена. Выразится это частой раздражительностью, капризами, истериками, беспричинной обидчивостью. Этим крайне эмоциональным, впечатлительным и вместе с тем самолюбивым детям также необходимо постоянное и доброжелательное внимание, поддержка их положительных качеств и художественных задатков. Избегайте в общении с этими детьми (как, впрочем, и со всеми остальными!) сухости, формализма, педантизма. Только здесь — избегайте вдвойне, потому что сухость, неласковость и недоверие ранят их в самое сердце. Одновременно нужно устранить конфликтные ситуации в семейной жизни, сделать отношения в доме более непосредственными и открытыми, эмоционально насыщенными и жизнерадостными. Учитывайте своеобразие детей, их повышенную эмоциональность и художественную одаренность — и не пытайтесь непременно «коллективизировать» их чувства и желания, приспособить их к требованиям большинства. Из-за этого происходит зачастую нивелирование, а то и потеря индивидуальности, детской самостоятельности и таланта.

Итак, при всех неврозах мы встречаемся с теми или иными нарушениями межполушарного взаимодействия. Сходного рода нарушения происходят и при психической травматизации — испуге, потрясении, острых конфликтах, ограничении жизненно значимых потребностей и т. д. Резко возрастает активность правого полушария, сопровождаемое нагнетанием отрицательных эмоций, беспокойства, страхов. Лавина аффекта на время подавляет способ-

ность левого полушария к поиску логических, рациональных решений. Вот почему и в данной ситуации не помогают призывы: «возьми себя в руки», «как тебе не стыдно», «делай так, как тебе сказано», и т. п. Как показали специальные исследования, даже после такого, не столь уж драматического события, как экзамены, у «левополушарных» студентов (правшей) повышается активность правого полушария. Здесь заметно влияние стресса, волнений, страха получить плохую отметку. В свою очередь у тех, кому по роду своей работы приходится много писать или считать, заметно возрастает активность левого полушария. Но появляющееся время от времени состояние умственного перышения создает потребность в эмоциональной разрядке, музыке, танцах, встречах с друзьями, то есть в правополушарной деятельности. И те, кто умеет сочетать оба вида деятельности, обычно находятся в лучшем положении и менее подвержены невротическим расстройствам.

Приведем для примера три наблюдения.

Случай первый. Девочка (11 лет) посещает специальную языковую школу. Живет в старом районе большого города, где нет места для прогулок и игр. К концу четверти устает, появляются головные боли. В это время она хочет чаще, чем обычно, ходить в кино и смотреть детективы. Родители же больше заставляют ее читать серьезные книги. Возникающие трения смягчаются после каникул: но к концу четверти все повторяется. Анализ: у «правополушарной» девочки срабатывает защитный механизм «эмоционального оживления» заторможенных в ходе напряженной учебы эмоций. Кинофильмы дают ей необходимый отдых, возможность выплеснуть свое беспокойство и другие неприятные чувства. А серьезное же чтение, требующее постоянной работы мысли, лишь вызывает дополнительное напряжение и так перегруженного левого полушария.

Случай второй. Девочка (7 лет) быстро уставала, была крайне невнимательна и медлительна во время приготовления уроков, испытывала множество страхов, постоянно вертела что-либо в руках. Перенесла ряд психических потрясений (ясли, больница без матери, удаление аденоидов). В школу пошла с желанием, но уже к концу второй четверти стали нарастать указанные явления. «Ларчик» открывался просто. Оба «левополушарно ориентированные», родители-инженеры контролировали каждую оценку: мать сидела рядом при выполнении уроков, при малейшей ошибке заставляла все переписывать. Особенно попадало девочке за невысокие (с точки зрения родителей!) успехи по математике. Чем было больше давление взрослых, тем чаще девочка пропускала буквы, не могла быстро считать и запоминать текст, отвлекалась на занятиях и вертела что-либо в руках. Анализ: заостренная в результате предшествующей психической травматизации и отчасти заторможенная в настоящем активность правого, ведущего, полушария вступила в противоречие с интенсивными, максималистски-запредельными («левополушарными») требованиями родителей. Возникла своего рода сшибка, приведшая к быстрой перегрузке левого полушария; отвлекаемость, невнимательность — это и есть его защит-

ные реакции. Только после той или иной «завоеванной» передышки левое полушарие может достаточно активно перерабатывать информацию, поступающую из правого. Таким образом, ругать за невнимательность, в лучшем случае, бесполезно, гораздо эффективнее — уменьшить чрезмерный объем требований.

Случай третий. Мальчик (7 лет) уже был с первых лет жизни нервно ослаблен, часто болел. Когда ему исполнилось три года, мать развелась с отцом, который принадлежал к артистической среде, часто менял место работы. Конфликты прекратились, мать и отец занялись собой. А за воспитание дружно взялись пятеро остальных проживающих в семье взрослых. Активному от природы мальчику не разрешалось играть, громко смеяться, шуметь... Зато его усердно заставляли заниматься английским языком и музыкой. Неудивительно, что в детском саду и школе он предпочитал дружить с ребятами — нарушителями дисциплины. Ему нравилась их непосредственность, свобода действий, умение идти на риск и самостоятельно преодолевать препятствия. В школу он пошел с шести лет — и сразу был «замечен» молодой, но более чем принципиальной учительницей. Чем строже она действовала, тем он становится непоседливее, подвижнее, не мог сосредоточиться. В первом классе писал грязно, с ошибками, а по математике едва сводил концы с концами. Несколькими раз убежал из дома, оправдываясь потом поиском знакомых сверстников. Так как положение все ухудшалось, а учительница грозила вторым годом, мать обратилась к нам за помощью. Анализ: похожий на отца мальчик лишен общения с ним — так же, как и заботы и любви матери. Роль родителей выполняют бабушка, дедушка и другие взрослые. Они еще до школы перегрузили информацией левое полушарие у «правополушарного», художественно одаренного мальчика (хорошо лепит, рисует, имеет абсолютный слух). Перегрузка становится заметнее в школе — отсюда и побег. Побег эти, можно сказать, естественны — они дают временную разрядку накопившегося в левом полушарии напряжения и «подзаряжают» заблокированную активность правого полушария.

Пора остановиться, ибо поток примеров может быть бесконечным. Сделаем общий для рассмотренных случаев вывод: чтобы устранить искусственно вызванный дисбаланс в работе больших полушарий мозга надо уменьшить воспитательную «перегрузку», соотнести стремление взрослых приучить ребенка к «правильному» поведению с его возрастными возможностями. А одновременно — открыть широкую дорогу непосредственной эмоциональной и игровой активности детей. Тогда, подобно рекам, текущим своим естественным путем, полушария мозга начинают работать в наиболее оптимальном для себя режиме.

Говорят дети

Игорь, 4 года

Мама разгребает снег.

— Мама, что ты делаешь! Я так ждал зиму, а ты ее прогоняешь!

Оля, 3 года

Стоит одетая у двери.

— Мама, включи дверь!

— Как это?

— Как, как! Ключиком включи!

— Я буду хорошо есть и вырасту большой... Буду мамой, потом бабушкой, потом дедушкой...

5 лет

Рассказывает сказку про Красную Шапочку:

— Идет Красная Шапочка по лесу, а навстречу ей лисичка. И спрашивает: «Чего ты плачешь, Красная Шапочка?» А та отвечает: «Как же мне не плакать?! Меня волк съел!»

Лариса, 6 лет

Учит меньшую сестру азбуке.

— Буква С — это как О, только влоботора...

Коля, 6 лет

Придумал загадку:

Робот — а программы нет.

(отгадка: человек).

Саша, 5 лет

Проснулся раньше обычного. Мама замечает:

— Вот и хорошо: сейчас в садик пойдем.

— Я не для того проснулся!

Записали наши читатели: Н. Рябуха (г. Нежин), Н. Дубинская (Ворошиловградская область), Д. Исмаилова (г. Ялта).

К. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ

В ШКОЛЬНОМ МУНДИРЕ

Продолжение. Начало в № 1 за 1990 год

Памятник усердию

Куда бегут, весело переговариваясь, японские школьники после уроков? Разумеется, по домам, чтобы переодеться, немного отдохнуть — и... отправиться снова в школу.

Но теперь уже в другую, необязательную, но крайне необходимую для перехода на следующую ступень средней школы и в университет.

Эти школы называются «дзюку», что в переводе значит «школа мастерства», но правильнее было бы перевести как «репетиторская школа». Там специально нанятый учитель еще раз объясняет то, что было пройдено в дневной школе, добавляют к этим знаниям новые, которые помогут блеснуть на экзаменах.

Первые «дзюку» появились в Токио в XVII веке. Их открывали мастера живописи, традиционной каллиграфии, искусства владения мечом. В каждой из них обучалось несколько дворянских юношей, и занятия проходили спокойно, неторопливо, в созерцательном восточном духе.

Должно быть, поэтому их название и перешло к нынешним репетиторским школам, избавленным, по мысли их создателей, от перенаселенности государственных школ, от казенщины и отчужденности в отношениях между школьниками и учителями.

В течение последнего десятилетия «дзюку» нарождались так же бурно, как и промышленные фирмы. Совсем недавно их было пятьдесят тысяч, сейчас стало двести, а очень скоро их число снова возрастет.

Если раньше учеба в «дзюку» требовалась для поступления лишь в самые лучшие университеты и школы, то теперь необходима и для зачисления в рядовые.

В «дзюку» занимаются ученики от трех до восемнадцати лет; их посещает одна шестая часть младших школьников, половина средних и почти все старшие. Ежемесячная плата за обучение не так велика — около двадцати тысяч иен при среднемесячной зарплате в триста тысяч.

Но если бы она была много выше, родители без ропота вносили бы и ее: здесь не принято жалеть денег на учебу детей, и такой способ вложения капитала считается самым надежным.

В трех крупнейших столичных «дзюку» — «Семинар Еёги», Кавадзюку и Сундай обучается ныне 150 тысяч токийских школьников. Как и подобает частным фирмам, «дзюку» неустанно поддерживают свою репутацию: «дзюку» Тосина, например, гордится тем, что ежегодно поставляет сотню учеников в привилегированную школу при университете Васэда, с которым у нее, разумеется, нет никакого соглашения на этот счет, просто выпускники Тосина каждый раз набирают больше вступительных баллов, чем другие.

— Это достигается просто, — объясняют работники Тосина, — ежегодно мы закладываем в ЭВМ данные о своих учениках, прошедших и не прошедших в Васэду. Уровень знаний каждого из ребят нам хорошо известен, и с помощью машины мы вычисляем тот, который необходим для поступления в прославленный университет.

Годовой доход всех «дзюку» составляет немалую сумму в триллион иен, сопоставимую с расходами страны на военные нужды. За какие-нибудь десять лет «дзюку» образовали еще одну, параллельную систему школьного образования, вызвав ревнивое недовольство чиновников официальной школы, хотя этим, наоборот, можно гордиться, потому что такого нет больше нигде в мире.

— Мы восполняем пробелы государственного просвещения, — рассказывает Масакото Табэи, основательница крупнейшего «дзюку» в городе Осака, — наши принципы таковы: индивидуальный подход к каждому ученику, простота преподавания, тесный контакт с родителями... Наши классные комнаты уютны и тихи, в них занимается не больше пяти человек, и учитель может подстраиваться к каждому... Недостатки государственных школ во всем мире одинаковы — замученные непосильной рабо-

той учителя, которых не уволишь за то, что они перестали любить детей, нехватка средств, бюрократическая косность...

Широко известно, что ученики с большей охотой занимаются на уроках того учителя, который им по-человечески симпатичен. И «дзюку» открыто берут на вооружение этот принцип, приглася таких учителей, которые умеют легко налаживать психологический контакт с учениками.

— Мы стараемся давать нашим детям как бы домашнее воспитание, то, которое в наши дни мало кто из родителей может им предоставить, — продолжает Масакото Табэи. — Наше «дзюку» — это храм не только знания, но и морального воспитания, где в каждом крошечном классе специальный учитель занимается только воспитанием. Нас часто критикуют за то, что мы лишь натаскиваем учеников. Да, это так, но мы достигаем успеха не зубрежкой, а тем, что стараемся самыми разными способами, в первую очередь психологическими, пробудить у ребенка интерес к предмету, развить его способности к познанию, а разве это плохо?..

А еще говорят и так — любая государственная школа лучше частной, потому что не преследует цели получения прибыли. Но разве мало выдающихся ученых и деятелей мировой культуры воспитывалось в частных университетах, лицеях, действующих на коммерческой основе? Я считаю, что не это главное. Все зависит от того, в чьих руках находится воспитание. Мой опыт подсказывает мне, что в любом учительском коллективе пятая часть — это прирожденные педагоги, любящие свое дело, и столько же — людей вредных для школы, попавших туда случайно. Остальные — нейтральная масса, середняки, которые подчиняются той из группировок, в чьих руках находится власть.

В официальном просвещении к школьной власти пробиваются те, кто не может работать учителем, бездарные педагоги, и масса середняков, попадая под их влияние, становится похожей на них. В этом, на мой

взгляд, коренится главная причина бед государственной школы и в Японии, и во многих других странах. Но и мне приходится иметь дело с теми же преподавателями, ведь иных не существует. Я лишь стараюсь расставить их так, чтобы середняки вынуждены были равняться на подвижников, и из-за одного этого добиваются резкого повышения качества знаний...

Когда Масако Табэи, пятидесятилетняя домохозяйка, учительница по профессии, решила готовить у себя дома школьников к поступлению в университет, она рассчитывала лишь подзаработать, потому что лавка электротоваров, которую содержал муж, чаще приносила убытки.

Она занималась с учениками в одной из тесных комнат своего дома, но очень скоро смогла снять для этой цели еще один двухэтажный дом, а за десять лет сто двадцать шесть отделений «дзюку» Масако Табэи открылось по всей стране. В них занимается пять тысяч человек, — больше, чем в ином университете. В основном это ученики средних классов.

Так Масако Табэи стала богатым человеком. Впрочем, на ее внешности это никак не отразилось — то же скромное учительское платье, худые щеки и спокойный, внимательный взгляд из-под очков...

Недавно первые «дзюку» открылись за границей — в Нью-Йорке, Сингапуре, Лондоне, — там, где живет много командированных японцев.

Хозяева «дзюку» вычислили свой доход на десятилетие вперед, поскольку с 1986 года доля молодежи школьного возраста в японском обществе резко возрастает и в 1992 году вступительные экзамены в университеты Японии будут держать два миллиона пятьдесят тысяч абитуриентов.

До этого времени «дзюку» постарались обогатиться насколько возможно, ибо потом доля юных граждан начнет падать и в течение следующих десяти лет сократится наполовину. Чем же будут заниматься «дзюку» тогда? Очевидно, они найдут своему капиталу другое применение. Какое — покажет жизнь.

А пока они процветают, нанимая учителей с актерским талантом, и возводят просторные здания, выкрашенные в такие яркие краски, что на их фоне меркнет пестрота одежды учеников, успевших первым делом скинуть свои черные мундиры. Ну а внутри обычная школьная картина — склоненные над учебниками головы, шелест переворачиваемых страниц, расшаркивающие между парт, с озабоченно наморщенными лбами преподаватели.

Как выгнать тоску

По вечерам, когда стемнеет и на городских улицах зажигаются огни реклам, у освещенных витрин закрытых на ночь магазинов начинается тихая, таинственная суета. Немолодые люди в черных шапочках, похожих на турецкие фески, по-хозяйски очищают асфальт от брошенных журналов, бумажных пакетов, листов реклам и расставляют шаткие деревянные столики. Усевшись около них поодиночке на хлипкие стулья, они прикрывают глаза и замирают в ожидании.

Клиенты появляются скоро — чиновники, возвращающиеся со службы, их жены, решившие подышать свежим воздухом

и воспользоваться услугами гадалщика. Присев на низкий стул, они протягивают прорицателю раскрытую ладонь, и тот водит по ней крошечным фонариком, то и дело справляясь в лежащей рядом затрепанной книге буддийских циклов жизни. Потом он терпеливо и долго рассказывает о том, что ждет человека в будущем.

На Востоке распространена вера в силу судьбы и желание узнать, что она сулит. Стремление угадать свою судьбу вообще свойственно людям. Хотя гадалщик не платит со своего ремесла никаких налогов, полиция никогда не прогоняет их из-за ночных столиков, относится к ним с уважением, как к исконному атрибуту японской жизни, тем более что предсказания их подчас отличаются невероятной точностью.

К гадалщикам здесь обращались всегда, но очень редко это были молодые люди и почти никогда — подростки. Им все было ясно.

Теперь же они простаивают в очереди несколько часов для того, чтобы попасть на прием в молодежное гадалочное бюро Тариму, специально открытое недавно в районе увеселений Харадзюку.

Шесть гадалщиков, работающих в нем, долго разбрасывают игральные карты, изучают карту ночного неба, смотрят на потную от волнения ладонь школьника прежде чем ответить на вопрос, который задаст каждый: «Что ждет меня в будущем? Попаду ли я в университет?..»

Очередь молодых людей, запрудившая переулок, ведущий к Тариму, стала расти день ото дня после того, как четверо его гадалщиков предсказали приход к власти премьер-министра Нобору Такэситы...

— Кроме свойственного ранней молодости любопытства и любви к таинственным явлениям жизни, к прорицателям судьбы нынешних подростков ведет неосознанное стремление смягчить психологический стресс, в котором они находятся долгие годы, — пишет газета «Майнити».

Посещение чужих земель, как известно, тоже снимает духовное напряжение человека, особенно тогда, когда на родине он постоянно ощущает себя стесненным.

Черные шеренги школьников-экскурсантов, попадающиеся в Японию на каждом шагу, давно шагнули и во внешний мир. Теперь японских школьников можно встретить в Китае, Южной Корее, на Тайване — в сопредельных Японии государствах. Это объясняется их историко-культурной общностью с Японией, а также большими скидками на оплату услуг, которые предоставляют ребятам тамошние отели. В 1987 году в зарубежные путешествия выезжало тридцать тысяч японских школьников.

Желание избавиться от неосознанного напряжения во многом подстегивает и интерес школьников к электронным играм, позволяющим, словно наркотик, отвлекаться от мирских забот. Это стремление принимает иногда необузданные, резкие формы...

Любая очередь за товаром в Токио — большая редкость, но такой, какая выстроилась в один из дней лета 1988 года перед магазином бытовой электроники около вокзала Икэбукуро, не видели здесь никогда.

Около десяти тысяч школьников обра-

зовали двухкилометровый хвост, чтобы приобрести новинку фирмы «Эникс» — трюбовую серию электронной игры «Поиск дракона».

Такие игры широко распространены в Японии и доступны каждому — достаточно вставить кассету в недорогую приставку к телевизору, как его экран заполняют мельтешащие человечки.

Но «Поиск дракона» по своему качеству на ступень выше прежних. Главный его герой — мастерски прорисованный гигантский дракон, возжелавший сдвинуть весь мир своими когтистыми лапами. На борьбу с ним отважно поднялись давно знакомые всем ребятам герои — смелый юноша, добрая девушка, бесстрашный рыцарь, старый монах, бродячий торговец, а также немало призраков, хороших и плохих, одетых одновременно в духе старины и научнотехнического прогресса, будоражащих инженерную мысль и вызывающих в сердце сладкий холодок ужаса.

Стоит нажать на кнопку, как все они начинают неумолимо искать дракона, размахивая мечами, падая в бесконечные пропасти, распевая мелодичные, бесшабашные песни... Изредка передвигая рычажки в низу экрана, можно изменить похождения героев, растягивать их до бесконечности, участвовать и растворяясь в этом блаженном сне, мерцающем всеми цветами радуги.

Но почему все-таки «Поиски дракона» вызвали такой непредсказуемый ажиотаж среди японских школьников — разве мало других электронных игр продаются сутки напролет в здешних лавках?..

Все дело в том, что фирма «Эникс», создавшая эту удивительную игру, — небольшая, малая и никому не известная до сей поры. Она просто не могла с одного раза обеспечить «Поисками дракона» всех желающих. Выпустив небольшую пробную партию кассет, она ждала, пока они разойдутся, и в зависимости от этого показала бы новые или в случае неудачи сменила сферу деятельности, или вообще распалась...

Так японские школьники впервые в своей жизни столкнулись с явлением товарного дефицита. Но в здешних условиях эта беда легко поправима, и ребята знали, как с ней бороться: надо выстроиться в длинную очередь у магазина, похожую на демонстрацию преданности потребителей, и тогда владельцы фирмы в считанные часы организуют выпуск множества дополнительных кассет...

Бесперебойная учеба школьников считается в Японии заботой всего народа, а не одного только ведомства просвещения, и поэтому за день до продажи «Поисков дракона» столичная полиция предупредила директоров школ: «Будьте внимательны. Вас ждут прогулы». Оповещена была и родительская общественность...

Вечером десять тысяч школьников встали в очередь у небольшой лавки электротоваров, блокировав не только ведущую к ней небольшую улицу, но и все ближайшие переулки, тротуары и проезды. Подростки взяли с собой из дома термосы с горячим чаем, картонные коробки с теплым ужином, махровые одеяла, карманные телевизоры, журналы комиксов и книги для того, чтобы скоротать холодные ночные часы.

За несколько дней фирма «Эникс» про-

дала пять миллионов кассет электронной игры, наделив ею почти каждого второго жителя Токио и сделавшись богатой.

«Поиски дракона» стали для детей прекрасным способом отвлечения от школьных невзгод, дали им возможность хотя бы в мечтах почувствовать себя сильными и мужественными, руководящими поступками других людей.» — считает психолог Хидео Такаяма, руководитель Исследовательского института по проблемам детей.

Проведенное недавно министерством просвещения медицинское обследование семисот тысяч школьников по всей стране показало, что довольно многие из них имеют плохое зрение и излишний вес. Министерство связывает это с повальным увлечением видеоиграми. Среди их поклонников было выявлено 43 типа различных заболеваний и расстройств, имеющих психическое происхождение. В их числе — подергивания век, повышенная возбудимость и утомляемость, стариковское покашливание, восприимчивость к простудам. Доктора призывают ограничить видеоигры хотя бы часом в день, но, как известно, никакие призывы не могут остановить прогресс техники...

В предвидении его, в точном соответствии с его безудержным ростом здесь неустанно развивали массовый спорт детей и подростков, видя в нем главное средство физической и духовной закалки будущих граждан страны, их подготовки к труду и нервным стрессам...

Здесь в каждом классе тоже есть свои силачи, которых часто посылают на различные соревнования. Однако при этом никто не внушает, что они защищают честь школы. — защитить ее можно, только достигнув больших успехов на каком-либо поприще после ее окончания.

Конечно, победа школьной команды на краевых или общенациональных соревнованиях небезразлична школе. Она говорит об отличной постановке спортивного обучения — но только спортивного и не больше.

Каждый год в Японии проводится два общенациональных чемпионата среди школьников, к которым бывает приковано внимание всей страны. Соревнования не только с утра до вечера передают по телевидению — они становятся главным событием спортивной жизни дня. Это — соревнования по бейсболу, которые проводятся на стадионе «Косизэн» в Осаке, и токийский чемпионат по волейболу.

Токийская станция Сэндагая, где расположен городской крытый стадион, в эти дни бывает загромождена автобусами, — ведь с каждой школьной командой по волейболу приезжает еще команда болельщиков. Обычно это — один из старших классов в полном составе. Многие из них специально прибыли на чемпионат из отдаленных уголков страны.

В соответствии с давней японской традицией, болельщики образуют так называемую команду поддержки. По-японски она называется «оэдан».

Когда на стадионе сражаются две команды, их оэданы поднимаются в рядах зрителей во весь рост. На фоне их черных школьных мундиров картинно выделяются повязанные на лбу длинные полоски белой материи, иногда — с красным кругом Восходящего Солнца в середине. Это —

символ самурайской стойкости. Изюм всех сил они скандируют лозунги победы, поют ритмичные быстрые песни, размахивают флагами школы.

Все их движения отточены до предела — ведь перед соревнованиями они прошли такую же тренировку, как и основные участники.

Команды оэдановцев существуют в каждой школе, университете. Занятия в них приравниваются к участию в спортивной секции.

Среди других спортивных секций оэдан выделяется особенно жесткой дисциплиной, беспрекословным подчинением новичков старшим членам клуба.

Оэдан призван поддерживать энтузиазм в сражающейся команде, напоминать ей, что она не одинока в битве. Эта уникальная секция целиком ориентирована на укрепление морально-психологического состояния участников состязаний.

Окончание следует

И. КЛЕНИЦКАЯ

НИТОЧКА ДОВРОТЫ

Проводница принесла чай в тонких стаканах с подстаканниками и положила на столик несколько порций сахара в голубовато-белых обертках. На обертках написано «Цукор». Я разворачиваю сахар и говорю с радостью: «Украинский сахарок...» Женщина, сидящая напротив, спрашивает: «А вы любите именно украинский?» Я смущаюсь и невнятно отвечаю: «Да нет, так... Потому что дело не в сахаре. Дело в том, что я люблю все украинское. Язык. Песни. Борщ. Рубашки. Это потому, что человек, скрасивший мое детство (да и не только мое), был украинцем.

...Мы сидим в кузове грузовика. Мы — это дети (есть такие, как я, семилетки, есть постарше) со своими матерями. И несколько мужчин: мой дядя (вернее, муж моей тети), еще чей-то дядя и дедушка худенькой девочки, которая прижимается к матери и смотрит на меня большими грустными глазами. Грузовик идет по дороге среди песков. Вокруг — пески и столбы, столбы и пески... Мама гладит меня по голове и говорит: «Вот видишь, я обещала взять тебя на юг — вот мы и на юге». Но я не верю маме. Я говорю угрюмо: «Это не юг». Хотя пока еще я не знаю, что это. Узнаю через несколько дней: город Павлодар. В Северном Казахстане. На берегу Иртыша. Совсем близко — Сибирь. Так же быстро я узнаю, почему мы здесь и почему здесь все остальные (ленинградцы, москвичи), кто ехал с нами в грузовике и в других грузовиках, что шли сюда.

1937 год. Мою тетю, с которой мы жили в одной квартире, арестовали. А ее мужа и мою маму выслали. С нами ехали такие же высланные. Большинство — за мужей. Мужей арестовали, жен выслали. Срок не объявляли.

Растерянные женщины с притихшими, грустными детьми бродили по городу, искали жилье. Жилья было много, и к вечеру устроились все. Мама сняла комнату в домике на берегу Иртыша. Дядя — где-то на другой улице.

И началась наша тихая, печальная жизнь. Утром мама уходила на работу, а я шла на улицу, встречалась с такими же «ссылными детьми», и мы играли. Только игры были какие-то невеселые. Играя в «классы» или в мяч, по-взрослому переговаривались: «Вас за кого?» — «За палу. А вас?» — «За тетю. Говорят, это лучше...» — «А вам срок дали?» — «Нет, А вам?» — «Тоже. Отобрали паспорт, и все...»

Когда мы ходили по улице, сзади слышали шепот: «Ссылные идут, ссылные!» А как-то раз посреди улицы нас остановила

какая-то женщина и строго спросила: «Вы ссылные?»

Однажды к нам зашла в гости мама девочки, с которой я часто играла, тетя Оля. Мамы наши повздыхали, всплакнули, а тетя Оля, погладив меня по голове, сказала: «Вот им все равно, где играть, правда?» Мне стало обидно и больно. Потому что мы, дети, страдали не меньше наших матерей. Все равно! Как можно было сказать: «Все равно!» Раньше, в Ленинграде, и теперь, здесь, это же две разные жизни. Там — тепло родной квартиры, и тетя, и приходят в гости мамы и тетины братья — дядя Додя, дядя Митя, дядя Ханя, и они ласкают меня и балуют (отец давно не жил с нами). Дядя Додя шутит очень смешно, рассказывает забавные истории, приносит шоколадные фигурки. Дядя Митя катает на плечах, водит в кондитерскую и вслит выбрать пирожные, а на улице покупает мне воздушные шарики и леденцовых петушков на палочке. И хотя мама говорит, что давать ребенку такие леденцы негигиенично, потому что бог знает из чего и как они делаются, дядя Митя возражает, что «все съдят» и что «ребенку удовольствие».

А здесь, у чужих людей, и мы совсем одни, одиноки, и тетя далеко-далеко, в Магадане, и милые мои дяди тоже далеко-далеко, в Ленинграде, и нельзя даже повидаться. А дядя Николай, который здесь, замкнулся и сам тоскует. Там, дома, он каждый вечер ждал меня на колени и играл со мной в «ехали, ехали — в ямку бух!» Тетя ласково на нас посматривала, мама говорила: «Николай Андрианович, наверно, устал», а я видела, что ему и самому нравится играть со мной. Там мама была всегда веселая, и смеялась, и играла со мной. Здесь она все время плачет, а когда мама плачет, то и не хочется даже и жить. Там мы были как все, а здесь мы — ссылные. И каждый выходной наши матери должны являться «на отметку»: стоять в длинной-длинной очереди на улице возле здания НКВД и ждать, пока дежурный энкаведешник отметит, что они явились, куда из города не отлучались. Один из дежурных по всякому поводу орал на женщин: «На Кольму ушло!» После «отметки» женщины группами собирались у кого-нибудь, пили чай, вздыхали: «Господи, хоть бы от врагов, не так было бы обидно! А то свои, свои! За что?» В такие вечера мы, дети, сидели особенно грустные и молчаливые.

Так текла наша жизнь, пока однажды вечером мой дядя не привел к нам Анатолия. Дядя работал под Павлодаром агрономом. С ним вместе работал молодой аг-

роном с Украины Анатолий Пашкевич, которого прислали сюда после окончания института. Он вошел шумный, веселый, совсем простой, в вышитой украинской рубахе. Едва дядя представил его, как он, обращаясь к женщинам, проговорил что-то веселое. Все засмеялись. А Анатолий повернулся к нам, поглядел на нас внимательно, весело сказал: «А ну, станцуйте!» Стал быстро отодвигать к стенке стулья, потом схватил нас за руки, поднял с кушетки, поставил в круг, закружился с нами вместе в хороводе и громко запел шуточную украинскую песню:

*Ах ты, гарны Семэн,
Поди, сядь коло мэн,
А у мэнэ хата є,
Сватый мэнэ, Семэнэ.*

Суть песни заключалась в том, что некая тетя уговаривала Семена посвататься к ней, соблазняя его то хатой, то подушкой, то коровой, а Семен отговаривался хлесткими и веселыми прибаутками. Кто-то из женщин усомнился в том, подходящая ли это песня для детей, но мы-то знали, что песня — самая подходящая. Потому что с веселыми ее звуками прошли тоска и уныние, вернулась к нам радость, вернулась жизнь. Вечер прошел в веселой кутерьме. Анатолий сразу стал своим, близким.

И он зачастил к нам. Сперва приходил с дядей, а потом один. И сразу подсаживался к детям, независимо от того, сколько нас было — я одна или целая ватага. И сразу начинался хоровод с неизменной «Ах ты, гарны Семэн», которая нам так полюбилась (если я была одна, «хороводили» мы вдвоем, взявшись за руки). Мы ждали Анатолия с нетерпением, и не было для нас песни лучше этой. Она спасала от всех бед. А беды случались нередко, и мы немедленно выкладывали их Анатолию.

— Анатолий, а нас Федотов Сашка обзывает «ссылными».

— Морозов евреем дразнится!

— Анатолий, мама вчера опять плакала. Ночью. Думала, я сплю...

— Анатолий, хозяйская бабка вчера щенка била, и я ее ударила, чтоб не смела, а мне же и попало! (Это говорю я. И знаю: из всех взрослых один Анатолий поймет меня.)

Анатолий никогда не утешал рассуждениями. Он вообще ни о чем с нами не рассуждал, ничего не объяснял. Он просто брал нас за руки, ставил в круг и пел: «Ах ты, гарны Семэн». И забавная эта песня действовала сильнее любых самых умных рассуждений.

Однажды моя мама тихо вздохнула: «Несчастные дети!» Анатолий сказал убеж-

енно и весело: «Да бросьте!» И с этого веселого возгласа для нас началась новая жизнь: мы перестали считать себя несчастными, а значит, и перестали быть ими. Нет, боль наша не прошла, но мы уже не воспринимали ее так трагически. Мы стали бодрее, контактнее, что ли, подружались постепенно с местными ребятами. Научились у них бегать на коньках и бесстрашно скатываться на лыжах с крутого берега Иртыша, колоть дрова и есть арбузы с хлебом...

А сколько раз потом мне приходилось видеть, как дети, у которых в жизни что-либо неблагополучно, начинали чувствовать себя несчастными только потому, что так считали взрослые! Ни в каком, даже самом тяжелом, случае нельзя говорить ребенку, что он — несчастный! Нельзя его таковым считать, нельзя так о нем думать!

Матери наши тоже оживали в присутствии Анатолия. Но они относились к нему не так, как мы. И мы за это на них сердились. То есть они, конечно, относились к нему хорошо. Но немного снисходительно. Скажем, подарил он тете Оле коробку конфет, потому что у нее был день рождения. И как-то не так подал ей коробку. Коробка упала, конфеты рассыпались. Он очень смутился. Наши мамы иронически перелдывались, шептались, мол, чего взять с простого парня, да и молод еще.

А я сидела в углу и сердилась на них. Да будь я на месте тети Оли, я молниеносно (это слово любил мой дядя) нагнулась бы, собрала бы конфеты и сказала бы Анатолию: «Да что Вы, что Вы, это ничего, пустяки, с ними ничего не случится, не беспокойтесь, пожалуйста». Но от взрослых дожدهшься! Тетя Оля думает, что подбирать конфеты с полу неприлично. Как бы, видите ли, не подумали, что она жадная. А заставлять человека переживать из-за этих дурацких конфет — это прилично! Все они такие, взрослые! Оставили Анатолия одного, смеются себе. Вот искочить бы и самой собрать конфеты и сказать ему: «Это ничего, ничего».

Мне очень жалко Анатолия и очень хочется сделать это, но я боюсь. Я знаю, не поймут. Засмеются: «Вот как конфет захотела!» А тетя Жанна и тетя Валя опять скажут: «Снова эта девочка ведет себя неприлично. Ведь это она (подумать только!) старушку ударила». Ударить старушку — очень плохо. А избивать маленького щенка — хорошо? Он визжит так жалобно, и никто не заступает! Вот если бы хоть кто-то из них заступился, зачем мне тогда было бы ударить эту бабу? Мама говорит: «Сравнила собаку и человека!» Но ведь он не виноват, что он щенок!

Итак, я боюсь помочь Анатолию и не двигаюсь с места. Тогда мне и в голову не приходило, что мой страх ничем не лучше страха тети Оли, что, в сущности, причины нашего предательства одинаковы...

Но полное мое отчуждение от взрослых произошло по другому поводу.

Анатолий иногда брал взаймы у кого-нибудь из женщин немного денег. Чаще всего это случалось перед праздниками. Возвращал он деньги всегда очень аккуратно, и никто, разумеется, не видел в этом ничего плохого. Но вот однажды, когда у нас сидели несколько женщин, пришла тетя Оля и объявила: «Нет, вы только поду-

майте! Вы знаете, для чего Анатолий деньги взаймы берет? Он уборщицам покупает шоколадные конфеты!» Все зашумели, стали расспрашивать. Оказалось вот что.

К хозяйке тети Оли ходила ее подружка — уборщица с агростанции. Она и рассказала, что их агроном, Пашкевич Анатолий, всем трем уборщицам поселка (ей, сельсоветской и школьной) к каждому празднику дарит по коробке хороших шоколадных конфет. Тетя Оля закончила свое сообщение возгласом: «Возмутительно! Ему, видите ли, надо уборщицам шоколадные конфеты покупать! Больше в жизни не буду давать ему денег!» Тетя Жанна и тетя Валя немедленно сказали, что, конечно, они тоже теперь не дадут ему денег, потому что надо учить парня жить, а не поощрять всякую блажь. А тетя Люба и мама защитили Анатолия, но защищали в том смысле, что, мол, он еще молод и потому нельзя спрашивать с него благоразумия. Из детей у нас в этот вечер никого не было. И потому только я одна понимала, как прекрасно то, что делает Анатолий. И когда на другой вечер он пришел к нам, я смотрела на него так восторженно, что все замечали это — и смеялись...

Засыпая, я представляла себе, как Анатолий, улыбаясь, протягивает уборщице большую красивую коробку конфет, перевязанную розовой ленточкой, и ленточка эта становится все длиннее и длиннее, вьется, вьется, и вот уже у меня перед глазами много розовых ленточек, они сплетаются друг с другом, и получается огромный розовый бант, он растет и качается, а я счастливо улыбаюсь...

И через много лет, уже студенткой, слушая разговоры подружек о том, какого бы они хотели встретить на своем пути мужчину («чтобы был умнее меня и с твердым характером», «чтобы имел на все свой взгляд и свое мнение», «чтобы был талантливым», «интересного, ну и вместе с тем, конечно, преданного»), я думала про себя: «Я хочу встретить человека, который дарил бы уборщицам шоколадные конфеты...»

Только однажды все единодушно одобрили поведение Анатолия. Мой дядя рассказал со слов своего начальника, что Анатолия вызывали в НКВД и указали на неуместность его, комсомольца, дружбы с «врагами народа». Анатолий ответил, что никакие они не враги, а хорошие люди и что он как ходил к ним, так и будет ходить. Выслушав этот рассказ, женщины помолчали, повздыхали, потом сказали: «Хороший человек!»

Но, пожалуй, ярче всего сохранился в моей памяти день 8 Марта. Как-то вечером женщины вспомнили, что скоро 8 Марта, и приуныли. Пошли разговоры о том, как отмечали этот день там, дома, какие сюрпризы готовили им мужья. Анатолий «хороводил» с нами, с детьми, и, казалось, ничего не слышал. Но через несколько дней он весело объявил, что приглашает всех женщин с детьми 8 Марта к себе на торжественный обед. Стали отнекиваться, но Анатолий заявил, что отменить обед совершенно немисливо, потому что уже сделаны грандиозные приготовления к украинскому борщу. Тогда стали предлагать ему помощь, но он обьяснил, что настоящий украинский борщ никак, кроме него, гото-

вить не умеет, а потому никакой помощи в таком важном деле он принять не может. «Эх, не понимаете вы, что такое настоящий украинский борщ!» — приговаривал он весь вечер.

8 Марта мы пришли к Анатолию. Он снимал небольшую комнату в домике с палисадником. Стол, выставленный на середину комнаты, был уже накрыт, а сам Анатолий, в вышитой украинской рубашке и в переднике, как-то ловко и толково суетился. Все уселись за стол, и Анатолий принес огромную кастрюлю с борщом. Сам разлил его по тарелкам. Борщ был, действительно, великолепен. То есть просто удивительно, что это был за борщ. Такого мне никогда больше не доводилось есть. Все весело ели, смеялись, хвалили повара.

В конце обеда, когда Анатолий вышел, чтобы принести самовар, мы услышали вдруг отчаянную ругань, которая доносилась с крыльца. Моя мама и еще двое женщин вышли посмотреть, в чем дело. Я пошла с ними. На крыльце стояла хозяйка соседнего дома и кричала на Анатолия. Тот стоял растерянный и что-то возражал. Мама стала расспрашивать, что случилось. Оказалось вот что.

В городке дрова были большой редкостью и ценностью (кругом — степи). Топили, в основном, кизяком. Хозяйка Анатолия сэкономила кизяк и вообще отнеслась неодобрительно к его затее с борщом. Словом, топлива для званого обеда она ему не дала. А у соседки развалился забор. Отвалившиеся доски целый месяц валялись на улице. У крыльца же лежали новые доски, привезенные на новый забор. Анатолий и решил, что старые доски хозяевам, в сущности, ни к чему, тем более что давно валяются на улице. Можно бы, конечно, попросить, да хозяйка не даст. И Анатолий их взял без спроса и сварил нам торжественный обед. А хозяйка этих досок про все узнала и пришла скандалить. Анатолий оправдывался, говорил, что доски ведь ей все равно не нужны, а она кричала: «Не твое, сопляк, дело!» Женщины кое-как урезонили хозяйку, и она ушла. Тогда стали говорить Анатолию, что он сделал нехорошо. А мне хотелось броситься к нему и защитить. Но, как всегда, я не осмелилась сделать это...

Я не знаю, хорошо или нехорошо поступил Анатолий. Если нехорошо — да простит ему это за ту радость, которую он принес нам и нашим печальным матерям. И если случалось ему потом в жизни поступать нехорошо, то да простит ему это потому, что когда-то он не позволил нам, детям, жить несчастными. И до сих пор теплеет у меня на душе, когда я вспоминаю о нем.

Через два года мама, дядя и я вернулись в Ленинград. Мы потеряли всякую связь с Анатолием. После войны до нас дошли слухи, что Анатолий был танкистом. Больше мы ничего о нем не слышали...

Случается, меня спрашивают, кто оказал наибольшее влияние на мои педагогические взгляды. Конечно, были у меня прекрасные учителя в школе и преподаватель Владислав Евгеньевич Холшевников в Ленинградском университете, где я училась. И все-таки что-то самое глубинное идет от той светлой ниточки, ниточки доброты, которую через всю мою жизнь протянул Анатолий Пашкевич.

Б. БЕЛОГоловый

СПАСИТЕ НАШИ ДУШИ!

1988 год (за прошлый год данных пока не видели) дал скачок подростковой преступности, рекордный среди девочек — на 44,3 процента, растут ряды подростков-рецидивистов (на 16,4 процента)... Сигнал бедствия — SOS — в заголовках педагогических публикаций сегодня удивления не вызывает, преувеличением не кажется. Но всегда ли внятно для нас, что молба эта — о спасении душ — самый прямой страшный смысл имеет именно в педагогике?..

«Спасите наши души!» — называется фильм о беспризорниках наших дней, впервые показанный два с лишним года назад по Центральному телевидению. И лишь теперь выходящий на экраны кинотеатров.

...Молодой тележурналист Гусев собирает материал для передачи о «трудных» детях, сам пережив не так уж давно сиротское «инкубаторское» отрочество в интернате. Он прямо-таки убит открывшейся ему криминальной хроникой беспризорности сегодняшней:

— обычного вида девушка-подросток запросто рассказывает, как избил (ногами по лицу) свою сверстницу, которую ей ничуть не жаль, как не жаль ей и собственных родителей — мать зарубила отца топором, а после повесилась...

— другая девушка-подросток, с улыбкой почти застенчивой, тоже спокойно и просто рассказывает, что партнеры платят ей вскладчину — бывает, что с шестерых, а бывает и больше — рублей 25 за вечер, а то и 50, ей этого хватает, а как там «дальше» — не озабочена она...

— скучно отвечает на вопросы в суде молодая мать, растерявшая в бесконечном похмелье своих малолетних детей...

Этакие будничные разговоры, без никакой даже напряженности; разве что нотки усталости, отчаяния потки в голосах, вопросы задающих... Да этакая застылая тусклость в глазах — у отвечающих на вопросы:

— тихо улыбаются, охотно отвечая на вопросы, малыши-идиотки, рожденные от алкоголиков, невпопад отвечают, носик путают с подбородком, глазик с ухом...

— в грязном подвале переполох — обвала! — мечутся тени обалделых детей-токсикоманов...

— долгим беззвучным криком заходитесь один такой — в реанимации...

— наконец, тишину эту затянувшуюся обрывают привычные уже сегодняшнему уху многие децисблы — клубный зал полон восторженно ревуших подростков; тесно стоят, вскинув руки с оттопыренными двумя пальцами, изображая рога, «Дьявол зде-есь!! Дьявол зде-есь!» — торжествующе рычат им с эстрады, и светится, скалится в ревуший зал череп какой-то рекламный...

«Спасите наши души!» — не первый фильм о гибели нашей молодой смены, детей наших. Ко дню его показа еще памятные были недавние длиннущие «очереди за правдой» — на премьеры латвийского

фильма «Легко ли быть молодым?» (первый советский документальный фильм, прошедший по билетным расценкам игрового кино — при полных залах!). И почти одновременно и с не меньшим успехом прошел эстонский художественный фильм о детдомовском детстве «Игры для детей школьного возраста». Этим двумя работами прибалтийского кино впервые были всенародно показаны теневые изнанки «нашего счастливого детства», впервые были предьявлены обществу ребячьи судьбы, целиком состоящие из «отдельных негативных явлений» — и вся перспектива этой крайней беды, почти до самых ее исходов.

Тем удивительнее, что фильм «Спасите наши души!», третий подряд на одну тему и к тому же фильм негромкий, заставил пережить заново все леденящие обстоятельства порчи детских душ.

Чтобы жизнь продолжалась, торжествующее зло, унижающее нас и страшное, все же никак не должно превосходить сопротивляемости нашей, хотя бы у предельной черты; непосильно это лишь для круглых одиночек, у кого порваны, заглохли все живые людские связи, вплоть до причастности к своему народу. В такой одиночной изоляции задохнулся было и журналист Гусев, обескураженный, выбитый из колен своими открытиями. Отчаявшись найти поддержку и понимание среди коллег, он обретает дыхание, вспоминая собственное интернатское отрочество.

...Южный городок начала 60-х годов: домишки в один-два этажа, запыленная жиденькая побелка ракушечниковых, а то и саманных стен в красно-золотых заплатках плакатов — «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!». Базар-барахоловка, толкучка, средоточие всех личных инициатив; скудость быта, сегодня уже непредставимая, несмотря на трудные нынешние времена: билет в кино или мороженое — роскошь, любая обновка — праздник! И образ жизни был суровее; да не смердно бравым равнодушием, больнее как-то жилось, домашнее, народней, еще помнили сердцем святое единение всех в Отечественную войну. Однако Победа наша в той великой войне замалчивалась тогда, словно неприличие какое. Только в двадцатый победный Май народу будет возвращать праздник его Победы. «Фроитовики! Надените орден!»... А пока — прошлась по стране реабилитация безинно осужденных (живых и мертвых) десять, двадцать и тридцать лет назад (но — не ранее!). Прогрелась — после двух десятилетий безвестности — обреченная оборона Брестской крепости, славилась и награждалась ее уцелевшие герои, тоже намайвавшиеся с клеймом дезертиров и предателей. Жертвенность народа на фронтах и трудовая, другие светлые свойства его природы, воспитанные веками российской истории, вдруг оказались поставлены в заслугу исключительно завоеваниям Октября, Ок-

тябрь величался; народ же, будто трофеей какой, обрели запустению.

Весною 1961-го весь мир, побросав дела и раздоры, на всех языках восторженно разучил «Ю-РИЙ ГА-ГА-РИН» и дружно улыбался первому космонавту Земли; то-то ликовали «простые советские люди»!.. А через год вслед за повышением цен была расстреляна в Новочеркасске мирная демонстрация и всякие разговоры о том карались, как антисоветская клевета. Гражданам первой страны социализма с детства регулярно внушалось: произвол и насилие над человеком, всевозможные несчастья и катастрофы (даже стихийные!), равно как мистика, чертовщина и поповщина, присущи только «гнилому Западу». А у нас — целиком и полностью изжиты, остались в «проклятом прошлом». Впрочем, Запад и отечественное прошлое были приравнены: оба — неустанно разоблачались и порочились прессой, искусством, учениками.

Когда здоровый народ, теряя свое лицо, дичает и расчеловечивается, каждый, пусть неосознанно противостоящий этому, будет выглядеть посторонним среди преуспевших современников. В 60-е годы было много человечески неуклюжих подростков; таковы в фильме «Спасите наши души!» большинство интернатских одноклассников будущего тележурналиста Гусева. Угловат и неровен и их классный руководитель словесник (но и срываясь до «Выйди вон из класса!!», тогдашние педагоги никогда не рисковали услышать столь обычное ныне «Выйди сам»)... Неловким, угловатым видится через двадцать лет среди коллег-сослуживцев и сам Гусев. Такая вот сложится в фильме «Спасите наши души!» бедственная расстановка сил: «Дьявол зде-есь!», его тьмачисленная опрична, услуга и пленники среди стадоподобной толпы подростков, скорых верных жертв, а между ними — вроде бы обреченные — Педагог, не приемлющий осатанения и его многие ученики.

Кстати, фильму тоже придаст убедительности некоторая ненарочитая его неровность. Скроенный из очень разнородного материала — игровых эпизодов и документальных, кадров-символов и прямых интервью — этот фильм каким-то чудом создает приподнято-тревожное ощущение некоей нашей общности, родственности, теряющей со сменой поколений свою былую историческую нерушимость. Очевиден и переживаемый сегодня этап нашего ползучего распада: фильм внятно дает понять всем нам, старым и малым, насколько мы были в начале 60-х годов неказистей теперешнего — да праведнее.

Но как же зловеще-показательна примета начала 60-х годов, рассказанная фильмом: уже тогда обычным поводом бездомности детской становилось не сиротство, а крах живых семей. В те рубежные, узловые годы на эту подробность не обратили внимания; могли и не видеть о ней: по-

добная статистика не очень-то оглашалась. Между тем, жизнь семьи наглядно свидетельствует о стране и ее народе в их недавнем прошлом и ближайшем будущем. Сегодня среди миллиона наших детдомовцев сирот — не более 5 (!) процентов. Эти цифры из фильма «Спасите наши души!» должны бы ужаснуть нас. Поскольку горький итог этот, при всем прочем, наработан лично нами сообща.

Кратчайший путь «самоутверждения» — не принимать всерьез близких своих, то есть сердцем не принимать. Порок и напасти тоже, как известно, селятся там, где люди перестают слышать и понимать друг друга — отцы и дети, братья и сестры, народ и власть. Притом давно подмечено, а мировое кино наглядно убеждает нас, до чего одинаково горе горькое у самых различных народов, счастливых всегда посвоему, на свой неповторимый лад. Одни и те же повсюду семейные нелады от нарушения Десяти Заповедей и личные несчастья, ломающие судьбы одиноких; похожи и общественные разлады, подчас невяно, буднично влекущие народ к всеотрицанию и вседозволенности везде под видом новизны и удали на первых порах. И все народы Земли издревле с опаскою различали в многоликом сонмище зол, бед и преступлений — некое общее начало, словно бы даже превосходящее величинной и силою все известные злодейства. Таково общее свойство сумм больших чисел. Кто этого не признает или не замечает, про того скажут: «За деревьями не видит леса». В России эту сумму всех зол, их

единоначалие именовали Нечистой силой-Лукавым-Дьяволом-Сатаню.

Это Нечто (алгоритм, стимул, доминанта всеразрушения) еще не освоено наукой, и век Просвещения, рисуя научную картину мира, объявил Дьявола предрассудком и несуществующим. Что явилось, как уверяют люди сведущие, Его решительною победой. Каждое отдельное зло, в особенности — зло невеликое, небольшое, стало как бы «само по себе», сокрылись его связи со злом другим, по соседству или прошлым, тем более — в будущем. Вскоре затем разбой стал почитаться благодеянием и в таком камуфляже был узаконен моралью, а кое-где и учебниками. На очереди признанне необходимости разбоя уже без псевдонимов. И наконец — всеобщее поклонение Злу как первооснове мира. Масштабные репетиции этого проводились на нашей памяти, и безуспешно, обнаружив, однако, с очевидностью: зло таланта не имеет, по природе своей оно вторично; и в процветании его, как в смертельной болезни, когда совсем бессилеет живая душа, явно маячит полнейший хаос, конец всякому действию.

У нас в отечестве первой и лучшей потворщицей «отмененного» зла служит дамская близорукая практичность, возобладавшая было во всех сферах жизни, а особенно в педагогике. Подменяя понятие честной работы «героической борьбой», заоблачными витаниями и мифами, затвердив при этом игрушечную программу: «барыня прислала сто рублей, что хотите, то купите, белое и черное не выбирайте,

синее и желтое не называйте» и т. д., школа наша преуспела в нагонянии невероятной парализующей скуки. Тем часом мальчики, жаждущие зримых дел, уходят на соблазнительный клич «Дьявол здесь-есть!», тянутся к черепу — (бутафорскому пока) символу полнго равенства — в уничтожении.

Этакого настроения концерты-беснования для школьников грохочут у нас, должно быть, не первый день, однако что-то не афишировались. Явив нам Дьявола на деле (еще достаточно невинном), фильм «Спасите наши души!» логически довершил панораму губительных давлений на детство и отрочество, тогда как многоточия и вопросы расставили здесь оба его экранные предшественника из Прибалтики и, вероятно, ряд последующих фильмов той же темы, которые нам покажут. Но можно предположить, что при любых ударных сценах эти фильмы все-таки не назовут Главного Спонсора нашего душевного одичания. А пока выступать о Нем как-то не принято, неинтеллигентным считается, неловким до неприличия, а то и мракобесным, тут уж и санкции впоследствии и даже от самых истоных плюралистов. Концерт-беснование в фильме «Спасите наши души!» допущен, надо думать, по оплошке либо как пробный шар.

Фильм «Спасите наши души!» замечен. Фильм удался. Испытание более чем двухлетием выдержал — не повторен никем и не устарел, остался жизненно необходим сейчас.

Говоря о впечатлениях своего петербургского детства, Осип Эмильевич Мандельштам писал: «Мне всегда казалось, что в Петербурге обязательно должно случиться что-нибудь очень пышное и торжественное». Вы встретите эту фразу в публикуемых главах из книги «Шум времени». В 1925 году в рецензии на «Шум времени» эмигрантский критик В. Вейдле заметил, что последнее «пышное и торжественное», случившееся в Петербурге, — это поэзия Мандельштама. Вейдле был, разумеется, прав [да и образ получился красивым], и если не все, то многие мандельштамовские стихи подтверждали его правоту, хотя бы такие [1918 год] — о конце исторического Петербурга:

На страшной высоте земные сны горят,
Зеленая звезда летает.
О, если ты звезда, — воды и неба брат,
Твой брат, Петрополь, умирает.
[...]

Прозрачная весна над черною Невой
Сломалась, воск бессмертья тает.
О, если ты звезда, — Петрополь, город
твой,

Твой брат, Петрополь, умирает.
Однако по мере того, как былой Петербург исчезал, превращаясь в призрак и воспоминание, торжественность уходила из поэзии Мандельштама. Он больше не ощущал вокруг питающих ее токов. Вот стихи 1921 года:

На замок закрыты ворота,
И земля по совести сурова, —
Чище правды свежего холста
Вряд ли где отыщется основа.

В начале двадцатых он писал все меньше стихов, а в тех, что писал, заострял, в частности, тему убывания поэтической речи в новом историческом пространстве. Из «Нашедшего подкову» [1923 год]:

Звук еще звенит, хотя причина звука
исчезла.

[...]
Человеческие губы, которым больше
нечего сказать,
Сохраняют форму последнего сказанного
слова...

[...]
Время срезает меня, как монету,
И мне уж не хватает меня самого.

С 1925 по 1930 год Мандельштам вообще не писал стихов. Это было время его основных прозаических вещей — «Шума времени», «Египетской марки», подпольной «Четвертой прозы».

В «Шуме времени» — книге о прошлом — Мандельштам хотел заново [и в последний раз] обозначить черты канувшего мира. Как мало кто из его современников, он ясно понимал, что между атлантидой русского прошлого и новой советской твердью непреодолимый «провал

силнее наших сил» [по его же позднейшим — когда вернулись стихи — словам]. Не социально-политический переворот, а перепластование исторических эпох, подобное сдвигу геологических пластов, в первую очередь усматривал он в революции. Отсюда и выводы. Исключались но-стальгия, сожаление и плач о былом, помыслы о какой-либо реставрации (не только политической, но и духовной). Революция необратима, непоправима:

«Мне хочется говорить не о себе, а следить за веком, за шумом и прорастанием времени. Память моя враждебна всему личному. Если бы от меня зависело, я бы только морщился, припоминая прошлое. Никогда я не мог понять Толстых и Аксаковых, Багровых внуков, влюбленных в семейственные архивы с элическими домашними воспоминаниями. Повторяю — память моя не любовна, а враждебна, и работает она не над воспроизведением, а над отстранением прошлого. Разночинецу не нужна память, ему достаточно рассказать о книгах, которые он прочел, — и биография готова. Там, где у счастливых поколений говорит эпос гекзаметрами и хроникой, там у меня стоит знак зияния и между мной и веком... ров, наводненный шумящим временем, место, отведенное для семьи и домашнего архива. Что хотела сказать семья! Я не знаю. Она была косноязычна от рождения, — а между тем у нее было что сказать. Надо мной и над многими современниками тяготее косноязычие рождения. Мы учились не говорить, а лепетать — и, лишь прислушиваясь к нарастающему шуму века и выбеленные пеной его гребня, мы обрели язык».

Таков подсказанный самим Мандельштамом ключ к пониманию его удивительной книги.

Богче и стараться что-либо добавить к этим чеканным фразам. Разве что посоветовать читателю — внимательно прочтите рассуждение о Надсоне из главы «Книжный шкаф». В русской литературе мало поэтов с такой безнадежно-унылой репутацией, как Надсон — кумир восьмидесятых годов, вскоре и навсегда отринутый, полусмеянный, полузабытый. Бледная фигура этого «певца Идеала», самые, как принято думать, скучные и бездарные годы России — вечеринки учащегося молодежи, баркароллы Рубинштейна, бумажные цветы — весь этот несложный реквизит исторической драмы Мандельштам сумел изнутри осветить огнем высокого смысла, связав с предшествующей героической эпохой «Народной Воли», открыв закономерный выход в последующие — девяностые годы, с характеристики которых начинается наша публикация.

А. ВАСИЛЬЕВ

Осип МАНДЕЛЬШТАМ

ШУМ ВРЕМЕНИ

(главы из книги)

Музыка в Павловске

Я помню хорошо глухие годы России — девяностые годы, их медленное оползание, их болезненное спокойствие, их глубокий провинциализм — тихую заводь: последнее прибежище умирающего века. За утренним чаем разговоры о Дрейфусе, имена полковников Эстергази и Пикара, туманные споры о какой-то «Крейцеровой Сонате» и смену дирижеров за высоким пультом стеклянного Павловского вокзала, казавшуюся мне сменой династий. Неподвижные газетчики на углах, без выкриков, без движений, неуклюже приросшие к тротуарам, узкие пролетки с маленькой откидной скамеечкой для третьего, и, одно к одному, — девяностые годы слагаются в моем представлении из картин, разорванных, но внутренне связанных тихим убожеством и болезненной, обреченной провинциальностью умирающей жизни.

Широкие буфы дамских рукавов, пышно взбитые плечи и обтянутые локти, перетянутые осиние талии, усы, эспаньолки, холеные бороды; мужские лица и прически, какие сейчас можно встретить разве только в портретной галерее какого-нибудь захудалого парикмахера, изображающей капуд и «кок».

В двух словах — в чем девяностые года. — Буфы дамских рукавов и музыка в Павловске; шары дамских буфов и все прочее вращаются вокруг стеклянного Павловского вокзала, и дирижер Галкин — в центре мира.

В середине девяностых годов в Павловск, как в некий Элизий, стремился весь Петербург. Свистки паровозов и железнодорожные звонки мешались с патристической какофонией увертюры двенадцатого года, и особенный запах стоял в огромном вокзале, где царили Чайковский и Рубинштейн. Сыроватый воздух заплеванных парков, запах гниющих парников и оранжевый роз и навстречу ему —

тяжелые испарения буфета, едкая сигара, вокзальная гарь и косметика многотысячной толпы.

Вышло так, что мы сделали павловскими зимогорами, то есть круглый год жили на зимней даче в старушечьем городе, в российском полу-Версале, городе дворовых лакеев, действительных статских вдов, рыжих приставов, чахоточных педагогов (жить в Павловске считалось здоровее) — и взяточников, скопивших на дачу-особняк. О эти годы, когда Фигнер терял голос и по рукам ходили двойные его карточки: на одной половине поет, а на другой затыкает уши, когда «Нива», «Всемирная Новь» и «Вестники Иностранной литературы», бережно переплетаемые, проламывали этажерки и ломберные столики, составляя надолго фундаментальный фонд мещанских библиотек.

Сейчас нет таких энциклопедий науки и техники, как эти перелетенные чудовища. Но эти «Всемирные Панорамы» и «Нови» были настоящим источником познания мира. Я любил «смесь» о страусовых яйцах, двухголовых телятах и праздниках в Бомбее и Калькутте, и особенно картины, большие, во весь лист: малайские пловцы, скользющие по волнам величиной с трехэтажный дом, привязанные к доскам, таинственный опыт господина Фуке: металлический шар и огромный маятник, скользющий вокруг шара, и топящиеся кругом серьезные господа в галстуках и с бородками. Мне сдается, взрослые читали то же самое, что и я, то есть главным образом приложения, необъятную, расплывшуюся тогда литературу приложений к «Ниве» и пр. Интересы наши, вообще, были одинаковы, и я семи-восьми лет шел в уровень с веком. Все чаще и чаще слышал я выражение fin de siecle, конец века, повторяющееся с легкомысленной гордостью и кокетливой меланхолией. Как будто, оправдав Дрейфуса и расквитавшись с Чертовым островом, этот странный век потерял свой смысл.

У меня впечатление, что мужчины были исключительно поглощены делом Дрейфуса, денно и нощно, а женщины, то есть дамы с буфами, нанимали и рассчитывали прислуг, что подавало неисчерпаемую пищу приятным и оживленным разговорам.

На Невском, в здании костела Екатерины, жил почтенный старичок — рёге Лагранж. На обязанности этого преподавателя лежала рекомендация бедных молодых французских девушек боннами к детям в порядочные дома. К рёге Лагранжу дамы приходили за советами прямо с покупками из Гостиного двора. Он выходил, старенький и, в затрапезной раске, ласково шутил с детьми елейными, католическими шутками, приправленными французским остроумием. Рекомендации рёге Лагранжа ценились очень высоко.

Знаменитая контора по найму кухарок, бонн и гувернанток на Владимирской улице, куда меня частенько прихватывали, походила на настоящий рынок невольников. Чайвших получить место выводили по очереди. Дамы их обнюхивали и требовали аттестации. Аттестация совершенно незнакомой дамы, особенно генеральши, считалась достаточно веской, иногда же случалось, что выведенное на продажу существо, присмотревшись к покупательнице, фыркало ей в лицо и отворачивалось. Тогда выбегала посредница по торговле этими рабынями, извинялась и говорила об упадке нравов.

Еще раз оглядываясь на Павловск и обхожу по утрам дорожки паркетки вокзала, где за ночь намело на пол-аршина конфетти и серпантина, — следы бури, которая называлась «бенефис». Керосиновые лампы переделывались на электрические. По петербургским улицам все еще бегали конки и спотыкались донокитовые конюхные клячи. По Гороховой до Александровского сада ходила «каретка» — самый древний вид петербургского общественного экипажа; только по Невскому, гремя звонками, носились новые, желтые, в отличие от грязно-бордовых, курьерские конки на крупных и сытых конях.

Ребяческий империализм

Конный памятник Николаю Первому против Государственного Совета неизменно, по кругу, обхаживал замшелый от старости гренадер, зиму и лето в нахлобученной мохнатой бараньей шапке. Головной убор, похожий на митру, величиной чуть ли не с целого барана.

Мы, дети, заговаривали с дряхлым часовым. Он нас разочаровывал, что он не двенадцатого года, как мы думали. Зато о дедушках сообщал, что они — караульные, последние из николаевской службы и во всей роте их не то шесть, не то пять человек.

Вход в Летний сад со стороны набережной, где решетки и часовня, и против Инженерного замка охранялся вахмистрами и в медалях. Они определяли, прилично ли одет человек, и гнали прочь в русских сапогах, не пускали в картузах и в мешанском платье. Нравы детей в Летнем саду были очень церемонные. Пошептавшись с гувернанткой или няней, какая-нибудь голоножка подходила к скамейке и, шаркнув или присев, пищала: «Девочка (или мальчик — таково было официаль-

ное обращение), не хотите ли поиграть в «золотые ворота» или «палочку-воровочку»?

Можно себе представить после такого начала, какая была веселая игра. Я никогда не играл, и самый способ знакомства казался мне натянутым.

Случилось так, что раннее мое петербургское детство прошло под знаком самого настоящего милитаризма и, право, в этом не моя вина, а вина моей няни и тогдашней петербургской улицы.

Мы ходили гулять по Большой Морской в пустынные ее части, где красная лютеранская кирка и торцовая набережная Мойки.

Так незаметно подходили мы к Крюковому каналу, голландскому Петербургу эллинов и нептуновых арок с морскими эмблемами, к казармам гвардейского экипажа.

Тут, на зеленой, никогда не еженой мостовой муштровали морских гвардейцев, и медные литавры и барабаны потрясали тихую воду канала. Мне нравился физический отбор людей: все ростом были выше обыкновенного. Нянька вполне разделяла мои вкусы. Так мы облюбовали одного матроса — «черноусого» и приходили на него лично посмотреть и, уже отыскав его в строю, не сводили с него глаз до конца учения. Скажу и теперь, не обинуясь, что семи или восьми лет весь массив Петербурга, гранитные и торцовые кварталы, все это нежное сердце города, с разливом площадей, с кудрявыми садами, островами памятников, карнидами Эрмитажа, таинственной Миллионной, где не было никогда прохожих и среди мраморов затесалась всего одна мелочная лавочка, особенно же арку Главного штаба, Сенатскую площадь и голландский Петербург я считал чем-то священным и праздничным.

Не знаю, чем населяло воображение маленьких римлян и Капитолий, я же населял эти твердыни и стогны каким-то немислимым и идеальным всообщим военным парадом.

Характерно, что в Казанский собор, несмотря на табачный сумрак его сводов и дырявый лес знамен, я не верил ни на грош.

Это место тоже было необычайное, но о нем после. Подкова каменной колоннады и широкий тротуар с цепочками предназначались для бунта, и в моем воображении это место было не менее интересно и значительно, чем майский парад на Марсовом поле. Какая будет погода? Не отменят ли? Да будет ли в этом году?.. Но уже раскидали доски и планки вдоль Летней канавки, уже стучат плотники по Марсовому полю; уже горой пухнут трибуны, уже клубится пыль от примерных атак и машут флажками расставленные вешками пехотинцы. Трибуна эта строилась в три дня. Быстрота ее сооружения казалась мне чудесной, а размер подавлял меня, как Колизей. Каждый день я навещал постройку, любовался плавнотью работы, бегал по лесенкам, чувствуя себя на подмостках участников завтрашнего великолепного зрелища, и завидовал даже докам, которые наверное увидят атаку.

Если бы спрятаться в Летнем саду незаметно! А там столпотворение сотни оркестров, поле, колысающееся штыками, чрепослоица пешего и конного строя, словно не полки стоят, а растут гречиша, рожь, овес, ячмень. Скрытое движение

между полками по внутренним просекам. И еще — серебряные трубы, рожки, вавилон криков, литавр и барабанов... Увидеть кавалерийскую лаву!

Мне всегда казалось, что в Петербурге обязательно должно случиться что-нибудь очень пышное и торжественное.

Я был в восторге, когда фонари затушили черным крепом и подвизали черными лентами по случаю похорон наследника. Военные разводы у Александровской колонны, генеральские похороны, «проезд» были моим ежедневным развлечением.

«Проездами» тогда назывались уличные путешествия царя и его семьи. Я хорошо навострился распознавать эти штуки. Как-нибудь у Анничова, как усадые рыжие тараканы, выползали дворцовые пристава: «Ничего особенного, господа. Проходите, пожалуйста. Честью просят...» Но уже дворники деревянными совками рассыпали желтый песок, но усы околочных были нафарены и, как горох, по Караванной или по Коношенной была рассыпана полиция.

Меня забавляло удручать полицейских расспросами — кто и когда поедет, чего они никогда не смели сказать. Нужно сказать, что промельк гербовой кареты с золотыми птичками на фонарях или арийских санок с рысаками в сетке всегда меня разочаровывал. Тем не менее игра в проезд представлялась мне довольно забавной.

Петербургская улица возбуждала во мне жажду зрелищ, и самая архитектура города внушала мне какой-то ребяческий империализм. Я бредил конногвардейскими латами и римскими шлемами кавалергардов, серебряными трубами Преображенского оркестра, и после майского парада любимым моим удовольствием был конногвардейский полковой праздник на Благовещенье.

Помню также спуск броненосца «Ослябя», как чудовищная морская гусеница выползла на воду, и подъемные краны, и ребра эллинга.

Весь этот ворох военищины и даже какой-то полицейской эстетики пристал какому-нибудь сынку корпусного командира с соответствующими семейными традициями и очень плохо вязался с кухонным чадом средне-мещанской квартиры, с отцовским кабинетом, пропахшим кожей, лайками и опойками, с еврейскими деловыми разговорами.

Книжный шкаф

Как крошка мускуса наполнит весь дом, так малейшее влияние юдаизма переполняет целую жизнь. О, какой это сильный запах! Разве я мог не заметить, что в настоящих еврейских домах пахнет иначе, чем в арийских. И это пахнет не только кухня, но люди, вещи и одежда. До сих пор помню, как меня обдало этим приторным еврейским запахом в деревянном доме на Ключевой улице, в немецкой Ринге, у дедушки и бабушки. Уже отцовский домашний кабинет был непохож на гранитный рай моих стройных прогулок, уже он уводил в чужой мир, а смесь его обстановки, подбор предметов соединялись в моем сознании крепкой вязкой. Прежде всего — дубовое кустарное кресло с бала-лайкой и рукавицей и надписью на дужке: «Тише едешь — дальше будешь» — дань ложно-русскому стилю Александра

Третьего; затем турецкий диван, набитый гроссбухами, чьи листы папиросной бумаги исписаны были мелким готическим почерком немецких коммерческих писем. Сначала я думал, что работа отца заключается в том, что он печатает свои папиросные письма, закручивая пресс копировальной машины. До сих пор мне кажется запахом ярма и труда — проникающий всюду запах дубленой кожи, и лапчатые шкурки лайки, раскиданные по полу, и живые, как пальцы, отростки пухлой замши — все это и мешанкий письменный стол с мраморным календариком плаваает в табачном дыму и обкурено кожами. А в чертовой обстановке торговой комнаты стеклянный книжный шкафчик, задернутый зеленой тафтой. Вот об этом книгохранилище хочется мне поговорить. Книжный шкаф раннего детства — спутник человека на всю жизнь. Расположение его полок, подбор книг, цвет корешков воспринимаются как цвет, высота, расположение самой мировой литературы. Да, уж тем книгам, что не стояли в первом книжном шкапу, никогда не протиснуться в мировую литературу, как в мирозданье. Волей-неволей, а в первом книжном шкапу всякая книга классична, и не выкинуть ни одного кустика.

Эта старинная маленькая библиотека, как геологическое напластование, не случайно отлагалось десятки лет. Отцовское и материнское в ней не смешивалось, а существовало розно, и в разрезе своем, этот шкафчик был историей духовного напряжения целого рода и прививки к нему чужой крови.

Нижнюю полку я помню всегда хаотической: книги не стояли корешок к корешку, а лежали, как руины: ржичие пятикнижия с оборванными переплетами, русская история евреев, написанная неуклюжим и робким языком говорящего по-русски талмудиста. Это был повергнутый в пыль хаос иудейский. Сюда же быстро упала древнееврейская моя азбука, которой я так и не обучился. В припадке национального раскаяния наняли было ко мне настоящего еврейского учителя. Он пришел со своей Торговой улицы и учил, не снимая шапки, отчего мне было неловко. Грамотная русская речь звучала фальшиво. Еврейская азбука с картинками изображала во всех видах — с кошкой, книжкой, ведром, лейкой — одного и того же мальчика в картузе с очень грустным и взрослым лицом. В этом мальчике я не узнавал себя и всем существом восстаивал на книгу и науку. Одно в этом учителе было поразительно, хотя и звучало неестественно — чувство еврейской пародной гордости. Он говорил о евреях, как французика о Гюго и Наполеоне. Но я знал, что он прачет свою гордость, когда выходит на улицу, и поэтому ему не верил.

Над иудейскими развалинами начинался книжный строй, то были немцы: Шиллер, Гете, Кернер и Шекспир по-немецки — старые лейпцигско-тубингенские издания, кубышки и коротышки в бордовых тисненых переплетах, с мелкой печатью, рассчитанной на юношескую зоркость, с мягкими гравюрами, немного на античный лад: женщины с распущенными волосами заламывают руки, лампа нарисована, как светильник, всадники с высокими лбами, а на виноградных кистях виноградные кисти. Это отец пробив-

вался самоучкой в германский мир из талмудических дебрей.

Еще выше стояли материнские русские книги — Пушкин в издании Исакова — семьдесят шестого года. Я до сих пор думаю, что это прекрасное издание, оно мне нравится больше академического. В нем ничего лишнего, шрифты располагаются стройно, колонки стихов текут свободно, как солдаты летучими батальонами, и ведут их, как полководцы, разумные, четкие годы включительно по тридцати седьмой. Цвет Пушкина? Всякий цвет случаен — какой цвет подобрать к журчанию речей? У, идиотская цветовая азбука Рембо!..

Мой исаковский Пушкин был в раске никакого цвета, в гимназическом колленковом переплете, в черно-бурой вылинявшей раске, с землястым песочным оттенком; не боялся он ни пятен, ни чернил, ни огня, ни керосина. Черная песочная раска за четверть века все любовно впитывала в себя, — духовная затрапезная красота, почти физическая прелесть моего материнского Пушкина так явственно мной ощущается. На нем надписи рыжими чернилами: «Учение III класса за усердие». С исаковским Пушкиным вяжется рассказ об идеальных, с чахоточным румянцем и дырявыми башмаками, учителя и учительницах: восьмидесятые годы в Вильне. Слово «интеллигент» мать и особенно бабушка выговаривали с гордостью. У Лермонтова переплет был зелено-голубой и какой-то военный, недаром он был гусар. Никогда он не казался мне братом или родственником Пушкина. А вот Гете и Шиллера я считал близнецами. Здесь же я признавал чужое и сознательно отделял. Ведь после тридцати седьмого года и кровь и стихи журчали иначе.

А что такое Тургенев и Достоевский? Это приложение к «Ниве». Внешность у них одинаковая, как у братьев. Переплеты картонные, обтянутые кожей. На Достоевском лежал запрет, вроде надгробной плиты, и о нем говорили, что он «тяжелый»; Тургенев был весь разрешенный и открытый с Баден-Ваденом. «Вешними водами» и ленивыми разговорами. Но я знал, что такой спокойной жизни, как у Тургенева, уже нет и нигде не бывает.

А не хотите ли ключ эпохи, книгу, раскалывающую от прикосновения, книгу, которая ни за что не хотела умирать, и в узком гробу девяностых годов лежала как живая, книгу, листы которой преждевременной пожелтели, от чтения ли, от солнца ли дачных скамеек, чья первая страница являет черты юноши с вдохновенным зачесом волос, черты, ставшие иконой? Вглядываясь в лицо юноши Надсона, я изумляюсь одновременно настоящей огненностью этих черт и совершенной их невыразительностью, почти деревянной простотой. Не такова ли вся книга? Не такова ли эпоха? Пошли его в Ниццу, покажи ему Средиземное море, он все будет петь свой идеал и страдающее полколение, — разве что прибавит чайку и гребень волны. Не смейтесь над надсоновщиной — это загадка русской культуры и в сущности непонятный ее звук, потому что мы-то не понимаем и не слышим, как понимали и слышали они. Кто он такой — этот деревянный монах с невыразительными чертами вечно юности — этот вдохновенный истукан учащейся молодежи, то есть избранного

народа неких десятилетий, этот пророк гимназических вечеров? Сколько раз, уже зная, что Надсон плох, я все же перечитывал его книгу и старался услышать ее звук, как слышало поколение, отбросив поэтическое высокомерие настоящего и обиду за невежество этого юноши в прошлом. Как много мне тут помогли дневники и письма Надсона; все время — литературная страда, свечи, рукопесканья, горящие лица; кольцо поколения и в середине алтарь — столик чтеца со стаканом воды. Как летние насекомые под накаленным ламповым стеклом, так все поколение обугливалось и обжигалось на огне литературных праздников с гирляндами носозащитных роз, причем сборища носили характер культа и искупительной жертвы за поколение. Сюда шел тот, кто хотел разделить судьбу поколения вплоть до гибели, — высокомерные оставались в стороне с Тютчевым и Фетом. В сущности, вся большая русская литература отвернулась от этого чахоточного поколения с его идеалом и Ваалом. Что же ему оставалось? — Бумажные розы, свечи гимназических вечеров и баркароллы Рубинштейна. Восьмидесятые годы в Вильне, как их передает мать. Всюду было одно: шестнадцатилетние девочки пробовали читать Стюарта Милля, маячили светлые личности с невыразительными чертами, с густой педалью, замирая на piano, играли на публичных вечерах новые вещи львиного Антона. А в сущности происходило следующее: интеллигенция с Боклем и Рубинштейном, предводимая светлыми личностями, в священном юродстве не разбирающими пути, определенно поворотила к самосожжению. Как высокие проселочные факелы, горели всенародно народовольцы с Софьей Перовской и Желябовым, а это все, вся провинциальная Россия и «учающаяся молодежь», сочувственно тлели, — не должно было остаться ни одного зеленого листка.

Какая скудная жизнь, какие бедные письма, какие несмешные шутки и пародии! Мне показывали в семейном альбоме дагерротипную карточку дяди Миши, меланхолика с пухлыми и болезненными чертами, и объясняли, что он не просто сошел с ума, а «сгорел», как гласил язык поколения. Так говорили о Гаршине, и многие гибели складывались в один ритуал.

Семен Афанасьевич Венгеров, родственник мой по матери (семья виленская и гимназические воспоминания), ничего не понимал в русской литературе и по службе занимался Пушкиным, но «это» он понимал. У него «это» называлось: о героическом характере русской литературы. Хорош он был с этим своим героическим характером, когда плелся по Загородному из квартиры в картолеку, повиснув на локте стареющей жены, ухмыляясь в дремучую муравьиную бороду!..

Мария РОМАНУШКО

Продолжение.

Начало в №№ 11, 12 за 1989 год и №№ 1, 2 за 1990 год

Мальчик с планеты Маль

И вот настал день, когда ты категорично заявил: «Больше я в сад не пойду!» Шел и плакал.

— Сынок, мне опять нужно ехать по делам... А тебе привыкать. Ведь если я найду работу, я буду уезжать каждый день, утром уезжать, а вечером возвращаться.

но-вежливое: «Звоните завтра». Нет, мне не отказывали. Но, между тем, работы всю осень не было. Наши крошечные сбережения (аванс за сборник стихов, который выйдет неизвестно когда) подошли к концу, как мы ни старались их протянуть. Влезать в долги мы с тобой не любили, потому что отдавать было нечем. Лучше вовсе не брать. Опять просить у мамы — неумоготу... Как жить дальше?

Я вошла в темное, угрюмое здание с узкими окнами, где в коридорах стоял затхлый, невыветриваемый запах старых бумаг, пришла просить любую работу.

Начальница отдела кадров, взглянув на мой диплом, удивилась:

— А почему к нам? Вас, с вашим образованием...

библиотечные дни не полагаются.

— А на укороченный день?

— Поговорите с директором. Но, скорее всего, она вам откажет. Коллектив у нас женский, у многих дети. Если каждая потребует укороченный день, то вы сами понимаете, что из этого получится.

— Я понимаю...

— Ну что, вы согласны?

— У меня нет другого выхода.

Я вышла из этого кабинета с чувством мучительной вины и тоски. «Бедный мой, бедный...» В руках у меня был свеженький пропуск. Завтра, к восьми тридцати, я должна была явиться в это мрачное здание с узкими окнами и вступить в должность архивариса второй категории...

НАШИ ЗИМЫ И ЛЕТА, ВЕСНЫ И ОСЕНИ

— Я лучше один дома сидеть буду!
— А кто тебя покормит? Кто с тобой погуляет?

Отчаяние залило твое лицо.

— Крепись, малыш. У всех мамы работают, а дети ходят в сад. Давай привыкать. Только не плачь, ладно? Ведь ты мужчина. Маленький, но мужчина. Если ты будешь плакать, я тоже заплачу...

— Ладно... — прошептал ты. — Только приходи за мной пораньше!

Твое лицо в окне второго этажа, залитое слезами...

С каждым днем, расставаясь со мной, ты плачешь все горше, все неуправляемее. Я давно уже не верю, что ты сможешь привыкнуть: к «сереньким помоям с мусоринками», к щелчкам и пинкам, к шуму, от которого у тебя к вечеру болит голова, к скучным математическим занятиям, на которых тебе нечего делать, к невозможности отдохнуть днем, во время дневного сна, к угрожающим «шуткам» Евдокии Васильевны... И твой прощальный взгляд, устремленный мне вслед, исполнен такого недетского страдания, такой тоски, словно мы расстаемся навек.

Господи, как жить? Что делать?..

В тот день я предприняла последнюю попытку. Я вошла в темное, угрюмое, с узкими окнами здание Архива. Больше идти было некуда. И ждать нечего. За два последних месяца я не получила на рецензию ни одной рукописи. Только равнодуш-

— Я пыталась...

— Ну что ж... Могу предложить вам место архивариса второй категории.

— Что мне придется делать?

— О, ничего сложного! Расстановка карточек каталога по алфавиту.

— А более сложной работы у вас нет? Ведь с этой мог бы справиться мой четырехлетний сын.

— У нас все начинается с неквалифицированной работы. Потом, с годами, когда вы вживетесь в наш коллектив, когда мы получше узнаем вас...

— Зачем же я шесть лет училась?

— Как хотите. Я вас не неволю.

Я сидела в мучительной растерянности, с тоской глядя сквозь узкое, как бойница, окно на глухую стену архивного хранилища. В которой уже раз эта глухая, без окон, без единого просвета стена оказывалась передо мной. Но все казалось: обойду, обогну... И вот уперлась в нее снова. И на этой стене — огромные, полные отчаяния и тоски, твои глаза... Господи, что же мне делать?

— Оклад шестьдесят рублей. Конечно, это не много, но лучше, чем ничего. Работа пять дней в неделю, с девяти до шести.

Хватит ли тебе, сынок, кирпичиков на веранде?..

— Я могу рассчитывать на один библиотечный день в середине недели? У меня ребенок...

— Неквалифицированным работникам

И замелькали пустые, похожие один на другой дни... Десятки, сотни, тысячи карточек перед глазами... Неужели это можно выдержать неделю, месяц, несколько лет?..

Я закрывала глаза — и видела твое бледное, исхудавшее личико, твои темно-золотые, полные осенней печали, глаза... Крепись, мой хороший, я что-нибудь придумаю. Что-нибудь придумаю...

Я тосковала по тебе не меньше, чем ты по мне. Кончились наши выходные в середине недели, кончились твои укороченные дни. Теперь мы жили как все: на обратном пути из дetsада — магазин, ужин на скорую руку, несколько устало оброненных фраз... Ты очень уставал за день, и к восьми глаза у тебя спалились.

Уже засыпая: «Давай скорее улетим на Маль... На Мале нет этих садиков, и мамам не нужно ходить на работу. Там люди просто живут...» — «Хорошо бы, сынок...»

Пошла всего вторая неделя, как я ходила на работу, но жизнь утратила свои привычные краски и запахи. Остался только мышиный запах архива, этой темной сырой норы, в которой я сидела долгими осенними днями, согнувшись над каталожными ящиками, остался тошнотворный запах пригорелого молока, от которого мы оба содрогались каждое утро, входя в двери дetsада, остался горький запах догорающих костров нашей пятой осени... А из всех красок — только зеленоватая бледность твоего лица с глубокой сине-

вой под глазами да чернеющие листья на мокрой дорожке, по которой я каждое утро уходила от тебя...

В детсаду тебе по-прежнему не давали проходу, по-прежнему «стучали». И наконец твоё терпение лопнуло. Устав от пинков и тумачков, ты стал давать сдачи.

Однажды, придя за тобой, увидела, что все играют, а ты стоишь... в углу! И при этом мило беседуешь с Любовью Петровной.

— Не могу понять, что с ним случилось такое, — развела она в растерянности руками. — Такой тихий всегда был... А тут Ваню побил, Лену ударил. Она, конечно, задира... но все-таки девочка. Вот, пришлось изолировать.

— Так хорошо в углу отдохнул, — сказал ты. — Никто меня там не стучал.

— Научился давать сдачи? — спросила я, не зная, радоваться этому или огорчаться.

— Пришлось, — улыбнулась ободряюще Любовь Петровна. — А иначе ведь заклюют. Им ведь только подражаться, только бы поколотить кого-нибудь. Возраст такой. Энергии много, а ума мало. Ничего их не интересует, только драка.

Идем под морозящим дождем, идем к дому, где нас никто не ждет, и ты спрашиваешь:

— Ну как твоя работа? Сколько карточек сегодня насчитала?

— Не спрашивай, Антончик. Они у меня перед глазами до сих пор мелькают... Расскажи лучше, как ты жил.

— Сегодня на занятии был великий распрос: кто кем будет, когда вырастет?

— И что ребята отвечали?

— Кто-то милиционером, кто-то солдатом. Девочки — портнихами захотели бы. Кто-то еще кем-то, не помню...

— А ты?

— А я сказал: «Хочу быть писателем».

И, помолчав, добавил:

— И меня побили.

— За что?

— Не знаю.

— Но ты хоть защищался?

— Конечно. Только они сразу со всех сторон бьют.

— Их было много?

— Трое. Ваня Антоненко и еще двое какие-то. Не помню... Они все одинаковые. Такие у всех лица круглые, как яйцо.

— А Ваню как запомнил?

— Он самый злой.

Ты говоришь почти спокойно, и твоё спокойствие пугало меня больше, чем слезы: ты начинал привыкать — к тому, что бьют, к тому, что их всегда больше...

— А я про этого Ваню стишок сочинил! — неожиданно весело сказал ты. — «Стихи про Ваню Антоненко». Слушай:

Надоел мне этот Ваня,
Не могу я вам сказать!
Я считать могу всего лишь:
Раз, два, три, четыре, пять!
А потом начну считать я
До двух тысяч всемирно!
Чтобы кушать очень много,
Я тебе не бегемот!
Я тебя могу так стукнуть,
Даже Ваня упадет!
У меня большой желудок,
Не могу я много есть!

Я считать уже умею
И могу сто книг прочесть!
Обойдусь я и без драки
И без Вани-забияки!

Ты звонко напевал свой стишок, идя вприпрыжку по мокрой дорожке. Я смотрела на твоё худенькое задорное лицо и думала о том, что все равно ты сильнее их, сколько бы их ни было!

...Было ветрено и зябко. Ты сидел на веранде, грустно глядя на хлопающую калитку сада... Увидев меня, ты не бросился, как обычно, мне навстречу, а остался все в той же позе нахохленного воробышка.

— Что с тобой, сынок?

— Так...

Я коснулась губами твоего лба — он был горячий.

— Что-то уж больно скучный он сегодня, — слышался голос Евдокии Васильевны. — Все сидит и сидит молчком, даже про Самлюмбию свою не рассказывает.

— Самболонюю, — тихо поправил ты, не взглянув на нее.

— Пойдем, сынок?

Ты нерешительно поднялся с лавочки, как во сне, с тоской посмотрел на меня, и я поняла, что ты совсем болен. Я подхватила тебя на руки и понесла домой. Ты утомленно прикрыл глаза и уткнулся лицом в мое плечо.

— Совсем плохо, сынок?

— Не совсем... — еле слышно прошептал ты.

Дома, едва успела раздеть и уложить тебя в постель, как мучительная дрожь охватила тебя, тельце покрылось гусиной кожей, ты скрутился калачиком под двумя одеялами, но они не могли тебя согреть. Ртутный столбик в градуснике, сунутом тебе подмышку, мгновенно ускочил за сорок... Господи, что же это! «Сынок, побудь без меня минутку, я сейчас... я быстро... за врачом...»

Выбежала из подъезда — и не поверила своим глазам: на аллейке у нашего дома стояли и оживленно беседовали две женщины, одна из них — твой участковый врач. Я бросилась к ней, не помня себя от радости и отчаянья:

— Зоя Петровна! Какое счастье, что вы здесь! Антоше плохо... Пожалуйста, помогите!

Она удивленно взглянула на меня, не понимая, чего я от нее хочу.

— Простите, что отрываю, но ему совсем плохо...

Недоумение на ее лице сменилось нескрываемым раздражением.

— Мой рабочий день уже кончился, — отчеканила она.

— Умоляю, взгляните на него, ведь это одна минута... — с содроганием услышала я в своем голосе жалкие, просительные ноты.

Но она уже отвернулась к своей приятельнице, и они продолжали прерванную мной беседу.

— Что же мне делать?!

— Вызывайте «скорую», — бросила через плечо она.

— Но ведь вы здесь, рядом?

Она даже головы не повернула в мою сторону.

Я бежала к телефону-автомату; душили слезы...

...Ты болел долго и тяжело. Уже облетела вся наша пятая осень, почернело под дождями ее золото, уже белые мухи кружились по утрам за нашими окнами, а ты все никак не мог прийти в себя...

Вначале с тобой была бабушка, которая очень боялась, что мое архивное начальство будет недовольно, что мы с тобой сразу заболели. Но бабушка не могла сидеть с тобой бесконечно: у нее было свое строгое начальство. Я сменила ее, и мы узнали, что значит сидеть на больничном (пять дней на бюллетене и месяц на справке), мы узнали, каково получить зарплату 5 рублей 20 копеек.

— Ого, как много! — обрадовался ты. Но мне пришлось тебя огорчить.

— Возьми бумагу и карандаш, — сказала я тебе, — и подсчитай, сколько мы тратим в месяц на хлеб и молоко. Приблизительно.

Произведя подсчет, ты растерянно, почти испуганно взглянул на меня: «Как же мы будем жить?»

— Бабушка, надеюсь, выручит, а вообще... Не можем же мы сидеть на шее у бабушки.

— Не можем, — согласился ты.

Уже кружились по утрам белые мухи...

При одном воспоминании о детсаду у тебя подскакивала температура и тебя начинало лихорадить. По-прежнему при виде тарелки с едой ты закрывал глаза, рот, уши... По ночам ты порой просыпался в слезах, с криком: «Не надо! Не надо!..» Врачи, по которым нам пришлось походить за это время, пришли к единому выводу: «Ребенок недетсадовский. В саду он не привыкнет».

Уже кружились за окном белые мухи... Осень, долгая, как жизнь, подходила к концу. И опять вставал все тот же вопрос: «Как жить дальше?»

Мир не без добрых людей.

Один из моих институтских преподавателей, прозван про наши беды, поднял телефонную трубку и за полчаса нашел для меня работу. В одном издательстве мне опять стали давать рукописи на рецензирование. Так я и распрощалась с архивом, не успев дослужиться до архивариуса первой категории...

Конец ноября, с его ненастями, холодным мраком, едва не лопающимися от ветра стеклами, это самое мрачное время года для нас с тобой — самое уютное, уравновешенное, самое творческое. Нам нравится, что поздно светает и рано темнеет, мы оба любим сумерки и снег с дождем... В ненастье хорошо пишется. Я ложусь в два часа ночи, а встаю в шесть утра. Иногда засиживаюсь за машинкой до восьми утра. Ты уже встаешь, а я только ложусь вздремнуть.

— Что ты пишешь? — спрашиваешь ты.

— Повесть о Клоуне.

— А что больше повести?

— Роман.

— Тогда я буду писать роман! О Машинном городе.

И вот мы работаем вдвоем. Яростно,

Рисунок Л. Заболотского

самозабвенно пишешь ты страницы своего романа, одна за другой выпархивают они из-под твоей руки... Разве мне угнаться за тобой?..

Ты и во сне не перестаешь думать, сочинять. А утром, едва проснувшись, вскакиваешь и спешишь записать то, что увидел во сне.

— Ложусь спать и вижу следующую сцену, — говоришь ты. — Я во сне путешествую в Машинный город, а утром пишу следующую главу о своем путешествии!

Поработав на свежую голову над своим романом, ты усаживаешься поудобнее в кресло-качалку и берешься за книгу. Чаще всего это Маршак, которого ты особенно любишь в эту осень. И хотя ты давно умеешь читать про себя, но Маршака ты читаешь на полную громкость, с чувством, с упоением. И это упойтельное чтение приходится как раз на то время, когда я, управившись по хозяйству, сажусь за машинку — за свою повесть. Так и работаю — под Маршака. Но, странное дело,

мне это нисколько не мешает, как не мешает музыка ветра и дождя за окном...

И все это — монотонный стук дождя по стеклу и веселый стук машинки, твой вдохновенный голосок и зарождающаяся мелодия повести — все это сливается для меня в неповторимую музыку этой осени, которая остается во мне навсегда...

Продолжение следует

«Счастливым ему путь!..»

К 175-летию
со дня рождения
П. П. Ершова

*За горами, за лесами,
За широкими морями,
Не на небе — на земле
Жил старик в одном селе.
У крестьянина три сына...*

Так начинается сказка сказываться; а читает ее весной 1834 года перед большой студенческой аудиторией (вместо лекции) близкий друг А. С. Пушкина, профессор изящной словесности Петербургского университета, поэт, критик, издатель, журналист П. А. Плетнев.

Студенты захвачены увлекательным сказочным сюжетом, вслушиваются в простую и в то же время эмоциональную, меткую народную речь. И почти никто из них не знает, что автор удивительной сказки «Конек-Горбунок» находится рядом; им является их однокурсник — девятнадцатилетний студент философско-юридического факультета, сибиряк Петр Ершов.

На создание «Конька-Горбунка» Ершова вдохновили появившиеся в то время волшебные сказки А. С. Пушкина. Пушкин был и одним из первых оценщиков произведения молодого автора. А оценка его была такова: «Теперь этот род сочинений можно мне и оставить!»

В 1834 году первая часть сказки «Конек-Горбунок» печатается в одном из лучших журналов тех лет — «Библиотеке для чтения». Сказке предпослано такое предисловие главного редактора журнала О. И. Сенковского (более известного как Барон Брамбеус): «...Читатели сами оценят ее достоинства, — удивительную легкость и

ловкость стиха, точность и силу языка, любезную простоту, веселость и обилие удачных картин». В этом же году «Конек-Горбунок» выходит отдельным изданием.

Впрочем, сказка П. П. Ершова получает не только положительные отзывы, есть и отрицательные. Так, например, в рецензии на «Конька-Горбунка» под псевдонимом (— он -инский), опубликованной в 1835 году в широко известной тогда московской газете «Молва» — литературном приложении к журналу «Телескоп» (редактор-издатель Н. И. Надеждин), — отмечалось, что «сказки созданы народом: итак, ваше (писателей.— В. К.) дело списать их как можно вернее под диктовку народа, а не подправлять и перделывать.

...В вашей сказке будут русские слова, но не будет русского духа, и потому, несмотря на мастерскую отделку и звучность стиха, она нагонит одну скуку и зевоту. Вот почему сказки Пушкина, несмотря на всю прелесть стиха, не имели ни малейшего успеха. О сказке Г. Ершова — нечего и говорить. Она написана очень не дурными стихами, но, по вышеизложенным причинам, не имеет не только никакого художественного достоинства, но даже и достоинства забавного фарса. Говорят, что г. Ершов молодой человек с талантом; не думаю...» За подписью (— он -инский) стоял главный сотрудник Н. И. Надеждина — молодой Виссарион Белинский.

К счастью, будущий великий русский критик ошибся. Вслед за В. А. Жуковским, А. С. Пушкиным, Н. В. Гоголем, незадолго до литературного дебюта Ершова выступившим в свет «Вечера на хуторе близ Диканьки», и В. И. Далем (сказочником Казаклом Луганским, впоследствии автором «Толкового словаря живого великорусского языка»), автор «Конька-Горбунка» на основе литературных и фольклорных традиций продолжил дело демократизации русской литературы, введя в нее героя из крестьян, заговорившего живым, полновзвучным народным русским языком.

Общественный интерес к сказке был огромен. Сам Ер-

шов свой неожиданный литературный успех объяснял очень просто: «Вся моя заслуга тут, что мне удалось попасть в народную жилку. Зазвенела родная — и русское сердце отозвалось».

В этой веселой народной поэме мы встречаемся с обаятельным народным сказочником. Шедрой рукой рассказывает он русские самоцветы — присказки балагурного характера, традиционные сказочные формулы, настраивающие слушателя на определенный лад, образные народные речения: «Та-ра-ра ли, та-ра-ра! Вышли кони со двора; Вот крестьяне их поймали Да покрепче привязали. Сидит ворон на дубу, Он играет во трубу»...

После третьего издания в 1843 году «Конек-Горбунок» за свою сатирическую направленность был запрещен. Только после смерти Николая I (1855) со сказки был снят цензурный запрет.

14 июня 1856 года Ершов писал: «Конек мой снова поскакал по всему русскому царству. Счастливым ему путь!.. Заслышав тому уже 22 года похвалу себе от таких людей, как Пушкин, Жуковский и Плетнев, и прощаясь в это время во всю долготу и широту Русской земли, он... тешит люд честной, старых и малых, и сиdney, и бывалых, и будет тешить их, пока русское слово будет находить отголосок в русской душе, т. е. до скончания века».

Итак, началось триумфальное шествие сказочных героев. К началу XX века сказка Ершова переиздавалась около 20 раз большими по тому времени тиражами. Кроме того, по России распространялись многочисленные подражания, подделки под ершовскую сказку. «Конька-Горбунка» взяли на вооружение издатели любочной литературы. Их книги носили такие названия: «Конек-Горбунок» в подражание П. Ершову; «Новый «Конек-Горбунок», или Рассказы Фомы старичка про Ивана-дурачка»; «Новейший Конек-Горбунок» и т. п. Появились разнообразные настольные игры «Конек-Горбунок», одноименный балет, спектакль, кукольное представление...

В годы первой русской ре-

волюции на книжном рынке появилась написанная на ершовские мотивы сказка профессионального революционера С. А. Басова-Верхоянцева «Конек-Скакунок» (другое название — «Шапка-Невидимка»), содержащая сатиру на самодержавный строй. Сказочный царь Берендей отдает такие приказы: «Войску выступить в поход, Усмирить везде народ. Крикунам плетей отвесить, Всех ораторов повесить, Депутатов же схватить. По острогам рассадить». Как отмечалось в рапорте Казанского комитета по делам печати в Главное управление от 28 мая 1907 года, «под видом событий, имеющих якобы место в каком-то сказочном царстве, автор изображает волнение рабочих 9 января 1905 года, аграрные беспорядки, забастовку, вооруженное восстание, созыв и роспуск Думы, вообще все события последнего времени, причем позволяет себе дерзкие и возмутительные выходы не только по адресу войск и правительственных лиц, но не останавливается даже и перед оскорблением верховной власти...»

2 июня 1907 года всем губернаторам и градоначальникам России была направлена телеграмма за подписью министра внутренних дел П. А. Столыпина: «...Сказка... подлежит конфискации».

Между тем ершовский «Конек-Горбунок» и Иван продолжал свой путь. А на долгом пути встречается разное: и хорошее, и плохое.

Через сто лет после своего появления «Конек-Горбунок» снова, правда ненадолго, пришел не ко двору. Редакторы-комментаторы книги «Конек-Горбунок» (1934) издательства «Academia» усмотрели (с пристрастием) в сказке Ершова апологию кулачества, «историю одной замечательной карьеры сына простого деревенского кулака, поднявшегося до царя... с привезенной из-за моря дворцовой интриганкой» (подробно об этом в книге В. Г. Уткова «Дороги «Конька-Горбунка». М., 1970). Смешно? Но в те времена было не до смеха. Над страной под бодрые песни и ночные звонки спускались зловещие сумерки сталинизма...

Но невозможно убить на-

родную песню, ставшую народной сказку, дух народа, тягу его к справедливости.

И в наше время скачет Конек-Горбунук с Иваном по стране. Не жалея сердца и души, по-прежнему зовут они к правде и борьбе за нее.

Герои наши в дороге уже давно. Не опоздать бы за ними и нам.

В. КАСАРКИН

Для детей

В мире растений

Обзор книг

Даже великий знаток природы Карл Линней долго не мог решить, куда отнести грибы — к растениям или к животным. Лишь сто лет назад ученые наконец твердо решили, что грибы — растения. Правда, растения очень необычные и очень многообразные. Вот что рассказывает, к примеру, А. Смирнов в третьем томе «Мира растений» о домовом грибе со странным названием «мерулиус плачущий»:

«За рубежом он пакостил давно. У нас заметили с конца прошлого века. События развивались стремительно. 1878 год. В Брест-Литовске в новеньком, только что отстроеном здании неожиданно проваливаются полы. Не успевают произвести ремонт, как рушится алтарь в городском соборе. В аварийных зданиях и подвалах находят коричневую пыль, которой не замечалось раньше. Анализ показывает, что это споры самого опасного из домашних грибов — мерулиуса плачущего.

Гриб не только съедает полы. Он проникает в комнаты, забирается в шкафы, в гардеробы, уничтожает бумаги, книги, одежду, постельное белье... В Омске выводит из строя здание городского архива. Гибнут ценнейшие документы...»

Не менее интересно рассказано в третьем томе «Мира растений» и о многих других редких и широко известных растениях: соснах и можжевельниках, орляке и кукушкином льне, сморчках, опенках, мухоморах, морской капусте, пепельнике... Легко догадаться, что трехтомник «Мир растений» (первая книга вы-

пушена «Молодой гвардией» в 1979-м, вторая — в 1981-м, а третья — в 1982 году) — энциклопедическое издание.

Книги энциклопедического характера найдутся и для ребят младшего школьного возраста. Так, несколько лет назад в «Детской литературе» появилась книжка Н. Надеждиной «Во саду ли, в огороде...» Казалось бы, что можно рассказать об овощах? Но лучше не спешить с выводами, а раскрыть книгу и прочесть хотя бы начало одного из рассказов — о баклажанах:

«Что это за ягода: горькая, да не рябина, черно-лиловая, да не черника? Собирают ее не в лесу, не в саду, а на огороде. Что это за ягода, которая не помещается во рту? Если не верить, что на огороде растут ягоды, разрежь ножом баклажан, разрежь томат и увидишь: у них, так же как у черники, смородины и других ягод, в сочной мякоти множество мелких семян...»

Из книги Н. Надеждиной узнают маленькие читатели, что есть мак-утешитель, мак-кондитер, мак-осветитель, мак-художник. Что среди овощей есть «спринтеры» — редис и салат. Что растения могут и враждовать и дружить: картофель, например, не болеет, если растет по соседству с коноплей.

Почему одно растение может жить там, где холодно, а другое — там, где жарко? Почему одни растения образуют леса, другие — степи, тайгу, тундру? Ответы на эти вопросы ребята найдут в другой маленькой энциклопедии, выпущенной издательством «Детская литература» в 1981 году. Называется эта книжечка «Где у растения дом». Автор ее — Я. Марголин.

О карликовой березке — одном из арктических растений, способном переносить морозы до 60 градусов, рассказывает маленьким читателям книга Г. Снегирева «Чудесная лодка» (М., Дет. лит., 1982).

Деревья, по мнению американского ученого-дендролога Э. Меннинджера, вообще заслуживают гораздо большего внимания. «Есть много такого, во что трудно поверить, даже если это правда, — пишет Меннинджер в одной из глав своей книги «Причудливые деревья», выпущенной несколько лет назад издатель-

ством «Мир». Тем более если речь должна пойти о том, что деревья в лесу способны на нежную привязанность друг к другу... Два дерева проникаются такой любовью друг к другу, что решают объединить свои усилия в борьбе за существование и расти как одно, — каким образом это можно объяснить?»

«Слышат» ли растения?» — так назвала Г. Денисова одну из глав своей книги «Удивительный мир растений» (2-е издание этой книги появилось в издательстве «Просвещение» в 1981 году). Многочисленные опыты, поставленные исследователями разных стран, показали, что растения определенным образом реагируют на звуки, в том числе на музыку. У них даже выявлены «музыкальные вкусы». Австралийские садоводы, к примеру, утверждают, что банан дает более крупные плоды, если вблизи от него в течение долгого времени по несколько часов в день играет музыка, в которой преобладают басовые ноты. А в Канаде был проделан такой опыт: в три изолированных отсека посеяли пшеницу. В первом отсеке круглые сутки гудел бас, во втором — пел высокий голос, а в третьем — соблюдалась полная тишина. Оказалось, что пшеница, «слушающая» басовую музыку, дала почти в четыре раза больше побегов, чем та, что росла в тишине. Высокий голос тоже повысил урожай, но вполтину меньше, чем бас. Некоторые ученые считают, что росту растений способствует только классическая музыка, а джазовая его задерживает.

О чем еще рассказывается в главе «Слышат» ли растения? О том, как влияют на жизнь растений магнитное и электрическое поля Земли. О том, что любая растительная клетка представляет собой своеобразную электрическую батарейку. Что есть растения очень чувствительные к изменениям погоды: горечавка альпийская, например, моментально захлопывается всякий раз, как только на солнце набегают тучка. Не менее интересную информацию содержат и другие главы этой книги: «Растения-хищники», «Зеленые храбрцы», «Растения против огня», «Зеленые разведчики», «Правое и левое в мире растений...» «Мне хочется, — пишет Г. Денисо-

ва, — чтобы после прочтения этой книжки во время прогулок или экскурсий вы более внимательно смотрели бы на знакомые вам деревья и травы, стремясь понять суть увиденных вами явлений; чтобы вы почувствовали себя частью окружающей вас природы и старшими братьями всех существ, живущих рядом с вами».

Встречается в среднерусских лесах цветов с необычным названием — «венерин башмачок». Растет в нашей стране хвойное дерево, которое, как ни странно, опыляется пчелами. Когда оно цветет, в роще стоит медовый аромат. А в Крыму есть такое дерево, цветы которого похожи на ландыш, а ягоды напоминают по виду спелую землянику. Об этих и многих других цветах, деревьях, травах, жизнь которых «висит на волоске», рассказывает В. Ветлина в своей книге «Ускользающие жемчужины», вышедшей в издательстве «Мысль» в 1981 году. И убеждает: усилиями одних только специалистов не спасти исчезающие растения, тут каждый гражданин должен внести свою лепту.

Разумеется, хороших книг о растениях значительно больше, чем было названо здесь. Есть, например, книжечка-картинка Н. Надеждиной «Про матушку тышку и ее замечательное семейство» и фотокнижка Ю. Дмитриева «Хоровод лепесточков». Обе — для дошкольников. А для ребят младшего школьного возраста — «Большая книга леса» (того же Дмитриева) и «Заколдованное дерево» Н. Осипова. Подростков привлекают книги Н. Верзилина «Путешествие с домашними растениями» и «По следам Робинзона».

Всего не перечислишь, да и нет в этом необходимости. Проще найти библиографическое пособие «Флора и фауна», выпущенное издательством «Книга» в 1978 году для учащихся пятых — седьмых классов, в котором рекомендуются самые различные книги. Есть и другое библиографическое пособие — «Наш общий друг — природа» (М.: Книжная палата, 1988). Оно адресовано учащимся шестых — восьмых классов и посвящено одной из глобальных проблем — охране природы. А в разделе «Юным защитникам приро-

ды» можно найти литературу для юных садоводов, овощеводов, цветоводов, хлеборобов.

Г. РУМЯНЦЕВА,
главный библиотекарь
Государственной
республиканской детской
библиотеки
РСФСР

«Недаром дети любят сказку...»

Борис Бегак. ПРАВДА
СКАЗКИ: Очерки / Художник В. Сергеев. — М.: Детская литература, 1989.

Перед нами последняя книга старейшего советского «детского» критика и, к слову сказать, давнего автора «Семьи и школы». Последняя в самом буквальном и самом печальном смысле: в момент, когда пишутся эти строки, Бориса Александровича уже нет в живых.

В далекие 30-е годы написал он свою первую статью, посвященную вопросам детской литературы. И хотя обязанности «детского» критика он долгое время сочетал с другими, не всегда близкими детской литературе профессиями (работал на радио, в Гостройиздате), своему призванию критика он не изменял на протяжении полувека, с небольшим перерывом в конце 40-х годов, когда неожиданно загадочно угодили в разряд «безродных космополитов»...

Не знаю, как насчет «безродности», а к космополитизму он имел лишь то отношение (на сегодняшний взгляд вполне привлекательное), что знал несколько европейских языков и проблемы литературы и искусства привык рассматривать «на уровне мировых стандартов».

Не изменяет он себе и на сей раз, хотя формально ограничивает свои живые, непринужденные беседы о сказке и сказочниках рамками советской литературы для детей.

Беседы эти друг на друга не похожи. Иногда они — об отдельных литературных сказках («Трех толстяках» Ю. Олеси, «Празднике непослушания» С. Михалкова или повести В. Медведева «Баранкин, будь человеком!»), о сказочной теме в творчестве того или иного писателя (А. Гайдара, В. Каверина, Н. Носова, А. Волкова, А. Шарова, Э. Успен-

ского, В. Сутеева), а есть и такие, где речь идет о нескольких сказочниках сразу (такова, например, последняя, пятнадцатая, беседа — «Сказка-несказка», где говорится о произведениях М. Пришвина, К. Паустовского, В. Бианки, И. Соколова-Микитова, Г. Скребицкого и Г. Снегирева).

Имена, как видим, выбранные разные — и по характеру, и по масштабу таланта. Вероятно, кое-что в этом выборе можно было подправить: странновато, скажем, что в книге есть очерк о сказках Е. Пермяка и нет — о сказках его учителя — Павла Бажова. Думается также, что на фоне таких имен, как тот же Е. Пермяк, В. Медведев или В. Смирнова (замечательный критик, но, увы, заурядная сказочница), М. Пришвина, К. Паустовский или В. Бианки вполне заслуживали отдельных бесед; но личные пристрастия автора — дело святое. Тем паче, что перед нами не научная монография, а вольный сборник, автор которого имеет полное право на собственный выбор.

В своих коротких беседах-очерках, занимающих в книге всего по несколько страничек, Б. Бегак успевает сказать — пусть и бегло — о творческом пути писателя, о том, как рождался его сказки, и о мере своеобразия их. А яркие, броские детали, подмечаемые автором даже в самых известных сказках, заставляют читателя (пожалуй, прежде всего родителей, а также учителя, библиотекаря, пионервожатого — вообще воспитателя) о многом задуматься.

Случайно ли, скажем, имя популярнейшего гайдаровского героя Мальчиша-Кибальчиша перекликается с фамилией отважного русского ученого и революционера Николая Кибальчица? Видимо, не случайно, если одной из любимых книг Гайдара в отрочестве была книга С. М. Степняка-Кравчинского «Подпольная Россия». Степняк-Кравчинский и Кибальчиц — не только современники, но и во многом единомышленники, собраты по революционной борьбе.

А случайно ли присутствие Знайки и Незнайки в популярнейшей сказочной трилогии Николая Носова? Тоже вряд ли. Потому что свою родословную его «коротыш-

ки» ведут от крохотных лесных человечков из сказочной повести Анны Хвольсон «Царство малюток», впервые вышедшей еще в начале века... нет, не в Скандинавии, откуда родом все гномы, а в России, в некогда знаменитом петербургском издательстве Маврикия Вольфа. Среди персонажей этой повести были и Знайка и Незнайка.

Другое дело, что, в отличие от Анны Хвольсон, советский писатель Николай Носов дал иное применение своим гномам. Книги его про Незнайку и глубже, и серьезней, и увлекательней.

Помня, что пишу я все же не некролог, а рецензию, позволю себе отметить и кое-какие разногласия с автором.

Думаю, что не стоило гальванизировать давно устаревшую сказку Веры Смирновой «Заморяне», где американцы изображаются только «похожими» на людей. Ссылка на горьковские очерки об Америке тут не срабатывает: ведь «Город Желтого Дьявола» и другие вещи этого цикла в нынешнюю эпоху сами неизбежно подвергнутся «уценке».

Серьезного пересмотра по нынешним временам требует и популярнейшая сказка Л. Лагина «Старик Хоттабыч». Глава, посвященная этой повести, — пожалуй, единственная в книге, где авторскому взгляду явно недостает пристальности и глубины. Сегодня хорошо видно, что Л. Лагин столкнул своего обаятельного джинна не с советской жизнью вообще, как он пытается изобразить, а лишь с ее рекламной вывеской. «Советские» сцены «Старика Хоттабыча» изображают нашу жизнь примерно в том же плане, в каком рисуется она в хрестоматийных, но, увы, насквозь фальшивых строчках В. Лебедева-Кумача, прозвучавших в самом разгар сталинского террора:

*За столом никто у нас не лишний,
По заслугам каждый награжден...*

Сегодня, когда о «закрытых» столовых и прочих «спецзаведениях» пишет массовая печать, эти всем известные строки звучат уже откровенным издевательством...

В сказке Л. Лагина пионер Женя, по воле Хоттабыча проданный в рабство, попадает куда-то на Восток и

вместо страданий ощущает полный триумф как советский мальчишка, посланец страны социализма. Думается, если бы Л. Лагин хотел написать действительно правдивую сказку на материале той эпохи, он должен был послать Женю куда-нибудь в колымские лагеря, которые в пору создания сказки (1939 год!) были в самом расцвете... Разумеется, дико было бы думать, что подобная сказка, да еще для детей, могла бы тогда увидеть свет, но ведь Л. Лагин дожил до времен, когда правда о сталинских временах была обнародована публично, — и тем не менее он и тогда не приблизил свой сюжет к правде ни на один миллиметр...

Впрочем, это уже упрек писателю, а не критику. Относительно же Б. Бегака стоит напомнить, что хотя его книга и помечена 1989 годом, но писалась-то она двумя-тремя годами раньше. И судить ее с позиций сегодняшнего дня было бы не вполне резонно.

В целом же книга интересная и актуальная. Ведь «борьба за сказку», которую пришлось вести в 20—30-х годах К. Чуковскому и его собратьям по детской литературе, продолжается до сих пор. Только теперь, как замечает Б. Бегак, «бороться приходится уже не с теми, кто когда-то стал поперек дороги благотворной сказочной фантазии, а преимущественно с теми, кто пренебрегает ею, забывая о ее величайшей воспитательной речи».

Сами же дети всегда были от сказки в восторге. Причину этого хорошо объяснил поэт Валентин Берестов в стихах, посвященных Корнею Чуковскому:

*Недаром дети любят сказку:
Ведь сказка тем и хороша,
Что в ней счастливую развязку
Уже предчувствует душа.
И на любые испытанья
Согласны храбрые сердца
В нетерпеливом ожиданье
Благополучного конца.*

С. КОНЕВ

календари

Утро года

(Что мы знаем о марте)

В календаре древних римлян за начало года был принят месяц, на который приходился день весеннего равноденствия. Он назывался примидилсом по своему порядковому (первому) номеру. В VII веке до нашей эры произошла реформа этого календаря. Первый месяц года и весны тогда был назван мартусом в честь мифологического бога войны Марса, который был призван так же защищать мирный труд, а первоначально почитался как бог земледелия и скотоводства, защитник полей и стад.

В нашей стране и в Болгарии именуют этот месяц мартом, на Украине созвучно этому он — мареш. Однако многие народы называют его по-своему: поляки — мажец, сербы — оужайак, чехи — бржезень. А болгары зовут его ещё и так — лажу.

У славян март также известен под названием *березозоласвистуна*: по утрам зол еще бывает по-зимнему крепкий морозец, ветер свищет холодом в березовых кронах. *Ветроносом, свистухой и свистуном* назывался март за вой холодного ветра и потому, что *везде суйт он свой нос, задирает курам хвост*. В русском народном календарном фольклоре березозолу-свистуну отводилась своеобразная роль зазывалы весны.

Водотёком, протальником, дозорщиком звался март из-за быстрого снеготаяния и появления на земле первых проталин и прогалин, разрушения зимних путей-дорог.

Пярником март нарекали за то, что от просыхающей земли тёплый парок поднимается, с вешних полей пахучим ветерком тянет. *Огородником* — потому, что на огород позвал, пора замачивать семена и проверять их на всхожесть. Март также первенец весны, *весновка, весновой* — вестник тёплых дней, теплом привлекает (тепло веет, стариков греет).

И хотя в марте с крыш капает, но за нос мороз еще крепко цапает; от капели до мороза ровно полшага. Поэтому, видно, недаром нарекли март наследником февраля, его младшим и меньшим братом, позимьем и перезимником, изломом зимы и зимобором — он с зимой борется, за сердце её теплом хватает. Однако март-марток велит порой натягивать двое, а то и семеро порток, побелит стога, коварен для садов. Он же и катыш, детворе утеха — зима на исходе, торопится на санках накататься вволю.

Пробуждается от зимнего сна природа. Отсюда такие у марта имена — утро весны и утро года, пора воробьиных дуэлей и синичьих песен, проба голосов

птиц-зимовщиков: овсянок, пшух, поползней.

В X веке, с принятием христианства на Руси, Новый год начинался 1 марта, когда принимались за весенние сельскохозяйственные работы. Возможно, именно потому, что с марта весна начинается, чехи первый день марта называют *летницей*, что означает «новичок». Новичком этот день, день рождения весны снежной именовали и в Древней Руси. В ряде стран мира в разные времена Новый год также приходился на март, причем на различные его дни. Таким образом, и весь месяц март в известном смысле можно считать новичком.

У древних славян деление года на сезоны определялось природными явлениями. Первоначально год разделялся всего лишь на две половины — летнюю и зимнюю — и начинался с первого вешнего месяца марта. Древние веровали, что именно с этой поры природа пробуждается от зимнего сна к жизни. Нашим предкам времена года представлялись не отвлеченными понятиями, а живым воплощением стихийных богов и богинь, которые поочередно нисходят с небес на землю и устанавливают на ней свое владычество.

Метеорологическая весна начинается с устойчивого перехода средней суточной температуры воздуха через ноль градусов в сторону тепла. Астрономическая весна не зависит от капризов природы и наступает в северном полушарии всегда в один и тот же день — 20(21) марта, в день весеннего равноденствия.

По астрономическим данным жизнь весны короче лета, но продолжительнее осени и зимы. Она длится 92 дня и 21 час, завершаясь 21 (22) июня. По гражданскому календарю длится 92 дня — по 31 мая включительно. На Руси весна в далекие времена оканчивалась 20 июня. Начинаясь же она не с 1 марта, а гораздо позднее. В сохранившейся рукописи XVI века сказано, что весна длится «от Благовещеньева дни (т. е. 25 марта), а в ней 90 и день и четверть дни». В рукописи XVII века записано, что весна «начинается от 24 марта луны до 24 июня...»

Метеорологическая и фенологическая весны различны для разных регионов страны. Никогда они не наступали одновременно на всем полушарии. По многолетним наблюдениям на большей части Северного полушария метеорологическая весна начинается 12 марта и продолжается до 5 мая. В Москву фенологическая весна, как правило, приходит раньше, чем в Ленинград.

Весна... Интересно само название этого времени года. Слово это очень древнее. Оно встречается в белорусском, украинском, польском, словацком и чешском языках. Его первоначальное значение сопоставляют со значением корня глагола «светить». А в болгарском языке

понятие весна передается словом «пролет», т. е. время перед летом.

Согласно именного календаря в марте именинниками будут по дням: 1 — Даниил, Иулиан и Павел, 2 — Федор, 3 — Лев, 4 — Григорий и Евгений, Макарий и Богдан, 6 — Тимофей, 7 — Филипп, 8 — Александр и Иоанн, 10 — Тарасий, 12 — Григорий, 13 — Василий и Николай, Кира и Марина, 14 — Антонина и Евдокия, 15 — Арсений и Богдан, 17 — Вячеслав и Василий, Даниил и Иаков, 18 — Давид, Марк и Федор, 19 — Аркадий, 20 — Евгений и Ефрем, 21 — Лазарь, 22 — Александр, Валерий и Леонтий, 23 — Виктор, Галина и Ника, 25 — Симеон, 26 — Александр и Христина, 27 — Ростислав и Терентий, 28 — Александр, 29 — Александр и Георгий, Иулиан и Трофим, 30 — Алексей, Макарий и Ефросинья, 31 — Павел и Трофим.

В. МИРОНОВ

своими руками

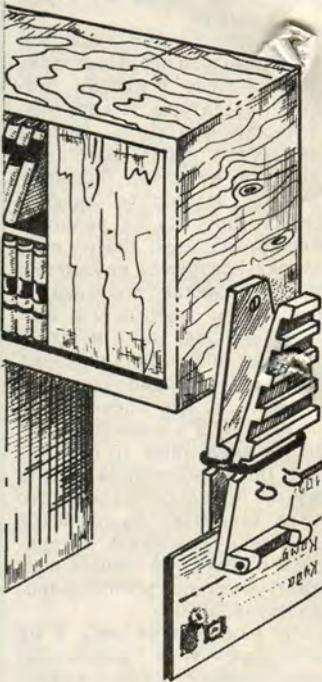
Крокодилья хватка

В тридцатые — сороковые годы, во времена первых ручек и арифмометров, существовало довольно много канцелярских хитроумностей — приспособлений, облегчающих жизнь среди бумаг и документов. Надо сказать, что большую часть их мы явно рано списали в утиль хотя бы потому, что порядок на письменном столе и среди бумаг приучает подрастающее поколение к порядку в работе, в чтении, в мыслях, наконец. Одна из таких забытых при-

надлежностей — держатель для бумаг. Конечно, нам сейчас не смастерить такую популярную некогда цепкую лапку из бронзы или латуни, но и наш деревянный крокодил неплохо будет держать памятку школьных дел, или расписание уроков, или конверты с нужными адресами. А сделать крокодила совсем просто.

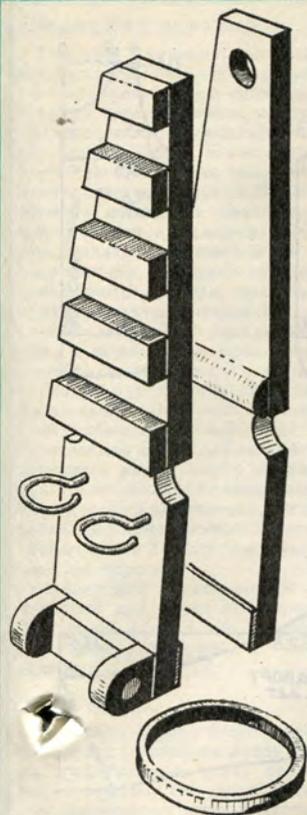
Разметив, выпиливают из фанеры или дощечки толщиной 5—6 мм спину и живот крокодила, благо, что они одинаковые. Общий размер выбирается произвольно. На выпиленную деталь спины наклеивают бруски из того же материала, которые и создают, собственно, и хвост, и нос. Глаза делают из обрезков толстой проволоки, вставляя их в заранее просверленные отверстия близ «шей» крокодила.

Как же «работает» крокодил? Он держит бумаги своими челюстями, а сжимает их с помощью алтечной резинки, надетой ему на «шею» (на выемку в корпусах спины и живота сразу за пастью). Качество держа-

ния бумаг зависит в большой мере от натяжения резинки, стягивающей челюсти. Чтобы бумага не выскальзывала из держателя, на самый край внутренних поверхностей челюстей хорошо бы приклеить по кусочку резины — хотя бы кусочки резинового бинта, продающегося в аптеках.

На конце хвоста крокодила (со стороны живота) надо сделать отверстие, чтобы повесить его над столом или на книжный шкаф. Крокодил весь зеленый, пасть красная, ноздри желтые. Красить его лучше масляными красками. Резинки на челюсти наклеить до окраски, а стягивать

шею крокодила аптечными резинками — после, когда детали просохнут.

С. НОВИКОВ
г. Орел

живой уголок

Добро пожаловать, хомячок!

Когда я училась классе в четвертом, в Москве была мода на... хомячков. Их то и дело показывали по телевизору, их дарили популярным артистам. Многие взрослые покупали их для своих детей. И мне очень хотелось хомячка. Легко ли было устоять перед соблазном иметь дома такого забавного зверька? Родители не особенно радовались этой идее, и тогда мы с тетей и братом тайком от них отправились в зоомагазин и купили таки хомячка-альбиноса Федю. Я победила сопротивление родных, я не отстала от ровесников, давно державших хомячков в квартире! Но эта радость быстро сменилась растерянностью. К приему Федя я совершенно не была готова. Я не знала, где его поселить, и посадила в старую птичью клетку (в первую же ночь хомячок прогрыз в дереве дыру и сбежал). Меню для Федя я составляла наугад,

не очень представляя, чем его сородичи питаются в природе. И была несколько обескуражена, когда один знакомый сказал, что моему воспитаннику больше подошло бы, например, имя Маша. Быт хомячка в нашей квартире налаживался постепенно. Со временем я все-таки научилась ухаживать за ним, зверек стал совсем ручным. Но, наверное, скольких ошибок можно было бы избежать, зная я еще перед покупкой чуть-чуть побольше! Чтобы моя «история» повторялась как можно реже, предлагаю читателям некоторые сведения о хомячках, которые, надеюсь, помогут лучше устроить их жизнь дома.

Хомячки — небольшие зверьки (их длина 10—22 см) из отряда грызунов. В природе их родственники хомячки (более крупные животные) живут в норках. Питаются семенами разных растений, стеблями и корневищами трав. Запасая в своих подземных кладовых килограммы зерен культурных злаков, наносят немалый вред сельскому хозяйству. В домашних же условиях держат не хомячков, а хомячков. Лучше покупать их в зоомагазине или брать у знакомых; ни в коем случае не пытаться брать их из дикой природы. Чаще всего обитателями школьного или домашнего живого уголка становятся золотистые хомячки или хомячки-альбиносы (лабораторная форма золотистых хомячков). Встречаются и джунгарские (серые с черной полоской на спине) или похожие на них серые хомячки (без черной полосы).

Держать хомячков надо в стеклянных или проволочных садках, в аквариумах. Можно поместить зверька и в птичьей клетке; но не забывайте, что хомячки хорошо грызут дерево. Могут посягнуть и на металлические прутья; (их, конечно, не одолеют, но доставят вам «удовольствие» послушать «хэви металл» в собственном исполнении). На дно садка или аквариума насыпьте сухие опилки. Менять их надо регулярно (и ежедневно — в том месте, где хомячок устроит себе уборную). Тогда не возникает специфический запах, и никто не сможет сказать про ваших любимцев: «Противные!» Помогите зверькам устроить свой домик-гнездышко. На дно садка поставьте вверх дном небольшую картонную коробку (например, от рафинада), с отверстием сбоку для входа. В качестве дополнительного строительного материала хомячкам понадобится ватка, солома, пакля или лоскутки ткани.

Меню хомячков может быть самым разнообразным; но помните, что в природе эти животные преимущественно вегетарианцы. Основным сухим кормом для них может стать овес, ячмень, другие зерна, горох или фасоль. Как лакомство изредка предлагайте хомячкам семена подсолнуха. Обязательно надо давать зверькам и сочный корм — разные овощи и фрукты,

булку, размоченную в молоке, летом — семена и плоды разных трав. Порадуются хомячки и добавочному корму — вареному мясу, творогу. Только не надо угощать своих воспитанников различными копченостями (колбаса, окорок, сыр), предлагать им конфеты. Этих продуктов они не знают в природе, и отдавая их, могут отравиться. Наблюдать хомячков во время их трапезы очень интересно. Особенно уморительны они, когда, стоя на задних лапках, передними аккуратно подносят ко рту лакомый сухарик или веточку. «Как человек!» — улыбаясь хозяева и подсовывают питомцу все новые порции еды. Но не увлекайтесь кормлением животных! От постоянного перекармливания они жиреют, а срок их жизни, как это ни грустно, сокращается. (Кстати, на примере хомячков видно к чему вообще ведет перекармливание).

Купать ли хомячков? Этот вопрос беспокоит многих их хозяев. Хомячки — чистоплотные животные, за своей шубкой они следят сами. Поэтому специальные водные процедуры для зверьков устраивать не надо. Лучше поберегите их от сквозняков. Простудившись, хомячок скорее всего погибнет. Конечно, никому из хозяев хомячков не хочется и думать об этом. Большинство заботится о благополучном продолжении хомячьего рода в домашних условиях. Как не ошибиться подбирая парочку? Ведь поселив в садке, например, двух симпатичных пушистых «дам», потомства от них не дождешься. Пол животных можно определить по расстоянию между анальным (у основания хвостика) и мочеиспускательным отверстием. У самок они расположены очень близко друг от друга, у самцов — гораздо дальше. Этот метод определения пола применим для всех грызунов.

Как только станет заметно, что самка готовится принести потомство, самца от нее лучше отсадить. Иначе агрессивность будущей матери скажется на боках и хвосте мужа. Беременность у хомячков длится 16—19 дней. Детеныши появляются на свет голыми и слепыми. Этот период потребует от вас большой осторожности! Как бы вам ни хотелось получше рассмотреть новорожденных, избегайте их руки, приласкать, не делайте это! Чужой запах останется на пальцах малышей, растревоженная самка перестанет их кормить и может загрызть хомячат.

Первое время после выхода из гнезда хомячат можно подкармливать рисовой кашей, вареным яйцом, протоквашей. На корм, столь любимый родителями, они перейдут постепенно.

Любуясь хомячками-малышами, радуйтесь, тому, что сумели создать условия для их появления на свет, не теряйте бдительности. Потомство хомячков подрастает быстро и в возрасте четырех месяцев само уже способно к размножению (!). Так

что небольшой домашний зоопарк можно быстро увеличить в несколько раз. Не трудно представить, чего больше он вам доставит — радости или хлопот.

И все-таки желаем вам больше радости от общения с животными!

Елена МИХАЙЛОВА

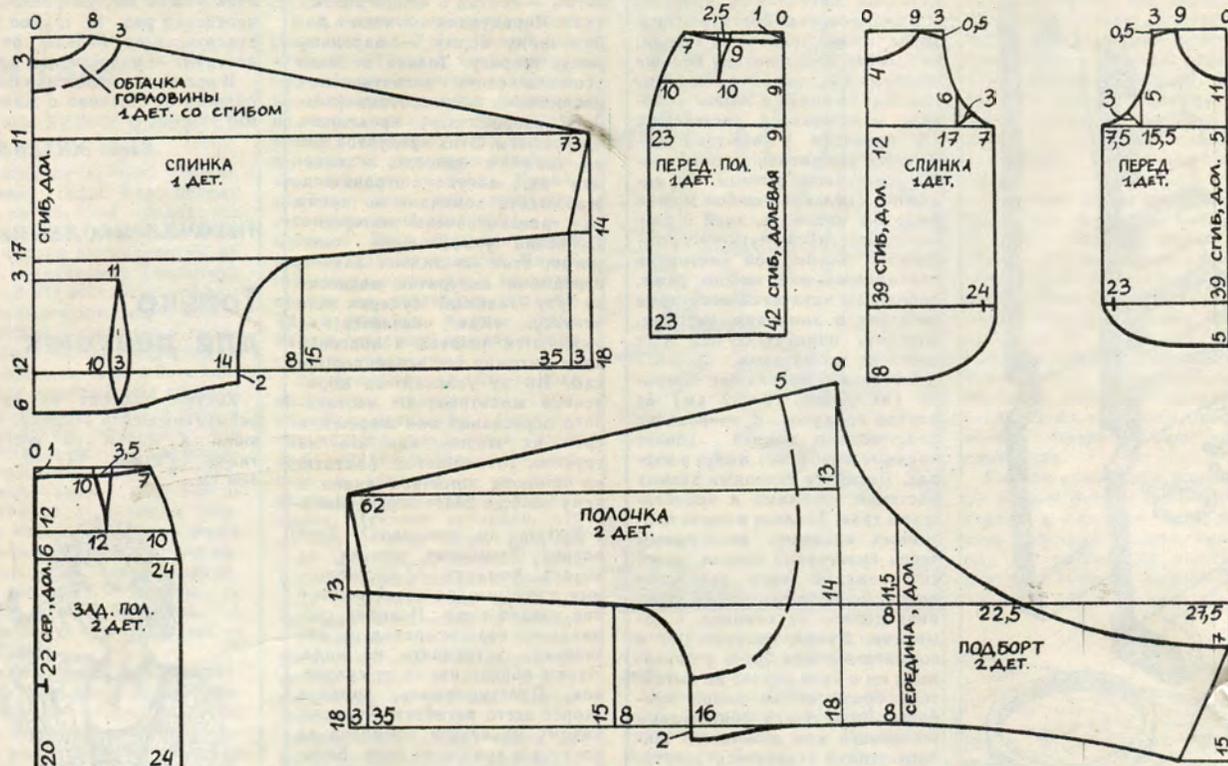
ниточка-иглочка

Только для девушек

Костюм состоит из блузки, завязывающейся спереди, узкой юбки и майки из шелковой ткани. Размер 44—46. Рост 160 см.

Такой комплект в гардеробе девушки 15—17 лет придется всегда кстати: если хочется выглядеть женственной — блузка, завязывающаяся «бантом», подчеркнет талию; свободная форма цельнокроенного рукава хорошо будет сидеть даже на полной девушке. Драпировка на полочках, образующаяся при стягивании банта в узел, смотрится очень красиво, если подобрать тонкую, легко драпирующуюся ткань: шерсть, крепдешин или модное сейчас трикотажное полотно с какой-нибудь оригинальной расцветкой. В моде мотив «огурцы», не слишком крупный цветочный узор,

насыщенные теплые цвета — бордовый, желто-коричневый, золотисто-песочный. Расход ткани на блузку при ширине 1,40 м — 1,50 м.

Узкая юбка из более плотной ткани (иначе она быстро потеряет форму) должна по цвету сочетаться с расцветкой блузки (к примеру, золотисто-песочный и изумрудный, лиловый и черный и т. п.). Сзади на юбке разрез, застежка на молнии. Расход ткани при ширине 1,40 м — 0,80 м.

Майка, которая пригодится всегда, ведь ее можно надеть к любому жакету осенью и к любым шортам летом, будет хорошо выглядеть, если использовать для нее крепдешин, искусственный или натуральный шелк. Горловина, проймы и низ майки обтачиваются косой бейкой. Ткань потребуется 0,75 м при ширине 1,40 м или 1,50 м при ширине 0,90 м.

Сшить такой комплект очень несложно. Для этого необходимо построить чертеж выкроек, внести в них изменения в соответствии с мерками, снятыми с конкретной фигуры, и выкроить.

Блузка: полочка цельнокроенная с передней частью рукава и бантом — 2 детали; подборт — 2 детали; спинка, цельнокроенная с задней частью рукава — 1 деталь; обтачка горловины спинки — 1 деталь.

Юбка: переднее полотнище — 1 деталь; заднее полотнище — 2 детали; пояс шириной 8 см (в готовом виде 3 см) и длиной, равной обхвату талии плюс 4—5 см — 1 деталь.

Майка: перед — 1 деталь; спинка — 1 деталь; косая бейка для обтачек — 2,50 м шириной 4 см.

Припуски на швы по срезам горловины, проймы, поясу — 1 см; по боковому, плечевому, среднему швам и верхнему срезу юбки — 1,5—2 см; на подгибку низа юбки — 5 см; низа рукавов — 2 см.

Шитье. На всех деталях отмечают середину и ставят контрольные знаки.

Перед началом шитья сметывают детали блузки и юбки и уточняют положение вытачек. Распарывают.

Блузка. Стачать вытачки на спинке и заутюжить их в сторону середины. Стачать плечевые швы и, не прерывая строчки, стачать верхние срезы рукавов. Припуски швов разутюжить.

Так же стачать боковые швы и локтевые срезы рукавов.

Нижние срезы рукавов подвернуть дважды на изнаночную сторону и подшить мелкими косыми стежками.

Горловину спинки чисто вытачать обтачкой и закрепить ее на спинке мелкими стежками (нитки должны быть в цвет ткани).

Чисто вытачать блузку подбортами. Пришить боковые срезы подбортов к боковым швам блузки, а плечевые срезы — к плечевым срезам обтачки горловины спинки.

Припуск на подгибку низа спинки отвернуть на изнанку и, подогнув, заметать.

Отстрочить в край, не прерывая строчки, низ спинки, поло-

чек, края банта, края полочек, горловину.

Приутюжить блузку.

Юбка. Стачать вытачки на переднем полотнище. Заутюжить их к центру детали. Стачать средний шов заднего полотнища между контрольными знаками. Стачать вытачки на заднем полотнище и заутюжить в сторону шва.

Стачать боковые швы.

Вшить молнию.

Пояс сложить пополам вдоль и чисто вытачать припуски под застежку. Притачать пояс к верхнему срезу юбки, подвернуть внутренний срез, пришить к шву притачивания. Отстрочить пояс в край по лицевой стороне.

Выметать петлю.

Подшить низ юбки.

Припуски разреза разутюжить на изнаночную сторону и пришить к подгибку низа юбки.

Пришить пуговицу к поясу и приутюжить юбку.

Майка. Стачать плечевые и боковые швы. Срезать припуски, по горловине и проймам. Горловину, проймы и низ майки окантовать косыми бейками: обтачать по лицевой стороне, совмещая срезы бейки, сложенной пополам вдоль, и срезы майки, отступая от края 0,5 см; затем бейки отогнуть на изнанку работы и отстрочить по лицевой стороне двойной машинной строчкой.

Приутюжить майку.

Л. БАГМЕТ
Рисунки автора

ГОТОВИМ ВКУСНО И ПИТАТЕЛЬНО

Пельмени

В разных уголках нашей страны можно попробовать различные изделия, которые отваривают в воде с разными фаршами. Самыми распространенными являются сибирские пельмени, которые формуют в виде «ушей» и начиняют мясным фаршем. Считается, первыми их готовили жители Приуралья. В условиях сурового климата часто приходилось брать с собой в дорогу полуфабрикат — блюдо, которое потом можно было без лишнего хлопота приготовить в котелке на костре. Отсюда же пришло к нам название *пельнянь* или *хлебное ухо*. В праздничные дни хозяйка в один из пельменей вместе с начинкой помещала пуговицу. Тот, кому доставался такой подарок, считался и считал себя счастливым. Узбеки часть мясного фарша заменяют бараниной и называют пельмени *чучвара*. Часто такого вида мучные изделия здесь формуют более крупных размеров и зашиповывают в середине, получая *манты*. В отдельных республиках нашей страны находятся почитатели этого блюда, хотя оно носит разные названия. На Украине любят готовить *вареники* с картофелем, грибами, капустой, ягодами, а в Грузии вам предложат *хинкали*. Нельзя забыть туркменские *этли борек*.

СИБИРСКИЕ ПЕЛЬМЕНИ

Говядину и свинину, репчатый лук пропускают через мясорубку. Полученный фарш солят, добавляют перец, немного молока или воды, чтобы получилась сочная масса. Затем замешивают крутое тесто из муки, яиц, воды и оставляют его минут на 20—30, посыпав мукой для предотвращения образования корки. Тесто раскатывают толщиной 2 см в виде полоски, нарезают кусочки одинакового размера, раскатывают маленькие лепешки. На середину лепешек укладывают фарш и зашпиговывают края. Формуют ушками, помещают на посыпанный мукой противень и замораживают. Пельмени отваривают небольшими порциями в подсоленной воде с добавлением лаврового листа, перца горошком. После закипания воды пельмени начнут подниматься, тогда добавляют немного воды, проваривают около 3 минут и откидывают на дуршлаг.

Говядина 300 г, свинина 200 г, репчатый лук, мука пшеничная 2 стакана, яйцо 1 шт., молоко или вода 1/2 стакана, соль, перец.

ЭТИ БОРЕК

Свинину пропускают через мясорубку с репчатым луком два раза, добавляют соль, перец, немного воды. Из муки, воды, яиц замешивают тесто, раскатывают и нарезают, формируют с фаршем изделия четырехугольной формы. Отваривают в подсоленной воде, подают, залив кислым молоком или сметаной. На одну порцию: баранина 80 г, лук репчатый 25 г, мука пшеничная 50 г, яйцо 5 г, перец, кислое молоко или сметана 200 г.

ХАКАЛИ

Тесто и фарш готовят так же, как для пельменей. Изделия формируют грушевидной формы размером около 75 г, подают 2—3 шт. на порцию.

Тесто: мука 300 г, соль 5 г, вода 100 г.

Фарш: баранина 220 г, лук репчатый 50 г, перец черный, зелень, бульон 70 г.

Фарш можно готовить и из: говядины 100 г, свинины 100 г, лука репчатого 50 г, соли 5 г, перца черного молотого 3 г, зелени, бульона 70 г.

ПЕЛЬМЕНИ ПО-БАШКИРСКИ

Замешивают крутое тесто, раскатывают толщиной около 2 мм, нарезают на квадраты 10×10 см. На лепешку укладывают фарш, соединяют углы, чтобы получился конверт с открытыми прорезями. Эти отверстия зашпиговывают; получают четыре угла, которые соединяют друг с другом. Готовые пельмени отваривают на пару 40 минут. Для этого можно использовать металлическое сито с кастрюлькой. Подают готовые изделия с бульоном или сметаной.

Тесто: мука 500 г, яйцо

3 шт., вода 1/2 стакана, соль. Фарш: говядина или баранина 1 кг, лук репчатый 2 головки, картофель 100 г, масло сливочное 2 ст. ложки, соль, перец.

ОЧИК МАНТИ

Дрожжи разводят теплой водой и замешивают тесто. Тесто оставляют в теплом месте, пока не поднимется. Из теста разделяют мелкие шарики величиной с грецкий орех, раскатывают в виде лепешек толщиной 3 мм. На середину лепешки укладывают фарш. Для фарша баранину с говядиной пропускают через мясорубку с крупной решеткой, добавляют лук, нарезанный кольцами, яйцо, соль, перец, перемешивают. Формуют манти овальной формы с отверстием. После отваривания изделия сбрызгивают виноградным уксусом.

Тесто: мука 500 г, дрожжи 20 г, вода 1 стакан, соль 5 г.

Фарш: мясо 1 кг, яйцо 1 шт., лук репчатый 2 шт., соль, перец.

ОШКОВОК МАНТИ

Замешивают крутое тесто, скатывают в шар, заворачивают в салфетку, расстаивают 15 минут. Затем обминают, скатывают в шар, тонко раскатывают и нарезают на квадратики 10×10 см. На каждый квадратик помещают тыквенную начинку, формируют манти овальной формы. Для начинки используют спелую тыкву, которую очищают от кожуры, семян, натирают на терке или нарезают кубиками 0,5×0,5 см. Затем добавляют нарезанный лук, соль, перец, обжаренные кубики сала, хорошо перемешивают. Иногда для улучшения вкуса добавляют сахар.

Тесто: мука 500 г, яйцо 1 шт., соль.

Фарш: тыква 1 кг, репчатый лук 5 головок, черный молотый перец, соль, сало 200 г, сметана для подливки или сливочное масло.

КАРТОШКА ЧУЧВАРА

Из муки, яйца, соли, воды готовят тесто, раскатывают и нарезают квадратиками по 4×4 см. Начинку помещают в середину квадратиков и отваривают в кипящей подсоленной воде. Для начинки отваривают картофель в «мундире», очищают и приготавливают пюре. Добавляют обжаренный на сливочном масле репчатый лук, соль, перец, хорошо перемешивают. При подаче поливают маслом, на тарелку укладывают по 15—16 штук.

Тесто: мука 500 г, яйцо 1 шт., соль, вода 1/2 стакана.

Начинка: картофель 1 кг, топленое или сливочное масло 200 г, репчатый лук 4 головки, соль, перец, масло при подаче 50 г.

ТУХУМ БАРАК

Перемешивают муку, молоко, соль и замешивают тесто. Затем тонко раскатывают, разрезают на квадратiki 5×5 см. Начинку готовят из отварного яйца, мелко нарезанного и обжаренного на сливочном масле репчатого лука с солью, перцем. На середину квадратика помещают начинку, формируют в виде маленького «ушка» и отваривают в кипящей подсоленной воде. При подаче на стол сбрызгивают маслом, посыпают перцем.

Тесто: мука 500 г, молоко 1 стакан, соль 5 г.

Начинка: яйцо 15 шт., репчатый лук 5 шт., масло сливочное или топленое 150 г, соль, перец.

ПЕЛЬМЕНИ С КАРТОФЕЛЕМ

Муку просеивают, высыпая горкой, делают углубление, посыпают солью, добавляют яйцо, воду и замешивают крутое тесто, которое выдерживают 30 минут. Подготовленное тесто формируют жгутиками толщиной 3 см, нарезают небольшими кусочками, раскатывают тонкими лепешками. На середину каждой лепешки помещают картофельную начинку, зашпиговывают края и отваривают в подсоленной воде с добавлением лаврового листа, перца горошком. Для начинки картофель очищают, отваривают, протирают через сито, добавляют мелко нарезанный обжаренный репчатый лук, сырое яйцо, соль, перец.

Тесто: мука 2 стакана, яйцо 1 шт., вода 1/2 стакана, соль.

Начинка: картофель 300 г, яйцо 1 шт., репчатый лук 1 шт., соль, перец.

ПЕЛЬМЕНИ С УТКОЙ

Из муки, воды, яиц и соли замешивают тесто, оставляют на 60 минут. Тесто раскатывают тонким слоем в 1 мм, нарезают квадратиками 4×4 см. Мякоть утки, репчатый лук, картофель пропускают через мясорубку с крупной решеткой, добавляют

СЕМЕЙНЫЙ ДОСУГ

специи, перемешивают. На середину квадратиков укладывают фарш из картофеля с уткой, зашпиговывают треугольниками, края соединяют (2 угла), отваривают на пару 25 минут. Подают со сметаной.

Тесто: мука 300 г, яйцо 1 шт., вода 120 г, соль.

Фарш: утка 500 г, лук репчатый 100 г, картофель 150 г, соль, перец.

ПЕЛЬМЕНИ В ГОРШОЧКЕ

Из муки, яиц, соли, воды замешивают крутое тесто. Тесто раскатывают толщиной в 1 мм, нарезают квадратиками 4×4 см, на середину которых укладывают капустный фарш, сворачивают треугольником, зашпиговывают края, отваривают в кипящей воде, помещают в горшочки. Затем заливают бульоном, добавляют сметану и доводят до готовности в жарочном шкафу. Для фарша капусту нарезают мелкой соломкой и обжаривают, добавляют обжаренный репчатый лук или измельченные яйца, зелень петрушки. При подаче пельмени поливают сливочным маслом или сметаной, посыпают зеленью.

Тесто: мука 70 г, яйцо 1/4 шт., вода 30 г, соль.

Фарш: капуста свежая или квашеная 120 г, маргарин сливочный 17 г, яйцо 1/4 шт., лук репчатый 20 г, зелень петрушки. На один горшочек.

*С. МЕТЕЛЬ,
кандидат технических наук
Ленинград*

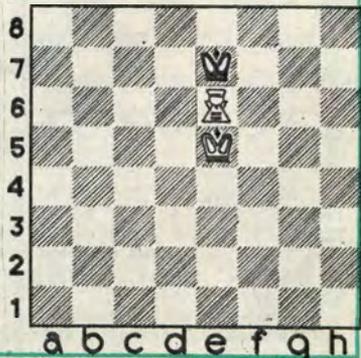
шахматный лекторий

Эндшпиль

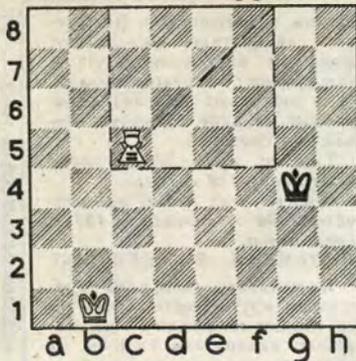
ПЕШЕЧНЫЕ ОКОНЧАНИЯ

Когда на доске много фигур, допущенная ошибка не всегда может привести к поражению. Другое дело — в эндшпиле. Там резко возрастает опасность потерпеть поражение от одного не точного хода.

Ход черных. Правильный ход ведет к ничьей, а неправильный — к поражению. 1... Крe8! 2. Крd6 Крd8 3. e7+ Крe8 4. Крe6 пат. 1... Крd8?? (Крf8) 2. Крd6 Крe8 3. e7 Крf7 4. Крd7 с последующим e8f.

СЕМЕЙНЫЙ ДОСУГ

Этот пример на одно из важнейших правил пешечных окончаний — *правило оппозиции* (противостояние королей). И еще: если пешка, поддерживаемая королем, вступает на предпоследнюю горизонталь без шаха — выигрыш, с шахом — ничья.

В эндшпиле возрастает активность королей, пешек. Считается, что сила игрока определяется в полной мере именно в эндшпиле, где возрастает роль знания теоретических позиций.

Вот еще одно правило из пешечных окончаний, которое очень помогает при проведении пешки в ферзи.

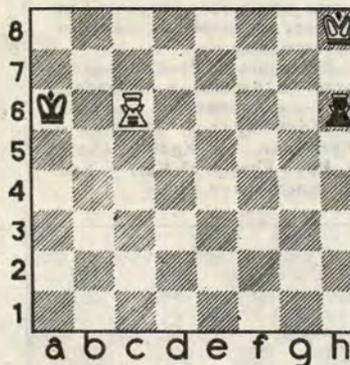
Как определить, проходит ли пешка в ферзи?

Оказывается это легко, зная правила квадрата. При ходе черных пешка не проходит, а при ходе белых — да.

Проверим: 1... Kрf5 (попадает в квадрат пешки) 2.c6 Kрe6 3.c7 Kрd7 и пешка не прошла. 1. с6 Kрf5 2.c7 Kрe6 — и не успел король задержать пешку.

Правило квадрата: «Если твой король успевает ступить в квадрат, одной из сторон которого является путь пешки от места ее расположения до поля превращения, — партия закончится вничью, твой король пешку обязательно догонит».

А вот очень красивый этюд Рети на правило квадрата:

Ход черных. Ничья.

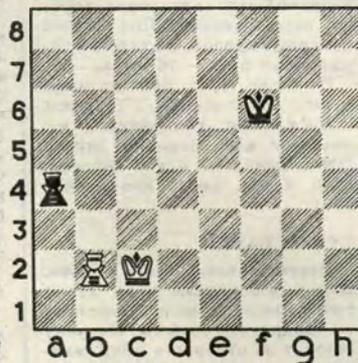
1...h5 2. Kpg7 h4 3. Kpf6 h3 (если 3... Kрb6 4. Kpe5 h3. 5. Kрd6 h2 6. c7 h1 Ф 7. с8Ф ничья, если 4... Kр:c6 5. Kpe4 и король в квадрате пешки) 4. Kpe7 h2 5. Kрd7 с ничьей.

Только из этих примеров видно, что эндшпиль (который под-

разделяется на пешечные, ладейные, ферзевые, коневые, слоновьи окончания) богат большим количеством точных теоретических позиций, без знания которых играть правильно, а тем более побеждать — невозможно.

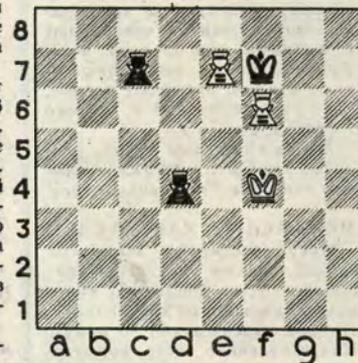
Конкурс шахматных семей

ЗАДАНИЕ 5

Ход белых. Выигрыш

ЗАДАНИЕ 6

Ход белых. Выигрыш
Н. ЮНЕЕВА

двенадцать рецептов зеленой аптеки

Клюква

Исключительные пищевые и лечебные свойства клюквы были известны в народе с давних пор.

Растет клюква на огромных пространствах моховых торфяных болот и сфагновых сосняков («рямов») северной и средней полосы европейской части страны, Сибири и Дальнего Востока. Клюква — вечнозеленый полукустарничек. Ее тонкие гибкие буроватые веточки стелются по поверхности мхов, лежат на кочках, олетают соседние травинки, укореняясь нитевидными корешками. Листочки мелкие, ко-

жистые, яйцевидно-ланцетовидные, сверху темно-зеленые, блестящие, снизу серебристые от воскового налета. В мае — июне на тонких цветоносах появляются мелкие, обычно поникшие розовато-красные цветки с четырьмя лепестками. К осени побегивают увешаны сочными шаровидно-продолговатыми ягодами, величиной с горошину, но нередко и крупнее до 12—16 мм в диаметре. В августе ягоды еще твердые и имеют беловатую окраску. Затем, в течение сентября — октября, плоды розовеют, становятся ярко-красными и, наконец, темнеют, что является признаком полной спелости.

Ягоды клюквы богаты разнообразными биологически активными веществами. Они содержат до 3—5 процентов органических кислот, среди них бензойная кислота, обладающая антисептическими свойствами, хинная и лимонная (благодаря чему ягоды имеют кислый вкус). Содержатся в них также рутин, кверцетин, большое количество пектиновых веществ, 2,3—5,0 процента сахаров (в основном глюкозы и фруктозы), различные микроэлементы, в первую очередь такие, как железо, марганец, йод, медь, серебро, кобальт, молибден, много витамина С и веществ Р-витаминного действия. По содержанию железа клюква превосходит многие экзотические плоды тропиков. А витаминов Р-группы в клюкве даже больше, чем в лимоне, и почти столько же, сколько в апельсине (конечно же, в пересчете на одну и ту же единицу веса).

Собирать клюкву можно в несколько сроков. Первый раз в сентябре, когда ягоды розоватые, твердые. При хранении они дозревают, размягчаются. Хранят их, залив холодной кипяченой водой. Второй раз ягоды собирают поздней осенью с наступлением морозов. В это время ягоды сочные, кислые, наиболее богаты витаминами. Хранят их в замороженном виде. Ягоды клюквы этого сбора хорошо переносят длительное хранение. Это объясняется тем, что органические кислоты, особенно бензойная, обладая хорошими антисептическими свойствами, надежно угнетают развитие вредных микроорганизмов и оказывают консервирующее действие, то есть сами ягоды несут в себе консервант. Весной, когда тает снег, также можно собирать клюкву. В перезимовавших под снегом ягодах несколько снижается содержание органических кислот, в том числе бензойной и аскорбиновой. В результате плоды «подснежной клюквы» становятся более сладкими и вкусными. Но вместе с тем они совсем почти лишены витамина С и быстро портятся при попытке хранения.

Клюква широко использовалась на Руси в качестве лекарственного средства. Недуги, сопровождающиеся лихорадочными состояниями, быстро излечивались при обильном упо-

треблении питья из клюквенного сока. Такое питье хорошо утоляло жажду больного благодаря специфическому действию на организм содержащейся в нем лимонной кислоты. Лечились клюквой при простудных заболеваниях, ангине, суставном ревматизме. В этих случаях употребляли взбитую смесь из выжатых ягод с медом. И, конечно же, клюква была отличным противогрибковым средством. В народной медицине клюкву применяли также против головной боли, особенно после угара.

Спектр фармакологических свойств клюквы весьма значителен. Она обладает тонизирующим действием, улучшает работу желудка и кишечника, нормализует кислотно-щелочное равновесие организма, оказывает регулирующее действие на обмен веществ, эффективна как жаропонижающее средство, как источник витаминов и микроэлементов при гипо- и авитаминозах. Употребление клюквы устраняет утомляемость, головные боли, восстанавливает сон, повышает сопротивляемость организма болезням. Ягоды клюквы, благодаря высокому содержанию в них витаминов Р-группы, хорошо зарекомендовали себя при лечении гипертонии, атеросклероза, ревматизма, интоксикаций, как средство, укрепляющее стенки кровеносных сосудов.

Ягоды клюквы не только лекарства, но и ценный и вкусный пищевой продукт: их едят свежими, мочат, засахаривают, делают соки, сиропы, компоты, желе, морс, коктейли, квас, мармелад, кисель.

Клюквенный экстракт в северной русской стороне получали с помощью ... мороза. Разведенный с водой сок выставляли на мороз в неглубокой плоской посудине. Из содержащейся в нем воды образовывались кристаллики льда, а густой труднозамерзающий экстракт, оставшийся в жидком виде, отделяли от льда процеживанием.

Значительно моложе этого способа метод приготовления моченой клюквы. В раствор из 100 г соли и 500 г сахара и 10 л воды в кадки помещают промытую клюкву так, чтобы ягоды полностью поместились в раствор. Кадки держат в помещениях с температурой плюс 23—25 градусов, с тем, чтобы активизировать процесс брожения. Через 10 дней после завершения брожения ягоды клюквы перекалывают в другую посуду, закупоривают и хранят в прохладных помещениях — подвалах, погребах.

Широко известен клюквенный морс. Отличные отзывы заслужили освежающие напитки из процеженного сока клюквы с добавлением газированной воды, сахара, мелких кусочков лимонной корки. Очень кстати клюква и при приготовлении квашеной капусты типа провансаль, многочисленных острых соусов, приправ к мясным блюдам. Пектин и сахар клюквенной мякоти дают прекрасные желевидные продукты. Варенье из

клюквы обладает высокими вкусовыми качествами.

КЛЮКВЕННЫЙ МОРС

1 стакан клюквы, 0,5 стакана сахара, 1 л воды.

Отжать сок из отобранных и промытых ягод. Выжимки кипятить в воде 10 минут, отвар процедить, добавить сахар и полученный ранее сок. Можно приготовить морс и другим способом. Бланшированные ягоды размять, залить водой, кипятить 5—10 минут, отвар процедить, добавить в него сахар, охладить и дать постоять 10—12 часов.

КЛЮКВЕННЫЙ МОРС С МЕДОМ

1 стакан клюквы, 2 столовые ложки меда, 1 л воды.

Отобранный и бланшированную клюкву размять, кипятить в воде 5—10 минут, отвар процедить, добавить в него мед, оставить на 1—2 часа. Подавать морс охлажденным.

КЛЮКВЕННЫЙ КИСЕЛЬ

100 г клюквы, 75 г сахара, 60 г картофельного крахмала.

Ягоды перебрать, промыть горячей водой, размять, добавить 1,5 стакана холодной кипяченой воды, протереть через сито или отжать через марлю. Выжимки залить 2 стаканами воды и кипятить 5 минут. Отвар процедить, добавить сахар, вскипятить, влить разведенный крахмал и, размешивая, дать закипеть еще раз. В готовый кисель добавить отжатый сок и хорошо размешать.

КЛЮКВЕННЫЙ НАПИТОК «СЕВЕР»

2 стакана клюквенного сока, 2 стакана пастеризованного холодного молока, 1 яйцо, 3 столовые ложки сахара.

Яйцо растереть с сахарным песком, добавить молоко и клюквенный сок, тщательно перемешать и поставить в холодильник. Перед подачей положить в стаканы кубики льда.

ВАРЕНЬЕ ИЗ КЛЮКВЫ

1 кг клюквы, 1 кг яблок, 2,5 кг сахара, 1 стакан очищенных грецких орехов.

Клюкву перебрать и промыть, положить в кастрюлю, влить 0,5 стакана воды и варить под крышкой до тех пор, пока ягоды не станут мягкими, затем размять их и протереть через сито. В тазу для варенья сварить сироп, положить в него протертую клюкву, очищенные от сердцевин и нарезанные дольками яблоки, очищенные от скорлупы грецкие орехи и варить примерно в течение 1 часа.

КЛЮКВА В СОБСТВЕННОМ СОКУ

7 кг клюквы, 3 л клюквенного сока

Отобранные и промытые ягоды, выдержанные 10 минут на сите для удаления воды, уложить в чистые стеклянные банки, залить свежесжатым соком и пастеризовать: поллитровые банки — 5—6 минут, трехлит-

ровые — 20 минут. Хранить в прохладном месте.

СИРОП КЛЮКВЕННЫЙ

1 л клюквенного сока, 1 кг сахара, 1 л воды.

Приготовить сахарный сироп, залить им клюквенный сок. Смесь кипятить 3—5 минут, разлить в стерилизованные банки и укупорить.

В. ВАСИЛЕВСКИЙ,
биолог, г. Омск

третья охота

Строчки — исключить!

Как только стает в лесах апрельский снег, и земля начнет прогреваться, как они уже тут как тут, вылезают на свет божий. Частенько их бывает очень много — и в садах с прошлогодней падалицей, и на вырубках, и у прежних костров, и просто вдоль дорожных канавок. Из деревьев, к которым они предпочитают присоседиться прежде всего, отметим ивняк, но не избегают они и осинок и сосенок.

Сумчатые грибы не похожи ни на трубчатые (белый, осиновик, моховик), ни на пластинчатые (сыроежка, груздь, рыжик). Ножка у сумчатых сростлась со шляпкой, а шляпка похожа то на огромный очищенный грецкий орех, то шоколадного цвета (это — «строчок»), то на светло-коричневые глиняные нащепки, истонченные сотами ос (это — «сморчок обыкновенный»), то на полустлепший конический шлем восточного воина («сморчок конический»), то на сморщенный наперсток, надетый на палец («сморчковая шапочка»). У всех этих грибов под кожей шляпки — «сумочки» (от которых они и получили свое название) со спорами. Созревая, «сумочки» лопаются и выстреливают спорами во все стороны — для образования новых грибочков. Растут все сумчатые только в апреле и мае. Исключением является редкий «осенний сморчок»; похожий на гномика, он не просто осенний, а замыкает цикл развития всех грибов.

Сумчатые грибы — по своему очень вкусны, и многие любят различные блюда их них. Самое вкусное — тушеные в сметане. Отменные они и жареные с добавлением на сковороде перед самым снятием немного сметаны. Жарить же их надо на несильном огне, прикрывая крышкой, так как нарезанные кусочками они трещат и даже прыгают.

Вкусны-то сумчатые грибы вкусны, но все они всегда считались лишь условно-съедобными. То есть такими грибами, которые можно есть лишь после обязательной, предварительной особой обработки. Для сумчатых эта обработка необходима потому, что все они содержат

ядовитую гельвелловую кислоту. Давно было замечено, что отравление этими грибами без достаточной их обработки бывало разным, когда — легким, когда — тяжелым. Самые же странным и страшным было то, что отравление иногда наступало и после тщательной предварительной обработки. Это заставило токсикологов совсем недавно произвести скрупулезное исследование биохимического строения сумчатых грибов. И выяснилось, что все виды сморчков имеют лишь одно ядовитое начало — указанную гельвелловую кислоту, отлично, как и знали до этого, удаляемую из них особой предварительной варкой. Строчки же, оказалось, кроме гельвелловой кислоты, содержат еще один яд — *гирометрин*, очень сильный и никакими средствами (ни сушкой, ни варкой, ни жареньем, ни просаливанием) не выводимый. И установлено, что порция строчков, даже правильно предварительно обработанных, приготовленная из 400 граммов их сырого веса, для одного человека — уже летальна (то бишь смертельна!).

Поэтому строчки с недавнего времени *исключены* из категории условно-съедобных грибов и переведены в категорию *ядовитых*, для пищи абсолютно непригодных. Еще раз об их внешнем виде: сростаясь с ножкой шляпка — головка шоколадного цвета (у взрослых грибов с кулачок), похожая на очищенный грецкий орех, и на мозги. При сборе грибов вы этот гриб не снимайте, а покупая грибы на рынке, будьте внимательны и берите лишь сморчки.

Для оранжевых же, желтоватых и светло-коричневых сморчков — напомним метод выведения из них гельвелловой кислоты.

Сначала очистите грибы от всяких листочков, комочков земли, случайных мошек. Несъедобный низ ножки отбросьте. Промойте все в теплой воде, нарежьте помельче (с половину карандашной резинки) и, положив в другую теплую воду, доведите ее до кипения, и кипятите грибы 10—12 минут. (Сразу в кипятке их класть нельзя, так как яд «заваривается».) Отвар, принявший кислоту, слейте прочь, грибы промойте в новой теплой воде и отожмите. Затем вся процедура повторяется вторично. И лишь после этого грибы можно жарить и тушить. *Повторное кипячение* — на 5—6 минут — *гарантийное*, потому что некоторые почвы, с которых вы сняли грибы, дают повышенную насыщенность гельвеллой. Не прокипятив сморчки вторично, вы можете остаться в живых лишь случайно. Возни с вкусными сморчками много, но упрощать процедуру их обезвреживания, как видите, нельзя. Поэтому и готовьте их гораздо удобнее дома, а не на месте сбора (когда вы выехали за город дня на два с палатками).

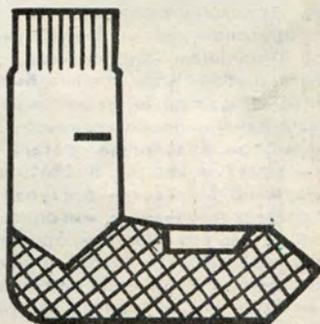
М. КРУПНОВ-ДЕНИСОВ

полезные советы

Рукавички из... старых носков

Если поискать, то в каждом доме найдется несколько пар старых шерстяных носков. Пятка и стопа носков обычно вынашиваются очень быстро, выбрасывать такие носки жалко, а шtopка не всегда эффективна. Вот и лежат старые носки, ждут своего часа. А ведь из них можно легко и быстро смастерить теплые и красивые рукавички для ребенка. Так что у меня теперь старые носки идут в дело.

На одну пару варежек идут две пары носков. Из верхней части носка выкраиваю собственно варежку и отдельно — большой палец. Все, что на рисунке заштриховано, идет в отходы (нарезаю подосками и ис-

пользую для набивки мягких игрушек, которые мы тоже любим мастерить на досуге). Заштриховую на машинке швы, обрабатываю «зигзагом», выворачиваю одну пару — ту, которая пойдет на верхнюю часть варежки. Приметываю большой палец и осторожно, чтобы не растянулся шов, пристрачиваю. Вставляю одну варежку в другую и привязываю ниткой в верхушке варежки и большого пальца. А основание варежки шиваю, не затягивая сильно, через край.

Вот варежки и готовы. Осталось их украсить. Здесь можно пофантазировать: вышить или пришить цветочки, орнамент, звездочки, снежинки, сделать бомбошки и т. п.

Удобно то, что резинка уже есть и варежка плотно облеget запястье. Можно сделать варежки и по-другому — не застрачивать на машинке, а осторожно выдернув обрезанные нити, довязать верхний уголок на спицах или крючком. Большой палец тоже можно вязать. Нити могут отличаться по цвету, но варежки от этого становятся только приметнее и наряднее.

Для холодов я делаю такую пару варежек: прокладываю внутри слой теплой ткани (фланели, бязи и т. п.). Такие варежки не только теплые, но и «непродуваемые».

Е. АФАНАСЬЕВА
г. Свердловск

ВЛАДИМИР МАКОВСКИЙ «НА БУЛЬВАРЕ»

Художник Владимир Егорович Маковский (1846—1920), знаменитый мастер русского жанра, родился в Москве, в просвещенной и по-старинному хлебосольной семье, в которой любили искусство и почитали художников. Отец, Егор Иванович, сам художник-любитель, был страстным собирателем картин. В доме висели работы Тропинина, Кипренского, Брюллова. Мать, Любовь Корнильева, была певицей. Похоже, для детей этой семьи искусство было единственным вариантом жизненного выбора. Художниками стали все они — три брата и сестра. В 1861 году, когда Владимир Маковский поступал учиться в Московское училище живописи, ваяния и зодчества, его старший брат Константин уже прославился своей примечательной исторической картиной на сюжет о Дмитрие Самозванце. Однако театрально-приподнятая, эффектно-красноречивая живописная манера Константина не увлекла Владимира, возможно, — оттолкнула его. Видимо, он хотел обособиться от брата, стать поскорее самим собой. Как бы то ни было, все внимание молодой Владимир Маковский обратил на скромные сюжеты, на простых людей, на то, что называется «поэзией обыкновенности».

Отсчет художественных успехов Маковского идет с 1869 года, когда за картину из жизни крестьян он получил звание классного художника 1-й степени с золотой медалью Вилле-Лебрен за экспрессию письма. Названия его картин рубежа шестидесятых-семидесятых годов говорят сами за себя: «Игра в бабки», «Приворотные певички», «В приемной у доктора». За хорошее знание и понимание быта его считали последователем Перова; однако исследователь справедливо замечал, что ему «чужда обличительная тенденциозность Перова». В нем созрел художник-рассказчик, наблюдатель людей и обстоятельств, взвешивающий на них достаточно трезво, но без малейшей беспощадности. Напротив, шемдящая сердце доброта к людям — самая сильная сторона хотя бы картины «Любители соловьев», написанной в 1872—73 годах, за которую Маковский получил звание академика. Он написал в низкой комнате с подслеповатым оконцем, с божницей в углу трех стариков, слушающих пение соловья в клетке, висевшей под потолком. Повесть жизни каждого из них прочитывалось легко и однозначно: это простые люди, бедные, одинокие, несчастные, которым только и осталось радости в жизни, что слушать

пленного соловья да чаевничать друг с другом.

Оглядывая сейчас наследие Маковского в целом, трудно не заметить, что творческая удача сопутствовала ему главным образом тогда, когда он писал людей, прямо задетых драматическим ходом русской истории. Он работал в эпоху распада патриархального быта, опиравшегося на крепостнический уклад, когда в России формировались какие-то новые общественные структуры и, следовательно, — новые отношения между людьми, и многое если не все в происходящем было непривычно, затруднительно и непонятно и не позволяло в наступающих обстоятельствах чувствовать себя как дома. Можно, наверное, сказать, что в лучших своих созданиях Маковский и был художником людей, потерявших уверенность и ощущение надежности жизни. Вот, например, его картина «Крах банка» (1881). Кого только нет в толпе, явившейся в прогоревший банк, — и генерал, и вдова-помещица; кто в обмороке, кто в истерике; истуканом стоит монументальный жандарм, а по самому краю полотна бочком и украдкой пробирается, торопясь уйти незамеченным, юркий чиновник-негодяй, прячущий в карман ценные бумаги, уворованные при ликвидации... Вот другой шедевр Маковского — «Свидание» (1883). Молодая крестьянка, пришедшая из деревни повидаться с сыном, отданным в учение в город. Замороженный мальчонка-подмастерье кусает подаренный матерью калач, а женщина в платке смотрит на него с молчаливой мучительной скорбью, исключаяющей бурное проявление чувств, потому что словами или слезами не помочь, — разлука их безысходна, будущее predetermined, им никогда уже не жить вместе...

Надо сказать, что шедевров, подобных этим, у Маковского сравнительно немного. Он не был художником-философом (а когда, бывало, пытался философствовать — терпел сокрушительное поражение, как, например, в ходульных и риторичных полотнах о Ходынке или Девятом января, написанных, понятно, значительно позднее). Область Маковского — быт, а не история. Область его шедевров — быт, взорванный историей. Там же, где течение жизни проходило в привычном и благополучном русле, Маковский оставался всего лишь бытописателем. Разумеется, он стремился как можно шире охватить русскую жизнь, и, действительно, мы с интересом разглядываем на его картинах и снов-

ников, и дельцов, и чиновников, и мещан, и колоритных обитателей городского дна, юношей, старцев, женщин и детей. Все это имеет теперь преимущественно историческую ценность, правда, немалую — в частности, из-за обилия деталей и подробностей. Помимо основной ситуации в картине, Маковский огромное значение придавал интерьеру и натюрморту, справедливо полагая, что вещи характеризуют время никак не меньше, чем человек.

Теперь о картине «На бульваре». Это, конечно, тоже шедевр — едва ли не последний в творчестве Маковского. Маковский написал его в 1886 году (ныне хранится в Третьяковской галерее). Стасов, всегда хваливший Маковского шумно, горячо и, пожалуй, неумеренно, описывал ее так: «К молодому мужу, мастеровому, пришла из деревни жена с ребенком. Они сидят на скамейке, под деревьями, на бульваре. Муж немного выпил, у него щеки рдеют, он играет на гармонике, заломив голову, о жене и ребенке, кажется, позабыл думать. А она, с довольно грустным и животным выражением, сидит, потупившись в землю, и, кажется, ничего, бедная, не понимает, и не думает. Такой глубоко верный тип Владимира Маковского, да и кто угодно у нас, в первый раз затронул». В этом описании все точно, кроме «тупого» выражения в глазах женщины. Стасов, как это с ним часто бывало, в угоду тенденции (в данном случае, вере в серьезное преимущество города перед «темной» русской деревней) говорил против всякой очевидности. Маковский же, невосприимчивый к «тенденциям», увидел вещи в гораздо более правильном свете. Не тупость, а отчаяние в глазах молодой женщины (здесь ощущима переключка со «Свиданием»). Жизнь, заведенная в тупик. Возможно, не умом, но сердцем женщина отлично понимает положение дела, — гораздо лучше, чем ее подвыпивший муженек (но ведь он пьет, чтобы ничего не понимать, не думать). В этой картине — редкая у Маковского, удивительно сильная лирическая атмосфера. И потому, что это — картина о несчастной любви, о сложенной жизни. И потому, что это — картина о любимом городе. С нежностью и восторгом Маковский написал московскую даль, городские крыши, серенькое небо, голые деревья и рисующийся в глубине еле различимый силуэт церкви.

В. АЛЕКСЕЕВ

На булваре. 1886 – 1887 гг.

Русская народная сказка
в обработке А. Н. Толстого

Дрозд на дереве гнёздышко свил, яички снёс и вывел детёнышей. Узнала про то лисица. Прибежала — и тук-тук хвостом по дереву.

Выглянул дрозд из гнезда, а лисица ему:

— Дерево хвостом подсеку, тебя, дрозда, съем и детей твоих съем!

Дрозд испугался и стал просить, стал лису молить:

— Лисонька-матушка, дерева не руби, детушек моих не губи! Я тебя пирогами да мёдом накормлю.

— Ну, накормишь пирогами да мёдом — не буду дерево рубить!

— Вот пойдём со мной на большую дорогу.

Отправились лисица и дрозд на большую дорогу: дрозд летит, лисица вслед бежит.

Увидел дрозд, что идёт старуха с внучкой, несут корзину пирогов и кувшин мёду.

Лисица спряталась, а дрозд сел на

дорогу и побежал, будто лететь не может; взлетит от земли и сядет, взлетит да и сядет.

Внучка говорит бабушке:

— Давай поймаем эту птичку!

— Да где нам с тобой поймать!

— Как-нибудь поймаем. У ней, видать, крыло подбито. Уж больно красивая птичка!

Старуха со внучкой поставили корзину да кувшин на землю и побежали за дроздом.

Отвёл их дрозд от пирогов да от мёду. А лисица не зевала: вволю пирогов да мёду наелась и в запас припрятала.

Взвился дрозд и улетел в своё гнездо.

А лисица тут как тут — тук-тук хвостом по дереву:

— Дерево хвостом подсеку, тебя, дрозда, съем и детей твоих съем!

Дрозд высунулся из гнезда и ну лисицу просить, ну лисицу молить:

— Лисонька-матушка, дерева не руби, детушек моих не губи! Я тебя пивом напою.

— Ну, пойдём скорей! Я жирного да сладкого наелась, мне пить хочется!

Полетел опять дрозд на дорогу, а лисица вслед бежит.

Дрозд видит — едет мужик, везёт бочку пива. Дрозд к нему: то на лошадь сядет, то на бочку. До того рассердил мужика! Сел дрозд на гвоздь (на затычку в бочке), а мужик как ударил топором — и вышиб из бочки гвоздь. Сам побежал догонять дрозда.

А пиво из бочки на дорогу льётся.

Лиса напилась сколько хотела, пошла, песни запела.

Улетел дрозд в своё гнездо. Лисица опять тут как тут — тук-тук хвостом по дереву:

— Дрозд, а дрозд, накормил ты меня?

— Накормил!

— Напоил ты меня?

— Напоил!

— Теперь рассмеши меня, а то дерево хвостом подсеку, тебя, дрозда, съем и детей твоих съем.

Повёл дрозд лису в деревню. Видит — старуха корову доит, а рядом старик лапти плетёт.

Дрозд сел к старухе на плечо. Старик и говорит:

— Старуха, ну-ка не шевелись, я убью дрозда! — И ударил старуху по плечу, а в дрозда не попал.

Старуха упала, подойник с молоком опрокинула. Вскочила старуха и давай старика ругать.

Долго лисица смеялась над глупым стариком.

Улетел дрозд в своё гнездо. Не успел детей накормить, лисица опять хвостом по дереву тук-тук-тук.

— Дрозд, а дрозд, накормил ты меня?

— Накормил!

— Напоил ты меня?

— Напоил?

— Рассмешил ты меня?

— Рассмешил!

— Теперь напугай меня.

Рассердился дрозд и говорит:

— Закрой глаза, беги за мной!

Полетел дрозд, летит — покривается, а лисица бежит за ним — глаз не открывает.

Привёл дрозд лису прямо на охотников:

— Ну, теперь, лиса, пугайся!

Лиса открыла глаза, увидела собак — и наутёк.. А собаки — за ней. Едва добралась до своей норы.

Залезла в нору, отдышалась маленько и начала спрашивать:

— Глазки, глазки, что вы делали?

— Мы смотрели, чтобы собаки лисоньку не съели.

— Ушки, ушки, что вы делали?

— Мы слушали, чтобы собаки лисоньку не скушали.

— Ножки, ножки, что вы делали?

— Мы бежали, чтобы собаки лисоньку не поймали.

— А ты, хвостице, что делал?

— Я, хвостице, по пням, по кустам, по колодам цеплял да тебе бежать мешал.

Рассердилась лисица на хвост и высунула его из норы:

— Натё, собаки, ешьте мой хвост!

Собаки ухватили лисицу за хвост и вытащили её из норы.

Рисунок Н. Медведевой

30 коп.

Индекс 70909

Фото Валерия ШЕКОЛДИНА

